

К 09
Х 982



ФОНД СОРОСА — КЫРГЫЗСТАН

ЮЛИЙ ХУДЯКОВ



КЫРГЫЗЫ
НА ПРОСТОРАХ
АЗИИ

ПРОГРАММА

**“ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ”**

Ю. С. ХУДЯКОВ

КЫРГЫЗЫ НА ПРОСТОРАХ АЗИИ

г. БИШКЕК

1995

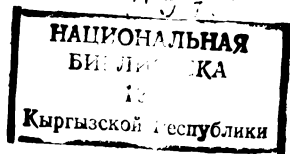
*В книге излагаются актуальные проблемы этногенеза и культурогене-
за кыргызов в период древности и средневековья, анализируется широ-
кий круг письменных и археологических источников, охватывающих ос-
новные этапы истории кыргызов Центральной Азии. Освещаются дис-
куссионные вопросы этнонимии тюркоязычного населения Енисея,
происхождение и развитие кыргызской культуры, принадлежность кыр-
гызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов.*

*Рассматриваются также пути миграции кыргызов в Азии и их пересе-
ление на Тянь-Шань, где они составляют этническое ядро современного
кыргызского народа. Анализируются вопросы военного дела, государст-
венного устройства, торговых и культурных связей кыргызов с другими
народами Центральной Азии.*

*Данное издание представляет собой оригинальную авторскую руко-
пись, подготовленную в рамках программы "Трансформация гумани-
тарного образования в Кыргызской Республике", осуществляемую Фон-
дом Сороса—Кыргызстан совместно с Министерством образования и
науки Кыргызской Республики.*

*Спонсором программы является известный американский финансист
и философ ДЖОРДЖ СОРОС .*

*Фонд Сороса—Кыргызстан будет благодарен за отзывы, замечания и
предложения в адрес данной книги.*



К ЧИТАТЕЛЮ

События древней и средневековой истории кыргызов, воинственного и стойкого тюркоязычного кочевого народа, населявшего более двух тысячелетий Южную Сибирь и Центральную Азию, вряд ли могут оставить равнодушным исследователя, прикоснувшегося к их полной драматизма исторической судьбе. Вышедшим на арену политической борьбы в Центральной Азии в конце III века до новой эры кыргызам, на протяжении всей последующей длительной и бурной истории приходилось с оружием в руках отстаивать свою свободу и бороться за гегемонию в центральноазиатском регионе с могущественными кочевыми империями хуннов, жуань-жуаней, тюрков, сейяньто, уйгуров, киданей, монголов и др. В IX веке наступил звездный час кыргызской истории. Прорвав оборонительные заслоны уйгуров, кыргызы смогли покорить степные просторы Центральной Азии и пронести свои боевые знамена до Забайкалья, Маньчжурии, Китая, Алашаня, Восточного Туркестана, Прииртышья и Приобья. Азиатские степи от границ сибирской тайги до северных отрогов Тянь-Шаня вошли в состав Кыргызского каганата. Этот период был справедливо назван выдающимся специалистом по истории кыргызов, академиком В. В. Бартольдом, временем “кыргызского великодержавия”. Однако эти небывалые, ошеломляющие военные успехи кыргызов стали причиной их ослабления в начале II тысячелетия новой эры. Рассеявшиеся на бескрайних просторах азиатских степей от Иртыша до Амура, утратившие постоянную связь между отдельными ордами, потерявшие в бесчисленных боях цвет своего войска, кыргызы не смогли сдержать напора надвигающихся с востока, набирающих силы монголоязычных племен: киданей, найманов, кара-киданей. Отдельные этнические группы кыргызов осели в отдаленных землях и вошли в качестве родо-племенных подразделений в состав ряда тюркоязычных и монголоязычных народов. А в степи обезлюдевшей Минусинской котловины начали просачиваться из окрестных таежных районов зависимые охотничьи племена кыштымов. Таежные звероловы постепенно перенимали навыки скотоводческой культуры, переходили на тюркскую речь, заселяли часть степных районов Минусы. В X веке, после вторжения в

степи Монголии киданей, единый кыргызский этнический массив оказался разделенным надвое. Одна часть кыргызов осталась в Саяно-Алтае, подчиняя своей власти племена кыштымов, другая переселилась в Восточный Туркестан, населив северные склоны Восточного Тянь-Шаня. Кыргызское государство распалось на отдельные княжества. Когда в начале XIII века к верховьям Енисея подступила могучая волна монгольской конницы, посланная Чингиз-ханом, она погребла под собой кыргызские княжества, которые не смогли оказать монголам серьезного сопротивления. Кыргызы оказались разбросанными по бескрайним просторам Монгольской империи. Кыргызские военные отряды несли службу в Каракоруме, в северном Китае, в Маньчжурии, участвовали в междоусобных войнах Чингизидов. В Могулистане окрепла этническая группа восточнотуркестанских кыргызов, переселившаяся в XV веке на Западный Тянь-Шань, которая и составила ядро современного кыргызского народа.

На Енисее в XVII веке образовалось несколько кыргызских княжеств, находившихся в вассальной зависимости от халха-монголов и джунгар. В начале XVIII века джунгары, отступая под напором русских увеличили численность кыргызов в Джунгарию. После разгрома джунгар маньчжурами часть кыргызов была переселена в Маньчжурию, часть вместе с калмыками бежала в Поволжье и вошла в состав современных народов Саяно-Алтая, Приуралья и Поволжья.

Эти далекие по времени, но волнующие воображение события давно привлекали внимание ученых — историков, археологов, этнографов Европы, России, Китая. В последние десятилетия все большую роль в изучении исторического прошлого кыргызов играют ученые Кыргызстана. Ученые-кыргызоведы пытаются по крупным сведениям, разбросанным в исторических хрониках разных эпох, результатам археологических раскопок, материалам фольклора, топонимии и родо-племенного состава коренного населения Юга Сибири и Тянь-Шаня восстановить канву исторических событий, оценить уровень развития хозяйства, духовной культуры, военного искусства, проследить основные этапы этнической истории кыргызов. Достижения богатой и оригинальной средневековой культуры енисейских кыргызов привлекали внимание современников. Решение сложных и порой запутанных вопросов кыргызской истории важно для понимания исторических судеб всей кочевой цивилизации Центральной Азии.

Однако рамки традиционного научного исследования не всегда позволяют вместить увлеченность, вдохновляющую исследователя в работе над подобной темой, дать волю рискованным и заманчивым гипотезам,

без которых невозможно познание, создание сопричастности давно прошедшим событиям, без чего нет и не может быть изучения истории.

Только войдя в круг чтения широких масс читателей, интересующихся прошлым, и в современную культуру, историческое знание обретает свой действительный смысл.

Своими впечатлениями, предположениями и заключениями, возникшими в ходе многолетнего путешествия в поисках исторического прошлого кыргызов с берегов Енисея и отрогов Тянь-Шаня, автор надеется заинтересовать читателей.

Глава I. ВОДОВОРОТ ПРОБЛЕМ

Сведения о расселении, различных сторонах жизни, быта, хозяйства, духовной культуры кыргызов, об участии их в событиях военной и политической истории Азии, содержащиеся в источниках, очень фрагментарны и нередко противоречивы.

Первые упоминания о кыргызах содержатся в китайских исторических сочинениях, относящихся к периоду правления Ханьской династии. В поле зрения летописцев кыргызы попадают в конце III века до н.э., когда они были покорены первым известным завоевателем Центральной Азии, создателем хуннской державы, шаньюем Модэ. С этого времени исторические судьбы кыргызов оказались в течение нескольких столетий связанными с племенами динлинов, боровшихся против хуннов и сянбийцев.

В отдельные периоды древние кыргызы-гяньгуни внезапно исчезали из летописных текстов, чтобы снова занять свое место в борьбе кочевых племен против новых кочевых империй. Когда в середине VI века на развалинах государства жуань-жуаней был создан Великий Тюркский каганат, к деяниям его правителей было приковано внимание придворных летописцев во всех пограничных странах от Византии до Китая. Среди этих писаний иногда проскальзывают упоминания о кыргызах, проживавших на берегах Енисея. С возникновением в конце VII века древнетюркской рунической письменности в надписях, призванных увековечить деяния тюркских каганов и полководцев, приводятся драматические сообщения о походе тюркского войска через Саяны, о гибели кыргызского кагана Барс-бега, о покорении его народа.

В VIII веке тюркское владычество сменилось уйгурским. Длительная борьба кыргызов с уйгурами нашла отражение в уйгурских и кыргызских рунических текстах. Победа кыргызов в войне с уйгурами в 840 году привлекла к ним внимание Танской империи, Тибета, Средней Азии.

Благодаря выдающимся военным успехам и созданию обширного государства, раскинувшегося на просторах Центральной Азии, кыргызы и кыргызская культура оставили заметный след в военной, этнокультурной истории. Наиболее подробны сведения о кыргызах IX века. Вслед за этим звездным часом кыргызской истории наступили распад каганата, разделение единого этноса на две обособленные группы, утрата собственной письменности, невнимание со стороны составителей летописных и географических сочинений. Новый всплеск интереса к кыргызам породил роковой для них XIII век, когда они, равно как и другие кочевые народы, стали объектом завоевательных устремлений набирающего силу монгольского государства.

С конца XIV века кыргызские земли вновь укрылись неизвестностью вплоть до трагического для них XVIII столетия, когда после длительной, изнурительной борьбы между двух огней — монгольскими государствами и Россией—ослабленному и малочисленному народу пришлось навсегда покинуть берега Енисея. Эти события освещены в русских источниках XVII—XVIII вв.

В середине II тыс. н. э. кыргызы, длительное время остававшиеся в неизвестности в землях Восточного Туркестана, нашли родину в Западном Тянь-Шане, сплотив вокруг своего этнического ядра местные и пришлые тюркские и монгольские племена. Эти события их истории нашли отражение в грандиозном эпосе “Манас”.

Так в течение всей древней и средневековой истории сведения о кыргызах то выходят на передний план, то совсем исчезают со страниц источников. Далеко не всегда периоды широкой известности и небытия совпадают со взлетами и падениями исторической судьбы. Иногда это связано со смутными периодами в истории стран, где сохранялась устойчивая письменная традиция.

Столетия пройденного кыргызами исторического пути оставили заметный след в самобытной культуре, памятники которой — курганы, поселения, клады, петроглифы, надписи разбросаны по всей Центральной Азии. Так же как и свидетельства современников, они могут дать ответ на многие неясные вопросы кыргызской истории.

Прошло не более двух десятилетий со времени исчезновения кыргызов как самостоятельного этноса с берегов Енисея, когда их памятники впервые привлекли внимание европейских ученых, попавших в заповедные места Минусинских степей по горячим следам недавних событий. В сферу внимания ученых и путешественников попали кыргызские курганы, крепости, памятники письменности и искусства. Сойдя с арены непосредственного исторического действия, енисейские кыргызы

сразу попали на страницы исторических повествований. И по мере того, как последние их исторические деяния в Минусинских степях уходят все дальше в прошлое, интерес к ним не падает, а возрастает. Новые открытия заставляют продолжать поиск.

Впервые в поле зрения современной науки следы исторического пребывания кыргызов на Енисее попали в первой трети XVIII века, менее двух десятилетий после того, так они были уведены в Джунгарию.

Посланные в Сибирь экспедиции Российской академии должны были заниматься, в первую очередь, оценкой природных ресурсов, климата, флоры и фауны, изучать население различных районов. Широта кругозора и разносторонняя образованность европейских ученых, принимавших участие в экспедициях, позволили им обратить внимание на памятники древности, положив начало изучению средневековой истории Южной Сибири.

Первое путешествие по степям Минусинской котловины в 1721—1722 годах совершил Даниэль Готлиб Мессершмидт. В составе экспедиции работали Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, Карл Шульман и др. Среди обнаруженных памятников были многочисленные курганы, каменные изваяния, наскальные рисунки, надписи. В январе 1722 года Ф.И.Страленбергом был впервые на территории Сибири раскопан земляной курган с целью выяснения его внутреннего устройства.^{1*} Особое внимание путешественников привлекли письмена, названные “руническими” по сходству с древнегерманскими рунами. В ходе работ было собрано значительное количество древних вещей, зафиксированы сведения, полученные от бугровщиков. Собранные материалы положили начало научному изучению южносибирских древностей. Осмысление результатов работ в трудах Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга способствовало росту интереса к сибирской истории. Некоторые из зафиксированных экспедицией изваяний, петроглифов, находок в дальнейшем не сохранились и известны только по рисункам.

В 1739 году в Минусинской котловине начала свои исследования экспедиция, возглавляемая “отцом сибирской истории”, историографом Российской империи, академиком Герардом Фридрихом Миллером. В путешествии по Минусинским степям участвовал Иоганн Георг Гмелин. Экспедиция во многом повторила маршруты, пройденные ранее Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. В процессе работы копировались рунические надписи, каменные изваяния, фиксировались и раскапывались курганы, проводились расспросы бугровщиков, покупались отдельные находки. Часть этих предметов, переданных в Кунсткамеру,

* См. примечания в конце книги.

сохранилась до настоящего времени.² Г.Ф. Миллером был собран обширный фонд документов, относящихся к истории енисейских кыргызов XVII—начала XVIII вв. И.Г. Гмелиным на основании собственных наблюдений и расспросов бугровщиков была предложена классификация погребальных памятников, в составе которой некоторые типы относятся к кыргызской культуре: маяки, сланцы и кыргызские могилы.³

В 1771—1772 годах Минусинские степи посетил Петр Симон Паллас.⁴ Им были зафиксированы и подробно описаны многочисленные курганы, писаницы, изваяния, городища, древние рудники, надписи. Некоторые памятники были им обнаружены впервые.

В середине XVIII века в научный оборот вошли сведения китайских источников по истории кочевников Центральной Азии, опубликованные Ж. Дегинем. Внимание к древностям Сибири нашло отражение в трудах Иоганна Готлиба Георги, Иоганна Сиверса, Иоганна Фишера.⁵ В трудах И. Е. Фишера и И. Г. Георги впервые был поставлен вопрос о тождестве кыргызов Енисея и Тянь-Шаня.

√“Век просвещения” оказался весьма плодотворным для изучения сибирских древностей, в особенности Южной Сибири, основного района обитания енисейских кыргызов. Были открыты, зафиксированы, частично введены в научный оборот средневековые курганы, изваяния, петроглифы, крепостные сооружения, надписи. Прделаны первые опыты классификации средневековых погребальных памятников. Началось накопление археологических коллекций в музейных собраниях. Были проделаны первые опыты определения хронологической и этнокультурной принадлежности археологических памятников, среди которых были выделены кыргызские могилы.↓

Возникшие направления в изучении истории и культуры кыргызов получили свое дальнейшее развитие в XIX веке. В начале минувшего столетия вопросы переселения енисейских кыргызов в Восточный Туркестан и их соотнесение с тянь-шаньскими кыргызами затрагивались в трудах Юлиуса Клапрота и Карла Риттера. Н.Я. Бичурин (Иакинф) высказал предположение о том, что Тянь-Шань и Восточный Туркестан являются родиной кыргызов, которые ни откуда не переселялись, а жили в этом регионе издавна.⁶ Наряду с кыргызами-бурутами он выделял подразделение “киргиз” в составе калмыков.⁷ Чокан Валиханов, посетивший места обитания кыргызов и впервые записавший часть эпоса “Манас”, считал, что вопрос о переселении кыргызов нельзя считать решенным. По его данным кыргызы обитали на Тянь-Шане и до XVIII века.⁸

В 1826 году археологические исследования на Алтае проводил Карл

Фридрих Ледебур. Среди собранных им находок имеются предметы, относящиеся к эпохе средневековья.⁹ Описание средневековых находок из алтайских курганов, характерных для кыргызской и кимакской культур, содержится в работах Г. И. Спасского.¹⁰ Классифицируя городища и курганы он выделял среди них “киргизские”.¹¹

В 1847 г. археологические изыскания в Южной Сибири проводил Маттиус Александр Кастрен. Им было раскопано несколько средневековых курганов в различных районах Минусинской котловины, он скопировал рунические надписи. М. А. Кастрен связал эти надписи с финно-уграми.¹²

В середине XIX века сведения китайских источников о древних и средневековых кыргызах были обобщены Вильгельмом Шоттом.¹³ Н.Я. Бичурин перевел сведения о кочевых народах Центральной Азии на русский язык.¹⁴ Древние горные выработки, курганы и каменные изваяния Алтая рассматривались в труде Э. И. Эйхвальда, который приписывал эти памятники “чуди”— древним финнам.¹⁵ В 1860-е годы средневековые памятники Алтая, Енисея и Чулыма исследовал Вильгельм Радлов. Крупнейший специалист в области тюркского языкознания, фольклористики и этнографии, В. Радлов проводил раскопки с целью реконструкции процесса этногенеза тюркских народов. Им создана периодизация древних и средневековых памятников Южной Сибири. Он первым попытался соотнести некоторые из раскопанных объектов с кыргызской культурой.¹⁶ Проведя исследования Тянь-Шаня, он высказал ряд гипотез о возможности переселения кыргызов в предмонгольский или монгольский период.¹⁷

В XIX веке в ряде городов Сибири возникли музеи, ставшие хранилищами древностей. Для накопления материалов кыргызской культуры большое значение имело создание в 1877 году Минусинского музея, в котором в последующем сформировалась крупнейшая коллекция средневековых находок.

В организации археологических исследований на территории Сибири и Центральной Азии принимали участие: Географическое общество, Археологическая комиссия, Русское археологическое общество. Большую роль в изучении древностей сыграли местные краеведы, любители археологии, ссыльные. В конце XIX—начале XX веков значительные раскопки различных курганов, включая средневековые, произвел в Минусинской котловине и Туве А.В. Адрианов.¹⁸ Д.А. Клеменц составил первый каталог предметов Минусинского музея, предложил свою классификацию курганов Енисея.¹⁹ Свой вклад в изучение средневековых курганов и крепостей внес И.П. Кузнецов-Красноярский.²⁰ Вопреки ус-

тоящейся традиции он отрицал принадлежность средневековых памятников кыргызам, считая, что на этих землях не могло существовать “настолько сильное государство, которое могло бы наводить страх и трепет на своих соседей и держать в повиновении воинственных среднеазиатских кочевников”.²¹

В 1887—1889 годах на территории Южной Сибири работала финская экспедиция, возглавляемая Иоганном Рейнгольдом Аспелиным. Она копировала петроглифы, изваяния, рунические надписи. Участник экспедиции Аксель Олай Карл Гейкель раскопал несколько средневековых курганов в Минусе. Материалы экспедиции были изданы Отто Ялмаром Аппельгрэн-Кивало в 1931 году.²²

В 1890 году Густав Рамстедт обнаружил в Монголии каменный курган с рунической надписью, повествующей о деяниях кыргызского буюрука в период завоевания Центральной Азии в IX веке.²³

Н. А. Аристов высказал предположение об автохтонном происхождении кыргызов, обитавших с I тыс. до н.э. между Тянь-Шанем и Танну-Ола, и об их этническом родстве с усунями.²⁴

В 1920-е годы в связи с развертыванием национально-государственного строительства у народов Сибири и Средней Азии значительно возрос интерес к их истории.

В 1925 году Н. Н. Козьмин попытался обосновать правомерность принятия коренным населением Минусы в качестве этнонима термина “хакасы”, противопоставив средневековых “кыргызов-кочевников” и “хакасов-земледельцев”.²⁵

В 1926 году Г. Е. Грумм-Гржимайло обобщил сведения письменных источников по истории Центральной Азии. Происхождение кыргызов он связывал с европеоидной расой. В своей книге он упоминает ряд событий средневековой истории кыргызов.²⁶

Сведения китайских, арабских, персидских и древнетюркских источников о кыргазах были обобщены В. В. Бартольдом в работе, вышедшей в свет в 1927 году. Он подробно охарактеризовал различные периоды в истории кыргызов. Особенно много внимания он уделит периоду создания Кыргызского каганата в IX—X вв., справедливо названного им временем “кыргызского великодержавия”.²⁷ Исследователь по-разному рассматривал вопрос о миграции кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. В своей обобщающей работе он высказал мнение, что завоевания кыргызов в Восточном Туркестане в IX—X вв. носили временный характер, а окончательное переселение произошло в XV веке.²⁸

В 1929 году С. А. Теплоухов создал классификацию культур Минусинской котловины, в которой были выделены памятники, относящиеся

к четырем периодам эпохи средневековья, с VI по XIV вв. Среди них были выделены курганы кыргызов — чаа-тасы, курганы “алтайских турков”, погребения предмонгольского и монгольского времени.²⁹ Эта схема “ совершила революцию в сибирской, да и не только в сибирской археологии”.³⁰ Все последующее изучение археологической культуры енисейских кыргызов и других средневековых культур Минусинской котловины опиралось на классификацию, разработанную С. А. Теплоуховым. Результаты этой работы легли в основу классификаций, предложенных С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой. Как справедливо отметила Э. Б. Вадецкая, — “... в целом раскопки С.В.Киселева подтвердили классификацию С.А.Теплоухова на массовом материале.”³¹

В своих работах С.В.Киселев выделил два периода существования кыргызской культуры. Много внимания им уделялось социально-экономической проблематике кыргызского общества.³² Однако, как выяснилось позже, привлекаемые им для анализа рунические надписи датируются не серединой, а последними веками I тыс. н. э. Совместно с Л.А.Евтюховой он выдвинул гипотезу о переходе кыргызов в IX веке на обряд погребения с конем, что не подтвердилось дальнейшими исследованиями.³³ Характеризуя события средневековой истории Минусинской котловины, С.В.Киселев, Л.А.Евтюхова и В.П.Левашова употребляли для обозначения населения термины “кыргызы”, “кыргызы (хакасы)”, “кыргызы-хакасы”³⁴ и т.д. Однако в одной из своих работ С.В.Киселев и Л.А.Евтюхова разъясняли, что термин “хакас есть китайская транскрипция термина кыргыз”.³⁵

А.Н.Бернштам, много лет изучавший археологические памятники Кыргызстана, выдвинул предположение о многоэтапном переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань на протяжении периодов древности и средневековья.³⁶ Восприняв мнение С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой о переходе кыргызов на обряд погребения с конем, он считал памятниками енисейских кыргызов на Тянь-Шане захоронения с конем, типа раскопанного им на могильнике Аламышик³⁷. К числу предметов кыргызской культуры IX—X вв. А.Н.Бернштам относил предметы торевтики из Кочкорского клада.³⁸

В 1953—55 гг. в Киргизии работала Киргизская археолого-этнографическая экспедиция, целью которой было изучение этногенеза и культурогенеза кыргызов. В 1956 г. была проведена научная сессия, посвященная этногенезу кыргызского народа. Выступавшие на ней антропологи, археологи, этнографы, историки, востоковеды высказывали различные точки зрения на происхождение кыргызского народа. В итоге дискуссии ее участники согласились с тем, что кыргызский народ и

его культура сформировались из разных компонентов—местного среднеазиатского и пришлого центральноазиатского.

В 1950—60-х годах развернулось исследование археологических памятников в Туве, в числе которых была большая серия кыргызских курганов IX—XII вв. Большой вклад в их изучение внесли сотрудники Тувинской комплексной археолого-этнографической и Саяно-Тувинской экспедиций: Л.П.Потапов, С.И.Вайнштейн, А.Д. Грач, Д.Г. Савинов и др. Ряд памятников был раскопан Л.Р. Кызласовым в Туве и Хакасии. В результате активных поисков и развернувшейся дискуссии о хронологии и этнокультурной принадлежности курганов с погребениями по обряду кремации в Туве, к концу 1960-х годов были выделены кыргызские памятники IX—X и XI—XII вв., проанализированы рунические надписи и тамги, охарактеризованы этнокультурные процессы и исторические события в Центральной Азии в конце I—начале II тыс. н. э. Границы распространения кыргызской культуры в Саяно-Алтае были рассмотрены в работах С.И.Вайнштейна и Л.Р.Кызласова,⁴⁰ вопросы датировки и этнокультурной принадлежности рунических памятников— в трудах И.А. Батманова, З.Б. Арагачи, Л.Р. Кызласова,⁴¹ этнокультурные процессы исследовались Д.Г. Савиновым.⁴² Результаты их работ нашли отражение в обобщающих трудах “История Тувы”⁴³ и “История Сибири”.⁴⁴

Весомые достижения, сделанные учеными в изучении кыргызской культуры IX—XII вв. на территории Тувы и Минусы в 1950—60-х годах, осложнились попытками Л.Р.Кызласова вычеркнуть имя кыргызов из истории и приписать их историю и культуру мифическим “древним хакасам”. Впервые с изложением своей точки зрения о “древних хакасах” он выступил в 1954 году.⁴⁵ И в дальнейшем неоднократно пытался ее пропагандировать в своих статьях и книге по средневековой истории Тувы.⁴⁶ Эти, ничем не оправданные попытки вычеркнуть из истории енисейских кыргызов, приписав их исторические деяния придуманным “древним хакасам”, вызвали категорические возражения со стороны ученых: сиолога С.Е.Яхонтова,⁴⁷ арабиста О.К.Караева,⁴⁸ историка Н.А.Сердобова⁴⁹ и др. Некоторые колебания по поводу соотношения терминов “кыргыз” и “хакас” в средневековых источниках допускали С.Е.Малов,⁵⁰ Н.В.Кюнер,⁵¹ Л.П.Потапов.⁵² Однако ни один из них не поддержал точку зрения Л.Р.Кызласова. Научное сообщество отвергло его попытки заменить кыргызов “древними хакасами”. Его точку зрения в 1960-е годы принял только хакасский ученый К.Г.Копкоев.⁵³ Несмотря на острый характер, дискуссия сыграла

положительную роль в изучении истории енисейских кыргызов, отстояв научную истину от националистических спекуляций.

В 1961 году К.И.Петров выступил с развернутым обоснованием своей точки зрения о переселении на Тянь-Шань в монгольское время кыпчакских племен Алтая, принявших этноним “кыргыз”.⁵⁴ Эта гипотеза вызвала возражения со стороны О.К.Караева и С.М.Абрамзона.⁵⁵

В работах С.В.Бахрушина,⁵⁶ А.Арзыматова,⁵⁷ А.Абдыкалыкова,⁵⁸ Л.П.Потапова⁵⁹ были подробно проанализированы события истории енисейских кыргызов в XVII веке и их угона в Джунгарию. К.Г. Копкоев пытался умалить значение угона и ликвидации кыргызской государственности на Енисее, поскольку вслед за Л.Р. Кызласовым считал кыргызов не этносом, а только аристократическим династийным родом.⁶⁰ В процессе дискуссии было выяснено, что часть енисейских кыргызов смогла избежать угона, часть вернулась в Саяно-Алтай, а остальные осели в Джунгарии.

В статьях К.И.Петрова,⁶¹ Н.А.Баскакова,⁶² Ю.А.Зуева⁶³ рассматривался вопрос об этимологии этнонима “кыргыз”.

В 1971 году С.М.Абрамзон выпустил книгу, в которой обобщил этнографические материалы, характеризующие этническую историю кыргызов на Тянь-Шане.⁶⁴

В 1970—80-х годах продолжалось изучение памятников культуры енисейских кыргызов в Северной и Центральной Азии. В Туве кыргызские памятники исследовались Г.В.Длужневской,⁶⁵ в Минусе — Д.Г.Савиновым, Л.Р. и И.Л.Кызласовыми,⁶⁶ на Алтае — В.А.Могильниковым, Д.Г.Савиновым, Ю.П.Алехиным,⁶⁷ в Прииртышье — Ф.Х.Арслановой, Ю.И. Трифоновым, Б.А. Кониковым,⁶⁸ в Приобье — Т.Н. Троицкой, И.В. Сальниковой,⁶⁹ в Притомье — О.Б.Беликовой, А.М.Илюшиным,⁷⁰ в Забайкалье — Е.В.Ковычевым.⁷¹ Отдельные погребения с типичным для кыргызской культуры инвентарем были обнаружены в таежных районах Енисея, Кана, Ангары.

Расширение географии кыргызоведческих исследований способствовало росту источниковой базы, уточнению границ распространения кыргызской культуры, возрастанию интереса к кыргызской проблематике в сибирской археологии. С середины 1970-х годов изучением кыргызских памятников Южной Сибири занимаются археологи Сибирского отделения Академии наук. С 1975 года раскопки кыргызских памятников в Минусе проводит Ю.С.Худяков.⁷² В последующие годы полевыми изысканиями были охвачены Тува, Горный Алтай, Монголия, совершена поездка по Восточному Туркестану. С 1982 года поиск памятников кыргызской культуры позднего средневековья проводит С.Г.Скобелев.⁷³

Изучением кыргызских памятников на Енисее и в долине р.Ус занимается О.А.Митько.⁷⁴ Отдельные вопросы, касающиеся изучения кыргызской культуры рассматривались в работах Ю.А.Плотникова, С.П.Нестерова, Л.М.Хаславской, М.В.Мороз, С.А.Ким, О.В.Кратко.

В последние годы изучением кыргызских памятников в Минусе занимаются археолог А.И.Готлиб⁷⁵ из Абакана и П.П. Азбелев из Санкт-Петербурга.⁷⁶ Этнографические и фольклорные источники, свидетельствующие о пребывании кыргызов на Енисее, были проанализированы В.Я.Бутанаевым.⁷⁷ Вопреки точке зрения Л.Р.Кызласова, он подтвердил данными из хакасской этнографии и фольклора мнение большинства ученых о том, что кыргызы, обитавшие на Енисее, были самостоятельным этносом, а термин “хакас” никогда в прошлом не употреблялся в качестве этнонима. Впервые В.Я.Бутанаев обратил внимание на распространение среди коренного населения Енисея в период после ухода кыргызов самоназвания “хоорай”.⁷⁸

Этнокультурные аспекты кыргызского эпоса “Манас”, включая данные о происхождении кыргызов, анализировались в работах И.Б.Молдобаева.⁷⁹ Расширение кыргызоведческих исследований и появление новых научных центров, изучающих культуру кыргызов, способствовало активному обмену мнениями по наиболее актуальным проблемам кыргызоведения, в том числе решению проблем военного дела кыргызов, хронологии и периодизации памятников кыргызской культуры, границ ее распространения и др. По мере расширения объема научных знаний рушились мифы о “древних хакасах” и “древнехакасской цивилизации”.

Отказ от исторически обоснованного этнонима “кыргызы” в пользу искусственного словосочетания “древние хакасы” неминуемо привел Л.Р. и И.Л.Кызласовых к искажению многих исторических реалий и неустрашимым противоречиям. Из их работ трудно сделать определенный вывод, что должны были представлять из себя так называемые “древние хакасы”. В ряде статей Л.Р.Кызласов уверял, что в состав “древних хакасов” входило “тюркоязычное ядро”, включающее кыргызов, угорские и самодийские роды.⁸⁰ Самоназвание их было самодийским, язык—тюркским, характерным этнографическим признаком—погребальный обряд кремации. Однако позднее он стал утверждать, что “южносамодийские”, кетоязычные и другие племена “не являются хакасскими”.⁸¹ А И.Л.Кызласов фактически дезавуировал в качестве определяющего этнографического признака “древнехакасский погребальный обряд трупосожжения”, включив в число “древнехакасских” минусинские погребения по обряду ингумации.⁸² Стремясь подогнать уро-

вень развития “древнехакасской” культуры под стандартные определения цивилизации, Л.Р. и И.Л.Кызласовы всячески подчекивают роль “городов” и “орошаемого земледелия”, якобы являвшегося основой хозяйства “древних хакасов”.⁸³ Для этого материалы культуры “древних хакасов” противопоставляются схожим комплексам других культур тюркоязычных кочевников Центральной Азии. “Древнехакасская цивилизация” выделяется в качестве некоего особого “северного центра исторической активности народов”, являвшегося “срединным звеном” между цивилизациями и культурами Запада и Востока” и одновременно особым “саяно-алтайским очагом цивилизации и культуры”.⁸⁴ В то же время Л.Р. и И.Л.Кызласовы относят “древнехакасскую культуру” к “западному азиатскому культурному ареалу”.⁸⁵ Эти звонкие, но лишённые каких-либо оснований эпитеты наглядно демонстрируют искусственность мифической “древнехакасской цивилизации”, при конструировании которой была утрачена всякая связь с исторической реальностью.

Для того, чтобы несколько ослабить критику в адрес концепции “древнехакасской цивилизации” и создать некое подобие “новизны” в изучении средневековых памятников Южной Сибири Л.Р. и И.Л.Кызласовы с середины 1970-х годов начали подразделять культуру енисейских кыргызов на несколько самостоятельных культур: чаа-тас, тухтятскую, аскизскую, а сами культуры на этапы и периоды.⁸⁶ Подобное деление культуры енисейских кыргызов предложено без каких бы то ни было оснований, что вызвало ряд возражений у специалистов. Разумеется, на протяжении средневековья кыргызская культура не оставалась неизменной, она прошла в своем развитии несколько этапов, но это не даёт оснований выделять несколько самостоятельных археологических культур.

Несмотря на значительные сложности, связанные с преодолением навязываемой Кызласовыми научному сообществу концепции “древнехакасской цивилизации”, кыргызоведение в последнее десятилетие сделало большой шаг вперед. Важным событием в научной жизни стала V Всесоюзная тюркологическая конференция, проходившая в г.Фрунзе в 1980 году, на которой активно обсуждались вопросы этногенеза кыргызского народа. В выступлениях и докладах Э.Р.Тенишева, А.М.Мокеева, В.П.Мокрынина, С.Г.Кляшторного, О.Караева, Т.К.Чороева, В.Я.Бутанаева, Ю.И.Трифорова, Ю.С.Худякова рассматривались вопросы происхождения и развития кыргызского этноса и его культуры.⁸⁷

Для координации кыргызоведческих исследований был создан Координационный совет по изучению этногенеза и культуругенеза кыргызов, который должен объединить усилия ученых, изучающих историческое прошлое кыргызов по археологическим, историческим, палеоэтнографическим, этнографическим, лингвистическим, антропологическим источникам.⁸⁸ Решение проблем истории кыргызов выходит за пределы интереса одного этноса к своему прошлому, это часть истории всей Азии, часть всемирной истории. Понимание закономерностей исторического пути кыргызского этноса поможет в осмыслении исторических судеб и других народов Центральной, Северной и Средней Азии.

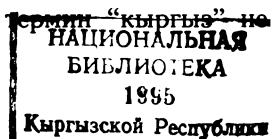
Глава II. ДИСКУССИЯ ОБ ЭТНОНИМЕ "КЫРГЫЗ"

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении со специальной литературой по средневековой истории и археологии юга Сибири и Центральной Азии — это различия в наименовании населения степных районов Минусинской котловины. Большинство исследователей, когда-либо затрагивавших в своих работах проблемы южносибирского средневековья, именуют его, в соответствии с письменными источниками, "кыргызами".¹ В противовес общепринятому мнению, в работах отдельных авторов вместо кыргызов фигурируют некие "древние хакасы" или "средневековые хакасы", а кыргызы признаются лишь "аристократическим династийным родом древних хакасов".² Наконец, в отдельных работах оба термина отождествляются или объединяются — "кыргызы (хакасы)"³ и др.

В чем сущность данного разночтения и откуда оно возникло?

Аутентичность термина, в том числе этнонима, может быть удостоверена записью на языке этноса, носителя этнонима, или созвучием произношений на разных языках, на которых он был записан. В отношении этнонима "кыргыз" могут быть соблюдены оба критерия. Слова "кыргыз", "кыргызы", "кыргызские", и т.п. наличествуют в текстах рунических эпитафий, приписываемых как самим кыргызам, так и близким им по языку тюркам и уйгурам.⁴ Термин "кыргызы" присутствует в различных вариантах и в текстах, записанных на других языках: греческом—херкис, арабском и персидском—хырхыз, хырхыр.⁵ Весьма различается написание данного термина в китайских текстах.⁶ Из всех имеющихся вариантов основными считаются следующие: для ханьских текстов — цзянь-гунь, для танских — сяцзясы, для юаньских — цзилицысы.

Тем самым можно считать установленным, что



только аутентичен, т.к. безусловно применялся представителями разных стран и народов от запада Европы до востока Азии для обозначения одного и того же этноса, но и являлся его самоназванием, поскольку присутствует в текстах, приписываемых самим кыргызам. Основы для того, чтобы подвергать сомнению его аутентичность в самих источниках нет.

Откуда же взялся термин “хакасы”, и почему отдельные авторы выдвигают его в качестве мнимого “самоназвания большинства трудового населения”⁷ кыргызского государства, в то время как для этого “большинства” в источниках имеется совершенно другой термин— “кыштымы”⁸

С XVIII в., когда европейской науке становятся доступными средневековые китайские летописи, содержание которых легло в основу исторических трудов о кочевых народах “Срединной Азии”, в научный обиход вошли китайские термины, обозначающие кочевые этносы. Некоторые из них, которым не нашлось убедительного соответствия в языках народов Азии, до сих пор сохраняют свое значение и широко используются в научной литературе, например: динлины, юэчжи, сянби, жуаньжуани, теле, сейяньго, яньмо, шивэй, мохэ и др. К числу таких терминов, обозначающих в летописях и сочинениях танского времени население, проживающее в долине р.Кянь (Енисей), относится термин “хягясы” (сяцзясы). Вопреки излишнему оптимизму Л.Р.Кызласова, употребление данного термина отнюдь не делало его произношение и написание однозначным у авторов XVIII — начала XX века.⁹ Поэтому нет ни малейших оснований приписывать им употребление термина “хакас”. Так, Ю.Клапрот писал “Ha-kia-sze”, В.Шотт — “Ha-ka-sze”, Н.Бичурин — “хагас”, В.Радлов — “хакасс”¹⁰ и др. Уже перед В.Шоттом — автором первой специальной работы по истории енисейских кыргызов— встал вопрос о соотношении терминов “цзянь-гунь”, “хягясы”, “цилицизисы”, “кыргызы”, и он был однозначно и правильно решен в пользу “истинных киргизов”. Таким образом, идентификация хягясов с кыргызами была осуществлена еще на начальном этапе изучения их истории на базе письменных источников.

В сибирской археологии, делавшей первые шаги в сопоставлении результатов раскопок с историческими сведениями, употреблялся термин “хагас”, введенный Н.Бичуриным, со временем получивший более удобную для русского языка форму произношения “хакасс”. Этим термином, в форме “хагас”, пользовались, в частности, Д.Клеменц, И.П.Кузнецов-Красноярский ¹¹ и др. Он вошел в обиход у ученых и публицистов, в том числе сибирских областников, ратовавших за обособление “инородцев” в первые десятилетия XX в. Именно из областни-

ческой публицистики могла позаимствовать термин “хакасы” в качестве своего “самоназвания” “туземная интеллигенция”¹², в результате чего в 20-е гг. этот термин закрепился в качестве этнонима за коренным населением Хакасской автономной области (ныне Республика Хакасия).

К моменту, когда это произошло, были открыты, расшифрованы и переведены оригинальные тексты тюркоязычных рунических надписей, принадлежащих, как установлено, самим кыргызам, а также их историческим противникам — тюркам и уйгурам.¹³ Рунические памятники отражают на Енисее в период, когда там, якобы, обитали “хакасы”, только кыргызов. Естественно, что термин “хягясы” был истолкован как одна из китайских транскрипций этнонима “кыргыз”. Однако этот важный вывод, как и переводы рунических текстов В.Радловым на немецкий язык, остался достоянием академической науки. В то время как для “минусинской интеллигенции”, как утверждал Н.Н.Козьмин, “имя хакас”, несмотря на то, что это “китайская транскрипция турецкого имени”, “может быть, в известной степени, понятным и идейным лозунгом для культурно-национального возрождения”.¹⁴ Таким образом, к моменту начала национально-государственного строительства на юге Сибири, несмотря на то, что к этому времени учеными было установлено тождество китайского слова “хягясы” тюркскому “кыргыз”, и тем самым отсутствие у термина “хакас” самостоятельного значения, этот термин обрел новое реальное бытование, став наименованием коренного населения Минусинской котловины. Поддержавший термин “хакас” в качестве “понятного и идейного лозунга” Н.Н.Козьмин предположил, что он восходит к этнониму “кара-кас”, считая “кара-кас”ов, наряду с тувинцами (уйгурами) и кыргызами, одной из трех групп населения Енисея в средние века.¹⁵ Выдвинутая точка зрения полна противоречий. Так, утверждая в предисловии к своей работе различие терминов “хакас” и “кыргыз” и принадлежность их к различным этническим группам, он, спустя несколько страниц, их отождествляет: “Хакасы известны были в китайских летописях под именем ки-ли-кидзе, (т.е. киргиз). В сохранившихся надписях на скалах они называют себя “кыргыз”. Кроме государства хакасов-кыргыз могут быть названы менее значительные государства — меркитов, найманов и керейтов”.¹⁶

Выдвижение искусственного термина “хакас” в качестве названия реально существующей народности, сформировавшейся из различных по происхождению этнических групп в конце XIX — начале XX вв., вызвало справедливые возражения у В.В.Бартольда, ведущего в тот период специалиста по истории Центральной Азии, создавшего

первый в истории отечественной науки сводный очерк по истории кыргызов.¹⁷

В дальнейшем специалисты, работавшие в области истории и археологии кыргызов, особенно проводившие археологические работы на юге Сибири, уже не могли не учитывать того факта, что исследуемые ими памятники могли потенциально принадлежать предкам современного коренного населения, получившего наименование хакасы. Так в решение данного вопроса вмешался новый фактор. Хакасами стали называть средневековое население Минусы не потому, что так их именуют источники, а потому, что в них видят предков современных хакасов. Это особенно наглядно проявилось в принципе двойного наименования: “кыргызы (хакасы)”, “кыргызы-хакасы” и т.д. Так писали специалисты, работавшие на Енисее в 20—40-е гг. Например, создатель периодизации культур эпохи металла в Минусе С.А.Теплоухов утверждал: “В более поздних летописях, повествующих о событиях VII—X вв.н.э. (Тан-Шу), есть определенные указания о том, что к этому уже времени киргизы (хягас), говорившие на тюркском языке, “перемешались” с динлинами, овладев, по-видимому, всей территорией в южной части бассейна Енисея и заняв здесь главенствующее положение.”¹⁸ Двойным наименованием пользовались Л.А.Евтюхова и С.В.Киселев, хотя в то же время в одной из своих работ они писали: “Хакас есть китайская транскрипция термина кыргыз”.¹⁹ “Кыргыз-хакасы”, а иногда и просто “хакасы”, фигурируют в работах В.П.Левашовой.²⁰ Можно отметить, что в работах, опубликованных в центральных изданиях, у всех авторов преобладает в качестве основного термин “кыргыз”, в то время как в мелких популярных брошюрах, изданных в Абакане и рассчитанных на хакасского читателя, употребляется термин “хакас”.²¹ В этом нельзя усмотреть какой-то особой “позиции”, скорее лишь уступку местной специфике. Так же как А.Н.Бернштам, работавший на Тянь-Шане, при обращении к южносибирской тематике везде пишет только “кыргыз” и “кыркыз”.²²

В начале 50-х гг. ряд замечаний по поводу соотношения терминов “кыргыз” и “хакас”, давно ставших привычным эквивалентом друг другу, высказали тюрколог С.Е.Малов и синолог Н.В.Кюннер.

По мнению С.Е.Малова: “Киргизы были сильным енисейским государством, соперничавшим с уйгурами. Можно подумать, что заодно с киргизами были тофалары (карагасы) и тувинцы (урянхайцы, сойоны)”. Однако значение термина “хакас” для С.Е.Малова оставалось не ясно: “...является ли он китайской передачей слова “киргиз” или же, что с моей стороны скорее, — “карагас”? Ведь китайцы под хакасами—

карагасами — могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами”.²³

Н.В.Кюнер, основываясь на сообщении китайской летописи о заимствовании термина “хягас” китайцами из уйгурского языка, полагал, что “имя хягасы, обозначая тот же народ или киргизов не является только транскрипцией имени этого народа, но будучи заимствованным из уйгурского языка, имеет особый смысл вроде клички.

Исходя из вышеприведенных соображений, пишущий эти строки считает правильным принимать, как исторический факт, тождественность наименований кыргыз (гянь-гунь и иные формы транскрипции) и хакас (хягасы) для обозначения одного и того же народа, оставляя пока открытым вопрос о действительном смысле и происхождении наименования хягас”.²⁴

Как видно из вышеприведенных текстов, авторы не ставили под сомнение правомерность употребления этнонима “кыргыз” в отношении населения Среднего Енисея в эпоху Тан. С.Е.Малов считал, что термин “хакас” может восходить к названию какой-то части зависимых от кыргызов кыштымов, по его мнению “карагасов” (т.е. тофаларов.—*Ю.Х.*), солидаризуясь в этом плане с высказываниями Н.Н.Козьмина. Причем это было высказано С.Е.Маловым мимоходом, в порядке сомнения, а не развернутого положения, в предисловии к изданию текстов енисейской рунической письменности. Н.В.Кюнер был склонен считать термин “хягас” эквивалентом этнонима “кыргыз”, попавшим в китайский язык из уйгурского и игравшим роль клички — “желтокраснолицыце”. Ни о каком самостоятельном значении термина “хакас” в качестве этнонима в его работе и речи нет.

Позднее Н.В.Кюнер несколько изменил свою точку зрения, в полемике с Г.Е.Грум-Гржимайло, бегло упомянув, “что хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа”.²⁵

Ряд соображений относительно термина “хакасы” принадлежит Л.П.Потапову. Говоря о появлении данного термина в качестве этнонима в начале XX в., он писал: “Этот общий процесс консолидации, протекавший, как было показано, под сильным влиянием качинцев, привел к сложению в конце XIX и начале XX вв. на территории Минусинской котловины маленькой народности, которая получила у русских название минусинских или абаканских татар. Хакасами они стали именоваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Название “хакасы” было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении “минусинских татар” в самом

начале 20-гг.нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские или абаканские “татары” являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под именованим “хягас”. Несмотря на то, что название “хакасы” не может считаться исторически оправданным и аргументированным, возражать против него нет оснований, так как оно постепенно вошло в быт населения и было им принято”.²⁶

Позднее, под влиянием замечания Н.В.Кюнера, Л.П.Потапов стал склоняться к мысли, что “в настоящее время накапливается все больше и больше данных, свидетельствующих о невозможности отождествления “хагяс” и “кыргыз”, о сложных в этническом отношении конгломератах — “хагяс” и “кыргыз”, о большом участии в этническом конгломерате “хагяс” самодийского элемента и т.п.”²⁷ Автор привлек для анализа данного вопроса сообщение Юань-Ши в переводе В.Н.Казина, в котором говорится о поселении “киргисов” в “земле хасха”. Последняя является, по его мнению, местом расселения самодийцев-качинцев в районе современного Красноярска.

Колебания ряда исследователей относительно тождественности терминов “хягасы” и “кыргызы” в 50-е гг. обусловлены затруднениями в трактовке отдельных фрагментов китайских текстов юаньской эпохи, в частности, терминов “хэсыхэ” и “ханас”, отождествление которых с современным словом “хакасы” внесло определенную путаницу в оценку событий XIII в., привело к неоправданным противопоставлениями терминов “хягасы” и “кыргызы”. Вероятно, свою роль в этом сыграли итоги изучения этногенеза современных кыргызов, поставившие под сомнение тождество кыргызов Енисея и Тянь-Шаня,²⁸ и настойчивые выступления с собственной точкой зрения по этим проблемам Л.Р.Кызласова.

Впервые с изложением своей позиции Л.Р.Кызласов выступил в 1954 г., в рецензии на книгу Л.П.Потапова об истории алтайцев.²⁹ Основу взглядов автора составляет положение, что термин “хакас” является общим самоназванием различного по этническому происхождению и составу населения Среднего Енисея в эпоху средневековья, а термин “кыргыз” соответствует названию правящего “аристократического династийного рода древних хакасов”. К обоснованию своей точки зрения Л.Р.Кызласов не раз возвращался в работах 1959, 1960 гг.³⁰ В наиболее полном и развернутом виде его концепция на соотношение терминов “кыргыз” и “хакас” представлена в статье, опубликованной в 1968 и 1969 гг.³¹

Основные положения данной концепции заключаются в следующем:

средневековые китайские летописи содержат различные варианты написания термина “хакас”, который является передачей местного самоназвания разноязычного разноэтнического населения Среднего Енисея; термин “кыргыз” встречается в тех же источниках параллельно и означает “аристократический династийный род древних хакасов”, термин “кыргыз” не мог быть самоназванием всего населения Енисея, поскольку в его состав входили различные по языку племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные); “...именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родо-племенные группы, орхонские тюрки-тугю, уйгуры, а также западные источники, ошибочно называли все эти племена кыргызами”; в пользу разноязычности свидетельствует состав слов, приписываемых населению Среднего Енисея и Синь-Таншу; средневековый термин “хакас” является самодийским по происхождению, дожившим до современности в форме “хаас”; этот термин отражен в самоназваниях родо-племенных групп тофаларов (хааш), тувинцев и дархатов монголов (хаасут); “появление термина ”хакас” в “качестве государства и народа” в VI—XII вв. свидетельствует, что в нем сложилось “новое тюркоязычное ядро местных племен (в него входили и кыргызы); это способствовало созданию сильного централизованного государства” с общей экономической базой и единым литературным языком — енисейской письменностью; аристократический род “кыргыз” у “древних хакасов” подобен правящим родам хуянь у хуннов, ашина у тюрков, яглакар у уйгуров, елюй у киданей; отсутствие термина “кыргыз” в рунических надписях на Енисее свидетельствует, что его заменил термин “эль”, синоним слова “кыргыз”; термин “кыргыз” применялся лишь для надписей, ставившихся за пределами “древнехакасского государства”; взгляды автора, по его мнению, в разных аспектах разделяли Ю.Клапрот, В.Шотт, В.Н.Кюнер, С.Е.Малов, С.В.Киселев, Н.Н.Козьмин и “многие ученые в XIX и XX веках”. Вывод Л.Р.Кызласова категоричен: “Путать и отождествлять термины хакас и кыргыз между собой, и подменять их друг другом — ненаучно. Неверно также называть государство именем династийного правящего рода, а не по самоназванию большинства составлявшего его трудового населения, которое имеется в источниках.

Создали это государство и населяли его в VI—XII вв. древние хакасы и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов”.³²

Позднее, когда изложенные здесь выводы Л.Р.Кызласова по данному вопросу встретили ряд резких возражений у специалистов — историков,

лингвистов, востоковедов, автор, в порядке оправдания, писал, что цели его выступления были весьма скромны: “Установив в 1964 г., что вопрос о терминах “кыргыз” и “хакас” является еще недостаточно проясненным в советской исторической науке и желая привлечь к нему внимание специалистов самого широкого профиля, но прежде всего исследователей по этнической истории, я написал специальную статью “Взаимоотношение терминов “хакас” и “кыргыз” в письменных источниках VII—XII веков”, но по ряду причин она вышла в свет только в 1968 г.”³³

“Чтобы разобраться во взаимоотношениях этих терминов следовало рассмотреть все известные данные и договориться о границах их применения. Это и пытался сделать автор в своих работах, обобщив, как и полагается историку, все известные данные родственных наук”.³⁴

“Естественно, что после этого следовало ожидать делового обсуждения и плодотворной научной дискуссии. Есть основания считать, что такая дискуссия еще развернется и здесь прежде всего необходимы исследования специалистов-синологов”.³⁵

Вряд ли, однако, можно в данном случае верить автору, что его целью было только привлечь внимание и вызвать дискуссию. Сам назидательный тон и беспепелляционность выводов статьи “Взаимоотношение терминов...”, а также ее троекратное переиздание после ряда выступлений аналогичного содержания в 50-х — начале 60-х гг. свидетельствуют об ином. Автора к тому времени уже не удовлетворяло наличие “разночтений” по поводу данных терминов, оставляющее ему право на собственное мнение. Своим выступлением он стремился не “открыть дискуссию”, а, наоборот, закрыть вопрос в пользу термина “хакас”, деавуировав термин “кыргыз” в качестве этнонима. Об этом свидетельствуют и реплики в адрес “некоторых современных историков”, именующих “государство древних хакасов” государством кыргызов, “упуская, к сожалению, из вида, что подавляюще большинство населения составляли не кыргызы”, и произвольный подбор “сторонников” своей гипотезы из числа наиболее авторитетных ученых прошлого, от Ю.Клапрота и В.Шотта до С.Е.Малова, Н.В.Кюнера, С.В.Киселева и др. Об этом же говорят и выводы статьи, ибо те исследователи, кто “путают и отождествляют, термин “хакас” и “кыргыз” поступают “ненаучно”, а те, кто именуют государство — “государством кыргызов” поступают “неверно”.³⁶ А для того, чтобы вести себя верно и научно, как следует из статьи, “некоторым ученым” нужно отбросить термин “кыргызы” и именовать население Енисея “древними хакасами”.

Однако “плодотворная научная дискуссия” по поводу терминов, при-

чем с участием “специалистов-синологов”, все же состоялась, и ход обсуждения и результаты ее оказались противоположными ожиданиям Л.Р.Кызласова. Одним из первых с критикой выдвинутых Л.Р.Кызласовым положений выступил востоковед, арабист О.Караев, справедливо упрекнувший инициатора дискуссии в систематическом искажении цитируемых им авторов, приписывании им несуществующих взглядов, в частности, привнесении в тексты древних источников и цитаты современных ученых термина “хакас” там, где он отсутствует в оригинале.³⁷ Такие искажения отмечены в приводимых Л.Р.Кызласовым цитатах из работ Н.В.Кюнера, Б.Карлгрена, С.Е.Малова и др. О.Караев резонно замечает: “По мнению Л.Р.Кызласова, во всех средневековых памятниках разноязычные племена Минусинской котловины ошибочно называются кыргызами из-за главенствующей роли последних в государстве.

Нам представляется, что комплекс источников самого различного происхождения заслуживает в целом большего доверия. Некоторые из вышперечисленных авторов сами были на территории енисейских кыргызов или получили достоверные сведения о кыргызах от побывавших в этом районе лиц. Если действительно в Минусинской котловине в VI—XII вв. обитали племена под названием хакас, а кыргызы лишь их малочисленный аристократический род, то, несомненно, хотя бы один средневековый источник упомянул бы об этом”.³⁸

О.Караев подверг критике мнение Л.Р.Кызласова о мнимой малочисленности кыргызов, отметил некорректность употребления терминов “колена”, “поколения”, “род” в сочетании с этнонимом “кыргыз”, противопоставления терминов “эль” и “кара-будун” и отождествления первого с этнонимом “кыргыз”. Говоря о мнении Л.Р.Кызласова в отношении гипотезы Н.Н.Козьмина и С.Е.Малова о тождестве терминов “хакас” и “карагас”, О.Караев отмечает непоследовательность Л.Р.Кызласова, согласного солидаризоваться с любой версией, которая в той или иной мере подвергала бы сомнению эквивалентность терминов “хакас” и “кыргыз”, даже если она не соответствует его концепции.³⁹

С развернутым анализом содержания и реконструкции звучания китайских терминов, применявшихся для обозначения средневекового населения Енисея, выступил известный китаист, специалист в области исторической фонетики китайского языка С.Е.Яхонтов.⁴⁰ Результаты тщательного специального изучения вопроса специалистом-синологом сняли все разночтения и недомолвки в отношении термина “хягасы”. Автор заключил, что “исходную форму китайской транскрипции хягасы иногда реконструируют как хакас. Эта реконструкция не может быть при-

нята”, поскольку не соответствует нормам китайской исторической фонетики.⁴¹

“Таким образом, форма хягясы есть китайская транскрипция слова кыргыз; другие формы, к которым она приравняется в китайских историях—гяньгунь, гегу и др., отражают фонетические варианты того же этонима (например кыркур или, может быть, кыркун, кыркут, кыркуз). Форма хягясы не может передавать звуки хакас”.⁴²

Итак, вопрос был решен на самом авторитетном уровне, поставлены все “точки над і”. Никаких “хакасов” в китайских средневековых источниках не оказалось. Звуки “хакас” — результат исторического недоумения.

С.Е.Яхонтовым сделан еще один важный вывод: “По тем же самым причинам не может быть сближаема с китайским и современная форма “хаас”. В отношении “хаас” он высказал перспективное предположение о его связи с термином “ханас” и “лыжные тацзюэ”,⁴³ что вполне вероятно, т.к. те и другие являлись кыштымами енисейских кыргызов.

Хотя вопрос о соотношении терминов “кыргыз” и “хакас” был фактически решен в работе С.Е.Яхонтова, дискуссия продолжалась, выйдя далеко за пределы сугубо терминологических разногласий. С обстоятельной статьей по ряду спорных вопросов в этнической истории Южной Сибири выступил специалист по современным национальным отношениям в Саяно-Алтае, историк Н.А.Сердобов.⁴⁴ Он справедливо указывал, что позиция того или иного автора по отношению к этнониму “кыргыз”, применительно к средневековой истории юга Сибири, имеет не отвлеченно академический интерес и не сводится к терминологическому разночтению, а имеет самое непосредственное отношение к современным национальным отношениям. Перенос современного этнонима недавнего происхождения “хакасы” на древнее и средневековое население региона ведет к неминуемым искажениям исторического процесса, неправильной оценке роли современных коренных народов. Неоправданное удревнение и идеализация, приукрашивание истории современных хакасов неминуемо ведут к искажению и умалению роли других народов.⁴⁵ “Определенная идеализация “древнехакасского” государства,” по мнению Н.А.Сердобова, сказывается в оценке Л.Р.Кызласовым политики этого “государства”, в приписывании ей оборонительных тенденций, в оценке уровня грамотности в “древнехакасском” обществе, в утверждении наличия там системы обучения, собственной и переводной литературы, о широком распространении “славы о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета.”⁴⁶

“Едва ли нужно доказывать,—резонно замечает Н.А.Сердобов,—

насколько далека от истины подобная характеристика “древнехакасского” государства кочевников.”⁴⁷ Он, ссылаясь на мнение И.А.Батманова и других тюркологов, подверг критике стремление Л.Р.Кызласова приписать почти все рунические надписи в Туве “древним хакасам”. Подвергнута критике несостоятельная концепция Л.Р.Кызласова противопоставления терминов “хакас” и “кыргыз” и отнесение последнего к “аристократическому династийному роду средневековых хакасов”. Ссылаясь на С.Е.Яхонтова, Н.А.Сердобов присоединяется к общепринятому мнению о тождественности этих терминов. Н.А.Сердобовым вскрыты и мотивы “пристрастной приверженности Л.Р.Кызласова к термину “хакас”. Автор полагает, что “здесь проявляется желание связать этот термин с современным наименованием хакасской народности ...”⁴⁸

Это стремление “...отвести ведущую роль в истории Южной Сибири и Центральной Азии “древним хакасам”, “обосновать” историческую и этногенетическую преемственность между ними и современными хакасами отчетливо выступает и в ряде других работ Л.Р.Кызласова.”⁴⁹ “Несомненный вред от распространения подобных взглядов” автор видит в том, что “ошибочные взгляды Л.Р.Кызласова нашли последователь” среди части ученых-хакасов, отмечая, в частности, проявление данной тенденции в работах К.Г.Копкоева.⁵⁰ Н.А.Сердобов отметил, что “енисейские киргизы вошли одним из этнических компонентов не только в состав современной хакасской народности”, но и в состав “тувинцев, среднеазиатских киргизов, алтайцев” и других народов, поэтому недопустимо превращать их в “династийный” сеок-род или в “хакасов”.⁵¹

Эта справедливая критика нашла отражение и в монографии Н.А.Сердобова об истории формирования тувинской нации.⁵²

Л.Р.Кызласов пытался возражать, ссылаясь на мнимую “непоследовательность” и “необъективность” Н.А.Сердобова, “тенденциозность” О.Караева.⁵³ С.Е.Яхонтову он возражать не решился, противопоставив его доказательствам устную “консультацию” Н.Ц.Мункуева, некорректно объединив ее с чтениями П.И.Кафарова, Н.В.Кюнера, В.П.Васильева и “других”.⁵⁴ Тот же прием применен Л.Р.Кызласовым для обоснования своей “стойкой приверженности к термину “хакас”, которую он объяснил традицией западноевропейской синологии, “русской и советской науки”, перечислив в качестве предшественников и сторонников своего мнения фамилии многих ученых XVIII—XX вв.: Ю.Клапрота, К.Висделу, И.Абель-Ремюза, И.Дюгальда, Н.Я.Бичурина, К.Риттера, В.В.Григорьева, Н.А.Кострова,

Е.К.Яковлева, В.В.Радлова, А.А.Спицына, Н.М.Ядринцева, В.И.Огородникова, Н.Н.Козьмина, Р.М.Кабо, С.В.Киселева, В.П.Левашовой, Л.А.Евтюховой, С.А.Токарева, Л.П.Потапова, В.Г.Карцова.⁵⁵ О том, насколько не корректно включение в “список сторонников” термина “хакас” большинства перечисленных ученых наглядно свидетельствует изложенная выше история вопроса. На деле это не более чем попытка укрыться за авторитет известных имен, не имеющих никакого отношения к концепции “кыргызы” — династийный род средневекового народа “хакасы”, выдвинутой Л.Р.Кызласовым. Им отведены и некоторые другие доводы Н.А.Сердобова, в том числе об “идеализации древнехакасского государства”, он уверял, что никаких “преувеличений” в его взглядах на этот счет нет. Приведены им и некоторые новые соображения в пользу употребления термина “хакас”. Соглашаясь с критикой: “Да, хакасами себя “абаканские татары” не называли”, он, однако, пишет, — “но они называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами”.⁵⁶ Именно это “самоназвание”, с точки зрения Л.Р.Кызласова, позволяет именовать их “хакасами”. Тон возражений местами носит панический характер: “Категорически следует протестовать против приписывания нам... принижения “роли и значения в историческом прогрессе народов, обитавших на территории современной Тувы и Горного Алтая”, “искажения и умаления роли других народов.”⁵⁷

Позже с критикой данных возражений вновь выступил О.Караев, подчеркнув, что Л.Р.Кызласов не располагает аргументами, чтобы отвергать мнение С.Е.Яхонтова.⁵⁸ Автор отметил дискуссионность чтения термина “хакас” в работах сиологов, на что не обращает внимания Л.Р.Кызласов. Он отвергает возражения в необъективности со стороны Н.А.Сердобова, так как именно благодаря усилиям последнего, равно как и всей редколлегии, “древние хакасы” были в свое время убраны из глав I тома “Истории Тувы”. О.Караев вновь возразил против приписывания исторических сведений о кыргызах “хакасам”, отметив, что многие из них относятся к кыргызам, обитавшим в Средней Азии, и ошибочно включены Л.Р.Кызласовым в круг сведений о “хакасах”. Подвергнута критике и точка зрения Л.Р.Кызласова о существовании так называемых “центрально-азиатских киргизов”, основанна на ошибочном чтении слова “Хэсыхэ” как земли “хасха” (родовом подразделении качинцев). По мнению О.Караева, “название Хасыхэ (или Хасха) следует искать где-то в Маньчжурии, может быть, поблизости или так же в бывшем владении князя Наяна”. О.Караев счел нужным уточнить, что “новая датировка” памятников рунической письменности не является заслугой Л.Р.Кызласова, а принадлежит фактически И.А.Батма-

нову.⁵³ Общий вывод О.Караева таков: “В совокупности вышеизложенное подтверждает высказывания Н.Сердобова об искусственном удревнении и приукрашивании истории современного хакасского народа Л.Кызласовым за счет умаления роли и искажения данных восточных авторов об енисейских киргизах”.⁶⁰

Таковы, в общих чертах, основные события в ходе дискуссии о терминах “кыргыз” и “хакас”. Ее итоги не оправдали надежд тех, кто стремился вычеркнуть этноним “кыргыз” из средневековой истории Северной и Центральной Азии. Наоборот, в ходе обсуждения была выяснена тождественность всех терминов, обозначавших население Енисея этнониму “кыргыз”. Важным итогом дискуссии можно считать установление факта, что в китайских источниках отсутствует термин “хакас” в какой бы то ни было форме, что лишний раз подтвердило его позднее литературное происхождение. Научное сообщество, включая исследователей-сибиреведов, положительно расценило итоги дискуссии, приняв для употребления в качестве наименования средневековых кочевников Енисея этноним “кыргыз”. С ее результатами не мог не считаться даже Л.Р.Кызласов. Уже в ходе дискуссии тон его суждений по данной проблеме, подчеркивание собственного приоритета в формулировании своей точки зрения, в частности, утверждения вроде “впервые это высказано нами... еще в таком-то году”⁶¹ сменились настроениями иного рода, уже отмечавшимися выше. Автор стал уверять лишь о своей приверженности “традициям русской и советской науки”, о том, что “Л.Р.Кызласов выступает за дружбу между народами...”⁶² и т.д. Эти оценки коснулись и некоторых работ Л.Р.Кызласова, увидевших свет вскоре после дискуссии. В работе, посвященной роли археологических источников в истории народов Сибири, ранние кыргызы впервые упомянуты им без кавычек и наряду со средневековыми хакасами, как творцы архитектурных сооружений на Среднем Енисее, а “памятники самобытной тюркоязычной “рунической письменности”⁶³ отнесены к “местным племенам и народностям”, а не только к “древним хакасам”. Впервые кыргызы, пусть с эпитетом “ранние”, обрели право на самостоятельное существование в трудах Л.Р.Кызласова.

Однако уже в работе 1975 года Л.Р.Кызласов вернулся к прежним трактовкам.⁶⁴ “Кыргызы” вновь заключены в кавычки, и выделить их памятники среди “древнехакасских” он считает невозможным. Кыргызы вновь стали “лишь родом средневековых хакасов.”⁶⁵ Эта трактовка присутствует в работах автора, увидевших свет в последнее десятилетие. На страницы его статей и книг вернулись критиковавшиеся в свое время оценки уровня развития “древнехакасской цивилизации” и ее

культуртрегерская роль в “завоеванных землях.”⁶⁶ Более того, если ранее Л.Р.Кызласов ограничивал претензии на главенствующее положение “хакасов” пределами Саяно-Алтая, то в работах последних лет территориальная экспансия “древнехакасской цивилизации” заметно расширилась, включив земли Забайкалья, Западной Сибири, степи Казахстана и Приуралья.⁶⁷ Влияние “древнехакасского государства”, судя по последним работам автора, простиралось в IX—X вв. от Амура до Крыма и от Ангары до Восточного Туркестана.⁶⁸ Серьезным препятствием для расширения пределов “древнехакасской” государственности на юге остался лишь Тянь-Шань, поскольку появление там “древних хакасов” позволит “некоторым ученым” путать кыргызов Енисея и Тянь-Шаня и предполагать общность их происхождения, чего концепция Л.Р.Кызласова категорически не предусматривает.⁶⁹ Взгляды Л.Р.Кызласова поддержаны работами И.Л.Кызласова, в которых тенденция к “господству” “древних” или “средневековых хакасов” над другими народами в территориальном и культурном аспектах все более расширяется.⁷⁰ Сладкие мечты о мнимом “господстве “хакасов”⁷¹ в обширных пространствах степной Евразии, о осоздании ими какой-то особой “древнехакасской цивилизации” базируются все на той же поверхностной, субъективной трактовке ограниченного круга источников, уже подвергавшейся ранее развернутой критике.

Что же изменилось в состоянии изученности вопроса, что позволило авторам вернуться к утверждениям, не выдержавшим испытания критикой? Очень немногое. Китаист Н.Ц.Мункуев в комментариях к переводу на русский язык текста “Мэн да бэй лу” в одном из подстрочных примечаний усомнился в реконструкции С.Е.Яхонтовым слова “хягасы” в форме “кыргыз” и предложил свою в форме “гакас”.⁷² И хотя это сомнение высказано мимоходом, без развернутой аргументации, и оно ни коим образом не свидетельствует в пользу правомерности употребления термина “хакас”, именно оно послужило основанием Л.Р.Кызласову для реанимации своих старых, раскритикованных и отвергнутых научной критикой взглядов. Вновь вернувшись к обсуждению данного вопроса, Л.Р.Кызласов утверждает: “В статье С.Е.Яхонтова не признается чтение хакас в качестве реконструкции хягасы (сяцзясы) и утверждается, что хягасы—это одна из транскрипций термина кыргыз. Однако истолкование С.Е.Яхонтова было отвергнуто Н.Ц.Мункуевым, указавшим, что допущения С.Е.Яхонтова было и его реконструкция “кыргыз” недостаточно обоснованы. По-видимому, для сяцзясы надо предложить исходное гакас (с учетом ассимиляции)”, и далее Н.Ц.Мункуев отсылает читателей к нашей статье о терминах “хакас” и “кыргыз”.

“Таким образом, нет оснований соглашаться с разъяснением С.Е.Яхонтова”.⁷³

Получается, что Яхонтову нельзя верить потому, что с ним не согласен Мункуев, который верит Кызласову, доводы которого, в свою очередь, опровергнуты Яхонтовым. Круг замкнулся, “исходное гакас” непостижимым образом стало аргументом в пользу произношения “хакас”, в противовес “кыргыз”. Казалось бы, если прав Н.Ц.Мункуев, нужно употреблять термины “гакас”, “гакасы”, “гакаское государство”, “гакасская цивилизация” и т.п., а не “хакас”, однако этого почему-то не произошло. Л.Р.Кызласов воспользовался данным эпизодом комментирования “Мэн да бэй лу” для оправдания прежней концепции, которую отстаивает и по сей день. В ходе полемики и позднее им был высказан ряд соображений по данному вопросу, не нашедших отражения в дискуссии. Все это дает основания вновь вернуться к рассмотрению аргументации Л.Р.Кызласова в полном объеме, не повторяя тех моментов, которые можно считать решенными.

Первый тезис Л.Р.Кызласова, на который опираются все его дальнейшие построения: различия в китайских источниках эпохи Тан терминов “цзяньгунь” (кыргыз) и “сяцзясы” (с вариантами). “Термин “кыргыз” (цзяньгунь) китайские историографы употребляли в танскую эпоху с термином “хакас” в одних и тех же источниках”.⁷⁴ Отметим, что в перечне вариантов термина “сяцзясы” у Л.Р.Кызласова отсутствуют некоторые формы, которые он, тем не менее, считает воспроизведением слова “хакас”.⁷⁵

О том, что представляет из себя данное “различие” в историко-фонетическом аспекте, достаточно ясно показал в свое время С.Е.Яхонтов — его просто нет. Л.Р.Кызласов ссылается также на прямые указания источников: “Хягас есть древнее государство Гяньгунь...”, после того, как гяньгуньское “племя смешалось с динлинами”, как на доказательство различия данных терминов.⁷⁶ На самом деле, если считать перевод адекватным, выражение “хягас... есть гяньгунь” означает тождество, а не различие субъекта и предиката данного суждения. “Хягас-гяньгунь”, но никак не наоборот. Если бы дело обстояло иначе, как пытается утверждать Л.Р.Кызласов, в тексте должно было бы стоять “хягас не есть гяньгунь”. Таким образом, текст источника отождествляет оба термина, вопреки попыткам Л.Р.Кызласова трактовать его в прямо противоположном смысле.

Далее Л.Р.Кызласов ссылается на то, что “впоследствии северные варвары в своем языке ошибочно сделали хягас, ибо уйгуры, говоря о них, как бы называли: “желтокраснолицы”. Эта фраза в свое время

послужила основанием считать слово хягасы “ключкой” кыргызов, попавшей в китайский язык через уйгуров. Отметим, что источник не противопоставляет более позднее написание раннему, а лишь пытается объяснить его значение и происхождение. Здесь уместно вспомнить предложенное в свое время К.И.Петровым отождествление “хягас” и “кыргыз”, через “хя/р/гяс”.⁷⁸ Последняя реконструкция очень напоминает современное монгольское название кыргызов — “хяргяс”. Примеры из монгольского языка: озеро Хяргяс-нур, поселок Хяргяс. Таким образом, “поздняя ошибка” совершенно не противоречит исходному этнониму “кыргыз”.

Мнимое различие терминов “хягяс” и “цзяньгунь” само по себе не дает никаких оснований предполагать, как это делает Л.Р.Кызласов, что: “Термин хакас в китайских источниках по значению гораздо шире, чем кыргыз, и точнее, ибо это имя действительно охватывало все разноязычные племена (в том числе и кыргызов), входившие в древнехакасское государство”.⁷⁹ Но откуда это видно?! Об этом нет ни единого намека в источниках.

Некорректно утверждение Л.Р.Кызласова, что термин “кыргыз” не мог быть “самоназванием” всех, различных по языку, племен кыргызского государства.⁸⁰ Таким “самоназванием” не мог быть не только термин “кыргыз”, но и “хакас” и любой другой термин, поскольку это разные, к тому же разноязычные племена, у которых не может быть общего “самоназвания”. Другое дело, что такое самоназвание было у господствующей в этом государстве этнической группы—“кыргызы”, по которой его и называли “Кыргызским каганатом” и никак иначе. Для всех остальных, подчиненных кыргызам племен, также существовало общее название — “кыштымы” (рабы-иноплеменники), и только так их следует именовать.

Поэтому попытки выводить название государства, основываясь на численности покоренных племен бессмысленны, так как господствующий этнос в кочевом государстве всегда составляет меньшинство, однако, историки именуют эти государства по названию господствующего этноса: Тюркское, Уйгурское, Кыргызское, Монгольское и т.д.

Исследователи уже отмечали абсурдность утверждений, что “кыргызы” на Енисее составляли лишь немногочисленный аристократический, династийный род⁸¹ в среде “средневековых хакасов”. Эта конструкция построена на некорректной трактовке выражений “колени”, “поколение”, “род”, “кыргызы”, поскольку они широко применялись по отношению к племенам и народам, в том числе в сочетании с термином “хягас”. Например, “Дом хягас”, “хягас есть небольшой род” и т.д.

Конструкция “кыргызы — династийный род” носит сугубо негативный характер, имеющий целью отрицать этническое содержание данного термина без учета реального значения термина “род”. Его принятие повлекло бы за собой ряд трудноустраняемых противоречий. Если гянгунь только род, то как они могли покорить и ассимилировать многочисленный народ динлинов, вместе с которыми они упоминаются в источниках. Если в этот период они еще не были родом, то как могли трансформироваться в род из этноса. Почему и позднее “сеок-род кыргызы” входит в состав разных племен, в то время как династийные роды относятся к одному племени: Ашина — род племени тюрк, Яглакар — род племени уйгур и т.д. Да и среди самих кыргызов имелось “родовое имя тех, из этой области, которые пользуются уважением и известностью, — иди...”

“Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве...” — современники “ошибочно, — по мнению Л.Р.Кызласова, — называли это государство кыргызами.”⁸² Но только так его и следует называть, раз его так называли сами кыргызы и их ближайшие и отдаленные соседи. Этому нисколько не противоречат “языковые данные”. Наличие в языке кыргызов нескольких “самодийских” слов не меняет его принадлежности к тюркской языковой семье и не свидетельствует о самодийской принадлежности населения Енисея, об этом говорит хотя бы “самобытная енисейская руническая письменность”, служившая, по мнению самого Л.Р.Кызласова, “литературным языком” в кыргызском государстве.⁸⁴ Не способствует упрочению его точки зрения и сближение Л.Р.Кызласовым слова “хакас” с этнонимами “хаас” (качинцы), “хааш” (тофалары), “хаасут” (дархаты-монголы и тувинцы).⁸⁴ Вполне возможно, что перечисленные этнические группы восходят к общей этнической основе. К ним следует добавить подразделение хаасут в составе окинских сойотов. Как известно, в свое время “в окрестностях оз.Хубсугул существовал хаасутский хошун... Это был девятый урянхайский хошун, в административном отношении стоявший особняком”.⁸⁵

Очевидно, что хаасуты и близкие к ним этнические группы, возможно, включая хакасов-качинцев, являются частью урянхайцев, потомков “лесных урянкатов”, известных в эпоху Тан и Юань под именем ханас, хабханас, ханьхэна, лыжные тюцзюэ и др. Совершенно прав был С.Е.Яхонтов, указывая на возможность их отождествления с хакасами-качинцами.⁸⁶ Все эти группы поставляли кыштымов в кыргызское государство в период его великодержавия, а позднее часть из них под именем хаас сохранилась в качестве одного из подразделений кыштымов в

кыргызских землях вплоть до прихода русских. И ныне она составляет часть современных хакасов. Нет никакой необходимости путать этих хаасов (ханасов, хабханасов) с харгысами (кыргызами), от которых они находились в вассальной зависимости, как это сделал Л.Р.Кызласов. Кыштымы должны остаться кыштымами, не приписывая себе факты истории кыргызов под именем “древних или средневековых хакасов”.

Не убеждает в пользу гипотезы Л.Р.Кызласова и то обстоятельство, что в рунических надписях, “обнаруженных в бассейне верхнего и среднего течения р.Енисей, не упоминается имени кыргызов”, вместо которого присутствует его “синоним” — эль.⁸⁷ Аутентичность этнонима “кыргыз” доказывается его наличием в разноязычных источниках с III в. до н.э. Весьма важно, что этноним “кыргыз” присутствует в текстах тюрков, уйгуров и самих кыргызов. В этом отношении “сомнения-разночтения” вокруг формы “хягясы” в танских источниках не идут ни в какое сравнение с данными о кыргызах. Термин “эль” известен не только в кыргызских рунических надписях. Если он “синоним” термина “кыргыз”, то чем он служит в тюркских и уйгурских надписях? “Синонимизация” слов “эль” и “кыргыз” не может быть принята.

Позднее Л.Р.Кызласов добавил к своим рассуждениям еще один аргумент. “Хакасами” необходимо именовать древних насельников Енисея потому, что среди современных хакасов, есть этнические группы, которые “называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами.”⁸⁸ О хаасах (качинцах) уже говорилось выше. “Сагай-хаас” — литературный псевдоним Романа Афанасьевича Кызласова, отца Л.Р.Кызласова, так “иногда называли себя” жители улуса Бейка.⁸⁹ И этот литературный псевдоним предлагается в качестве “самоназвания” для средневекового населения Енисея?!

Если уж “историческая справедливость” не позволила Л.Р.Кызласову именовать население Енисея в эпоху средневековья кыргызами, ввиду того, что они не составляли большинства, хотя и занимали главенствующее положение, то почему она позволяет именовать его по названию аналогичного меньшинства, но никогда не занимавшего главенствующее положение, а, наоборот, — подчиненное. Ведь хаасы-качинцы и, тем более, жители улуса Бейка не могут составлять “большинства трудового населения”, это лишь одно из племен кыштымов. “Абаканские татары”, о которых пишет Л.Р.Кызласов, действительно имели собственное название, вне зависимости от племенной принадлежности, и называли себя не хакасами или “сагай-хаасами”, а “тадарлар”, т.е. “татары”. Это самоназвание до сих пор бытует в разговорном языке коренного населения Хакасии и его не вытеснило официальное наименование “хакасы”.⁹⁰

Разве не показателен тот факт, что топонимика и фольклор хакасов, в которых в изобилии представлены названия средневековых и современных племен и народов, таких, например, как: хыргыс, уйгур, тиргеш, телек, моол, ойрат, торбет, хитат, соян, сарт и др., не знают своего мнимого самоназвания “хакас”. Более того, наряду с “тадар” в хакасском фольклоре имеется предшествовавшее ему общее название для коренного населения Енисея — “хоорай”.⁹¹ Разве это не свидетельство в пользу того, что “большинство трудового населения” никогда в прошлом не знало искусственного книжного слова “хакас”, а именовало себя иначе — “хоорай” и “тадарлар”.

Историческая справедливость обязывает учитывать все эти факты, а они свидетельствуют об одном — на Енисее никогда в прошлом не существовало народа, который называл бы себя или был называем другими термином “хакасы”. Это слово вошло в обиход только в 20-е гг. XX в., и только с этого времени коренное население региона следует именовать хакасами, не удревняя искусственно этот термин. Попытки искусственного переноса данного термина на средневековое население Енисея являются ничем иным, как искажением истории.

Как справедливо отмечали критики Л.Р.Кызласова, суть его концепции не ограничивается подменой терминов.⁹² Заменяя исторически обоснованное разграничение “кыргызы” и “кыштымы” искусственным “хакасы”, Л.Р.Кызласов пытается завуалировать общеизвестный факт, что современные хакасы являются в своей основе потомками кыргызских кыштымов, в то время как енисейские кыргызы вошли в состав не только хакасов, но и тувинцев, современных кыргызов и других тюркских народов.

Хотя в нашем государстве совсем не обязательно выводить родословную своего народа от “династийного аристократического рода” и происхождение от “большинства трудового населения” — кыштымов, ничуть не зазорно, это обстоятельство смущает иных историков, стремящихся приукрасить прошлое мифическим происхождением от славного некогда “народа Хиргиз”, известность о котором обошла всю Азию. Однако если каждый начнет выбирать своему народу предков по степени знатности, то что станет с историей?

Подводя итог данному этапу дискуссии можно отметить, что в эпоху средневековья в Саяно-Алтае проживало тюркоязычное население, именовавшее себя “кыргызами”. Кыргызы являлись господствующим этносом в своем государстве, подчиняя многочисленные и различные по языку и этнической принадлежности племена, известные под общим названием “кыштымы”. Поэтому при описании и анализе средневековых

материалов следует разграничивать самих “кыргызов”, “кыргызскую культуру”, созданное кыргызами государство — “Кыргызский каганат” и в древности подчиненных кыргызам “кыштымов”.

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Анализ основных дискуссионных вопросов, связанных с употреблением этнонима “кыргыз”, применительно к событиям древней и средневековой истории Центральной Азии, позволил учесть все высказанные ранее мнения на этот счет, рассмотреть обоснованность аргументации и прийти к выводу о том, что “по всем известным данным в средние века на юге Сибири проживало тюркоязычное население, именовавшее себя “кыргызы” и известное другим народам под этим же названием”¹, а употреблявшийся некоторыми ученым термин “древние хакасы”— “результат исторического недоразумения”.² Эти выводы встретили положительный отклик и были поддержаны специалистами по средневековой истории Центральной Азии: С.И.Вайнштейном,³ О.К.Караевым,⁴ Т.К.Чороевым.⁵ “Кыргызы на Енисее” были изданы в переводе на кыргызский язык в 1989—1990⁶ и 1991 гг.⁷

Кызласов же, в свою очередь, попытался защитить “древнехакасскую цивилизацию” весьма своеобразными методами. В 1987 г. он направил письмо в партийные органы, в котором утверждал, в частности, что в “Кыргызах на Енисее” отвергается принятое в настоящее время название коренного населения Хакассии, составляющего народность “хакасы”, взамен которого предлагается именовать его “татары” или “абаканские татары”, что оскорбляет национальные чувства хакасов. Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. В “Кыргызах на Енисее” словосочетание “абаканские татары” приводится дважды, причем в обоих случаях цитируется статья самого Л.Р.Кызласова “Еще раз о терминах “хакас” и “кыргыз”.⁸ В первом случае говорится: “Соглашаясь с критикой: “Да, хакасами себя “абаканские татары” не называли”, — он (Л.Р.Кызласов.—Ю.Х.), однако, пишет, что “они называли себя хаасами (хаастар) и сагай-хаасами”.⁹ Цитата из работы Л.Р.Кызласова заключена в кавычки и сделана ссылка на его статью. В другом месте сказано: “Абаканские татары”, о которых пишет Л.Р.Кызласов, действительно имели собственное название, вне зависимости от племенной принадлежности, и называли себя не “хакасами” или “сагай-хаасами”, а “тадырлар”, т.е. “татары”.¹⁰ Получается, что Л.Р.Кызласов испытал чувство национального “унижения и оскорбления” от прочтения собственных слов, проци-

тированных в “Кыргызах на Енисее”. Л.Р.Кызласов совершенно не прав, заявляя, что в “Кыргызах на Енисее” отвергается современный этноним “хакасы”. На самом деле в этой работе ясно сказано: “Историческая справедливость обязывает учитывать все эти факты, а они свидетельствуют об одном: на Енисее никогда в прошлом не существовало народа, который называл бы себя или был называем другими термином “хакасы”. Это слово вошло в таком значении в обиход только в 20-е годы XX в., и только с этого времени коренное население региона следует именовать “хакасами”, не удревяняя искусственно данный термин”.¹¹

Именно против недопустимого переноса Л.Р.Кызласовым современного этнонима “хакасы” на древнее и средневековое население Енисея выступали и выступают критики его концепции. Выступают потому, что в древности и в средние века термина “хакасы” не существовало, население Енисея имело другое название, зафиксированное в письменных источниках—“кырызы”. Попытки Л.Р.Кызласова переименовать кыргызов в “древних хакасов” являются искажением истории и абсолютно не приемлемы.

Потерпев неудачу в попытках спасти “древних хакасов” и “древнехакасскую цивилизацию” с помощью писем в партийные органы, Л.Р.Кызласов в 1989 г. опубликовал заметку, в которой попытался обосновать существование этнонима “хакасы” в историческом прошлом на материалах хакасского языка.¹² В принципе, предложенное обоснование не содержит какой-либо новой аргументации. Все эти доводы уже излагались в предшествующих работах Л.Р.Кызласова.¹³ Однако в полемике, в работах критиков его концепции эти аргументы специально не рассматривались, поэтому для Л.Р.Кызласова они приобрели самодовлеющее значение, что заставляет вернуться к их рассмотрению.

В 1991 г. к анализу этнонимов “кыргыз”, “хаас” и “чик” в китайских источниках вновь обратился С.Е.Яхонтов.¹⁴ Он рассмотрел китайские термины “гяньгунь”, “гегу”, “хягясы” и “килигисы”, которые отражают различные фонетические варианты этнонима “кыргыз”. С.Е.Яхонтов отметил, что предположение Н.Ц.Мункуева, реконструировавшего “хягясы” в “гакас” с учетом ассимиляции,¹⁵ лишено “всяких оснований”.¹⁶

Важное значение имеет следующий вывод С.Е.Яхонтова: “Форма *хакас* или *хагас*, *гакас*, *кахас* (без *р*) ни в китайских, ни в тюркских русских источниках не представлена”.¹⁷ Он так же отметил, что этноним “*хаас*, *хааш* (самоназвание некоторых групп современных хакасов и тофаларов), возможно, зарегистрирован в “Секретной истории монго-

лов” в форме *qanqas* и в “Новой истории Тан” в форме *гээджи* (последний народ упоминается рядом с тубо, т.е. тувинцами).¹⁸ Отмечено также, что предположение Л.Р.Кызласова о том, что китайское слово “кигу” может означать “чиков”, “неприемлемо по фонетическим соображениям”.¹⁹

Таким образом, С.Е.Яхонтов вновь подтвердил, что термин “хакасы” отсутствует в китайских источниках в какой-либо форме.

Вернемся, однако, к заметке Л.Р.Кызласова о терминах “хаас” и “хасха” и рассмотрим его аргументацию в пользу того, что бытование данных терминов в современном хакасском языке якобы доказывает существование в прошлом этнонима “хакасы”. Л.Р.Кызласов приводит сведения о терминах “хаас” и “хасха” из хакасско-русского словаря: “Хаас — качинец, представитель “племени хакасов” и список сеоков хаасов: хасха, ах-хасха, паратан-хасха, талджан-хасха, ус-хасха, хара-хасха”.²⁰ Помимо родовых подразделений, среди хаасов упомянуты и территориальные группы: хара хаас, кок хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы), “а также пограничная группа сагай-хаас (сагайцы-качинцы)”.²¹

Далее Л.Р.Кызласов утверждает, что поскольку термины “хаас” и “хасха” являются широко распространенными среди хакасских этнических подразделений, выяснение “сущности и происхождения” этих терминов “имеет первостепенное значение” для решения проблемы происхождения хакасов.²² Выяснение “сущности и происхождения” на деле сведено к изложению мнения Н.Г.Доможакова о том, что слово “хакас” является нестяженной формой слова “хаас”,²³ и М.И.Боргоякова о том, что слово “хакас” сохранилось в форме “хасха”.²⁴ М.И.Боргояков считал термин “хакас” состоящим из двух слов “хах-гас (хас)”, первое из которых “усиливающий элемент”, а второе — “термин местного происхождения и обозначает вообще “человека, мужчину”.²⁵

Итак, мнение Л.Р.Кызласова по данному вопросу сводится к тому, что слово “хаас” — результат стяжения, а термин “хасха” — метатеза одного и того же слова “хакас”. Он пишет: “Строгая закономерность позволяет восстанавливать форму древних слов по облику современных”.

“Очевидно, что Н.Г.Доможаков прав, и древний облик этнонима “хаас” (со вторичным долгим *a*) закономерно восстанавливается, как “хагас” (“хакас” или “хагас”) и, следовательно, в самоназвании “хаас” сохранилось древнее имя народа — хакас”.²⁶ “Очевидно, что закон имеет обратную силу и лингвист-диалектик также закономерно восстанавливает из современного слова “хаас” средневековую форму хагас (хакас, как из современного “аас” (рот) — древнее “агыз”, а из “аал” (селение) — древнетюркское “агыл” (загон) и т.п.”²⁷

О происхождении слова хасха в результате метатезы Л.Р.Кызласов утверждает: “Подобно тому, как башкирский этноним “кахас” является явной метатезой от древнего “хакас”, так и этноним “хасха” является слоговой метатезой от древнего “хакас” (хагас/ хахас).

Таким образом, две словоформы, два этнонима современных хакасов—хаас и хасха—образовались хотя и разными способами, но из одного и того же древнего этнонима. Этот уникальный случай наглядно доказывает, что древний этноним хакас (хагас) хахас является реальностью”.²⁸

В доказательство этого Л.Р.Кызласов привел следующие данные: “Подтверждением того, что древний народ хакас существовал, является то, что этноним был в так называемую “эпоху великодержавия” (XI—X вв.) вместе с термином “кыргыз” широко разнесен носителями этнонима и до сих пор сохраняется у некоторых тюркоязычных групп или их омонголившись собратьев. Кроме современных хакасов, тот же этноним (также в стяженной форме, со вторичным долгим звуком *a*) зафиксирован в виде подразделений (сеоков) у тувинцев — хасут (хаазут), у тофаларов — хааш, хара-хааш, сарыг-хааш; у окинских бурят (сойотов) — хаас; у дархатов Прикосоголья — хаасут. Это, несомненно, та же поздняя форма древнего этнонима хакас, только иногда оформленная аффиксом множественного числа (хаас-ут; ср. тюркское оформление: хаастар — самоназвание качинцев). Наиболее показательно, что башкиры, благодаря особенностям их языка, сохранили этноним хакас в древней нестяженной форме (но с явлением метатезы) — “кахас”.²⁹ По мнению Л.Р.Кызласова, существование этнонима “хакас” в VI—XII вв. на территории Южной Сибири подтверждается китайскими средневековыми хрониками, определенно указывающими на местное происхождение этого термина.

“Важно, что китайские источники указывают и на время, когда в языке древних хакасов произошла указанная метатеза. Это XIII в. “Юань ши” под 1293 г. впервые сообщает об этнониме “хасха” как об одном из самоназваний населения Южной Сибири.”³⁰

Заключает свои изыскания о терминах “хаас” и “хасха” Л.Р.Кызласов следующим: “Собранные в настоящей статье факты и их анализ со всей очевидностью устанавливают, что проблема существования в период средневековья этнонима “хакас” вышла за пределы исторических изменений китайского языка и письменности и заняла самостоятельное место в соответствующем разделе тюркского языкознания.”³¹

Тем самым Л.Р.Кызласов пытается противопоставить данным синологов, отрицающих существование термина “хакас” в средневековых китайских источниках, свои изыскания в области “тюркского языкознания”.

Представляется, однако, что Л.Р.Кызласов явно поторопился. Предложенные им сопоставления и реконструкции содержат немало противоречий, оставляют повод для сомнения и никак не могут считаться “доказательствами” в пользу существования термина “хакас” в эпоху средневековья.

Прежде всего, приведенные им аналогии с изменением слов “огул” в “оол”, “огуз” в “уус”, “агыз” в “аас” не могут считаться в полной мере корректными для предлагаемой реконструкции “хакас” в “хаас”, поскольку в названных выше примерах произошла трансформация слова при сохранении значения, в то время как термины “хаас” и “хасха”, по мнению самого же Л.Р.Кызласова, отнюдь не тождественны по значению слову “хакас”. “Хакас”, по Л.Р.Кызласову, самоназвание этноса, в то время как “хаас” — название этнической группы внутри этого этноса, а “хасха” — наименование сеоков внутри этнической группы “хаас”. Появление слов “хаас” и “хасха” в современном значении должно соответствовать по времени возникновению этих этнических групп. Л.Р.Кызласов так и пишет: этноним “хасха” возник в результате метатезы в XIII в.,³² а распространение этнонима “хаас” произошло в эпоху великодержавия в IX—X вв.³³ Однако сам этноним “хакас”, по его мнению, существовал в течение VI—XII вв.³⁴

Вполне естественно встает вопрос, каким образом и когда происходили предложенные Л.Р.Кызласовым процессы стяжения и метатезы. Если этноним “хаас” был заимствован предками тофаларов, тувинцев, сойотов, дархатов уже в стяженной форме, то в IX—X вв. не могло существовать “древних хакасов”, а должны были быть “древние хаасы”. Если же он был распространен в “нестяженной форме — хакас”, то каким образом он мог трансформироваться в разных языках в одну и ту же форму. Напомним, что хаасы-качинцы, тофалары, тувинцы — тюркоязычны, а сойоты и дархаты, в настоящее время, — монголоязычны. Предложенные Л.Р.Кызласовым явления стяжения и метатезы в рамках одного процесса изменения языка явно противоречат друг другу. В какой последовательности их не представляй, одно не могло произойти после другого. Если сначала произошел процесс стяжения “хакас” в “хаас”, то после этого уже не могло произойти метатезы, т.к. звук “к” выпал и новое слово после перестановки слогов должно звучать “асха”. Если же сначала произошла метатеза “хакас” в

“хасха”, то после нее не могло произойти стяжения. Воистину уникальный случай, когда одно предположение Л.Р.Кызласова безусловно исключает другое.

Представляется, что для реконструкции процесса распространения термина “хаас” и “хасха” среди населения Южной Сибири и Центральной Азии нет ни малейшей необходимости выдумывать исходную форму “хакас”. В средневековых источниках среди “лесных народов” Саяно-Алтая названы “ханьхасы”, “ханасы”, “хабханасы”, “ханьхэна.”³⁵ Это были таежные охотники и оленеводы, жившие в берестяных чумах.

Вполне вероятно, что эти племена явились той общей этнической основой, из которой происходят современные этнические группы с самоназванием “хаас” или “хаасут” в составе тувинцев, тофаларов, сойотов, дархатов. К их числу должны относиться и “хастар” — качинцы. Часть этих таежных племен в средние века находилась на положении кыштымов в кыргызском государстве. Кыргызы их “ловили и употребляли в работу.”³⁶ В XIII в. таежные племена Саяно-Алтая были покорены монголами, в результате чего часть “хасутов” перешла на монгольский язык. С уводом кыргызов из Минусинской котловины джунгарами в начале XVIII в., на ее территории расселились племена кыштымов. Хаасы-качинцы из долины р.Качи под городом Красноярском переселились на юг, вплоть до рек Абакан и Уйбат.³⁷ В их состав вошла часть кыргызов, оставшихся после угона.³⁸

Следует, однако, решительно возразить против попытки Л.Р.Кызласова “обнаружить” этноним “хасха” на Енисее в XIII в.³⁹ Нет ни малейших оснований для интерпретации “земель Хэсыхэ”, на которых Хубилай поселил в 1293 г. “чжирхэхусотайских кыргызов”, в районе Минусинской котловины, в которой обитали “с глубокой древности” “хаасы” и “хасха”.⁴⁰ Более вероятно, что земли Хэсыхэ “следует искать где-то в Маньчжурии, “может быть, поблизости или также в бывшем владении князя Наяна.”⁴¹ Говоря о “глубокой древности” терминов “хаас” и “хасха” Л.Р.Кызласов противоречит своему же утверждению, что термин “хакас” в нестяженной форме существовал в течение VI—XII вв.”⁴²

Таким образом, изыскания Л.Р.Кызласова относительно “сущности и происхождения” терминов “хас” и “хасха” никоим образом не проясняют поставленные вопросы, а предприняты с целью “доказать” историчность термина “хакасы”. Представляется, что предлагаемые им заключения, ничуть не более “доказательны”, чем его предшествующие реконструкции в области синологии.

Анализ предложенных им данных дает основания для однозначного

вывода—этнонима “хакасы” ни в древности, ни в средние века не существовало. Этнические группы “хастар” и “хасха”, в составе современных хакасов, происходят из кыргызских кыштымов.

Глава IV. ДРЕВНИЕ КЫРГЫЗЫ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э.— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

Древний период истории кыргызов, охватывающий последние века до н.э.—первую половину I тыс. н.э., остается малоисследованным до настоящего времени.

Впервые кыргызы упоминаются в китайских источниках династии Хань под названием гяньгунь (цзяньгунь) в конце III в. до н.э. в перечне племен, покоренных хуннским шаньюем Модэ на землях, находящихся севернее хуннских владений.¹

Длительное время ученые считали, что район обитания гяньгуней находился в окрестностях озера Кыргыз-Нур в северо-западной Монголии. Одним из первых такое предположение высказал В.В.Бартольд. Обобщив имеющиеся сведения он заключил, что земли гяньгуней должны были находиться “восточнее земель усуней”², в районе озера Кыргыз-Нур. Он упомянул о назначении правителями страны Гяньгунь и других северных стран “сановников китайского происхождения” Вэй Люя и Ли Лина, однако указал, что “эти известия, по-видимому, не основаны на точном свидетельстве источников”.³ По его мнению, переводчик Н.Я.Бичурин домыслил ход событий, утверждая, что “Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас”.⁴

Представления Н.Я.Бичурина о расселении динлинов в Южной Сибири между Енисеем и Байкалом и правление китайского полководца Ли Лина в качестве хуннского наместника над гяньгунями, были использованы С.В.Киселевым для реконструкции истории “динлинно-гяньгуньских племен”.⁵ Согласно его представлениям, динлины являлись носителями тагарской культуры. В конце III в. до н.э., после завоевания Минусинской котловины хуннами, на Енисей начали переселяться гяньгуни. В начале I в. до н.э. Минуса была отдана под управление китайскому полководцу Ли Лину, который построил для себя дворец на р.Абакан. В середине I в. до н.э. динлины и гяньгуни были покорены шаньюем северных хуннов Чжичжи. В дальнейшем, в первой половине I тыс. до н.э., в результате ассимиляции динлинов гяньгунями, в Минусинской котловине сформировались енисейские кыргызы.

В настоящее время очевидно, что С.В.Киселев обосновывал свои построения на очень ограниченном круге источников, фактически игнори-

руя данные о широком расселении динлинов по территории Центральной Азии.

Взгляды С.В.Киселева на “этногенез динлино-гяньгуньских племен” были развиты в 1960 году Л.Р.Кызласовым. Основываясь на произвольной трактовке источников, Л.Р.Кызласов безапелляционно утверждал: “...в настоящее время установлено, что динлины, упоминающиеся в этом сообщении, проживали как раз на территории Хакасско-Минусинской котловины и прежде всего могут быть отождествлены с “тагарцами”.⁷ Владение Гэгунь, по мнению Л.Р.Кызласова, располагалось южнее динлинов, в районе оз. Кыргыз-Нур в Северо-Западной Монголии”.⁸ Подобная интерпретация, как считал Л.Р.Кызласов, “блестяще подтверждается” археологическими материалами Минусинской котловины, где в конце I тыс. до н.э. появляются “памятники, характеризующие тагаро-таштыкский переходный этап”. “И в то же время, в начале II в. до н.э. впервые распространяются на север и северо-запад за пределы Хакасско-Минусинской котловины позднеагарские курганы с коллективными погребениями (район Красноярск— Мариинск). Причем распространяются эти курганы в несвойственных для тагарцев лесостепных и таежных районах, где до их прихода жили отличные в этническом отношении племена, с иной материальной культурой”.⁹

По мнению Л.Р.Кызласова, “покорив в 201 г. до н.э. “владение” динлин-тагарцев, гунны вытеснили часть их на север. Оставшаяся значительная часть динлинов, находясь под верховной властью гуннского шаньюя, смешиваясь с пришельцами гяньгунями, положила начало новой эпохе — таштыкской”. Именно в это время “вместе с гуннами впервые появляются в Хакасско-Минусинской котловине тюркоязычные гяньгуни с их во многом центральноазиатской культурой, основанной на скотоводческом хозяйстве, с их обрядом трупосожжения, не свойственным ни гуннам, памятники которых довольно хорошо известны, ни тагарским динлинам”. Обо всем этом свидетельствует погребальная обрядность. “Это, во-первых, грунтовые могилы — погребения непосредственно тагарского, динлинского еще, населения с их обрядом и, во-вторых, склепы под большими пирамидальными курганами — могилы уже динлино-гяньгуньские с двойственным обрядом: динлинские трупоположения и гяньгуньские трупосожжения, которых еще немного, сравнительно с первыми”.¹⁰

Кроме Минусинской котловины памятники гяньгуней по обряду кремации в этот период были распространены в Центральной Азии. Об этом свидетельствуют раскопки кургана Наинтэ-Сумэ в Монголии¹¹ и Шурмак-Тей в Туве.¹²

Л.Р.Кызласов утверждал, что власть “гуннов над Хакасско-Минусинской котловиной поддерживалась с помощью специальных наместников, которые, вероятно, опирались при этом на военные гарнизоны, не обязательно состоявшие из собственно гуннских воинов”. Такими наместниками на Енисее он считал Вэй Люя, занимавшего пост “динлин-вана”, и Ли Лина, которому, якобы, принадлежал “китайский по архитектуре” дом на Абакане.¹³ “Сразу после смерти наместника Ли Лина население Хакасско-Минусинской котловины, которое по традиции по-прежнему называется динлинами в китайских источниках, освободилось от гуннской зависимости”.¹⁴ Динлины в середине I в. до н.э., возглавляемые сыном Ли Лина, в союзе с ухуанями и усунями вели войну против гуннов. В результате похода шаньюя северных гуннов Чжичжи в Южную Сибирь были разгромлены и динлины и гяньгуни. Шаньюй несколько лет прожил со своей ордой в землях гяньгуней на оз. Кыргыз-Нур, что способствовало окончательному переселению гяньгуней из северо-западной Монголии на Енисей.¹⁵ В I в. н.э. северные хунны были окончательно разгромлены сяньбийцами, вождь которых Тань-шихуай “на севере остановил динлинов”.¹⁶

Остается добавить, что гяньгуней Л.Р.Кызласов считал тюркоязычным племенем, а динлинов — “уграми”, родственными хантам.¹⁷

Ряд основных положений этой ошибочной концепции, выдвинутой Л.Р.Кызласовым для обоснования начала этногенеза “древних хакасов” еще в хуннское время, в результате смешения “тагарских динлиноугров” и гяньгуней, был подвергнут справедливой критике сразу после ее опубликования. А.Н.Липский указал на необоснованность этнографических построений в концепции Л.Р.Кызласова.¹⁸ А.П.Дульзон указал на ошибочность топонимических толкований Л.Р.Кызласова. Все гидронимы, которые Л.Р.Кызласов считал “угорскими”, на самом деле являются кетскими.¹⁹ Н.Л.Членова подвергла сомнению отождествление носителей тагарской культуры с динлинами.²⁰ Она отвергла тезис Л.Р.Кызласова об этногенетическом родстве тагарской и таштыкской культур.²¹ Археологические исследования в Южной Сибири убедительно продемонстрировали несостоятельность гипотезы Л.Р.Кызласова. Изучение памятников тагарской лесостепной культуры А.И.Мартыновым в Ачинско-Мариинской лесостепи²² и верхнеобской культуры М.П.Грязновым в Приобье²³ убедительно показали, что никакого движения “динлино-угров” в хуннское время из Минусы в эти районы не происходило. Несостоятельными оказались и попытки Л.Р.Кызласова отождествить отдельные курганы с сожжениями в Туве и Монголии с

культурой гяньгуней.²⁴ Наконец, раскопки в самой Минусинской котловине также не подтвердили предположений Л.Р.Кызласова. Выяснилось, что эволюция тагарской погребальной обрядности привела к появлению обычая сожжения погребальных сооружений еще на сарагашенском этапе, в IV—III вв. до н.э., т.е. задолго до появления на Енисее хуннов и гяньгуней.²⁵ Выделение М.П.Грязновым памятников тесинского этапа тагарской культуры II—I вв. до н.э. позволило отметить изменения в тагарской погребальной обрядности в хуннское время.²⁶ Изучение тесинских памятников М.Н.Пшенициной,²⁷ Н.Ю.Кузьминым,²⁸ Ю.С.Худяковым²⁹ привело к выделению значительного количества вариантов тесинской погребальной обрядности, не сводимой к динлино-гяньгуньскому симбиозу. В Ачинско-Мариинской лесостепи А.И.Мартыновым, Г.С.Мартыновой, А.М.Кулемзиным были выделены памятники шестаковского этапа или культуры.³⁰ Э.У.Стамбульник исследовала памятники улуг-хемской культуры хуннского времени в Туве.³¹ Полученные материалы не подтверждают процесс слияния динлинов и гяньгуней в Южной Сибири.

Не выдержала испытания временем и предложенная Л.Р.Кызласовым периодизация таштыкской культуры, призванная проиллюстрировать этапы “динлино-гяньгуньского этногенеза”.³² Ввиду научной несостоятельности она была заменена иной периодизацией, разработанной М.П.Грязновым, которая в настоящее время считается общепринятой.³³

Весьма противоречивой оказалась этнокультурная интерпретация Л.Р.Кызласовым разных типов погребальных памятников “тагаро-таштыкского переходного этапа” и “изыхского этапа” таштыкской культуры. Такие особенности курганов, как наличие двойной ограды из вертикально установленных плит со столбами и стенки из горизонтально уложенных плит, входа, сруба с полом и потолком, обычая сожжения камер являются общими для части сарагашенских, тесинских и таштыкских склепов. Все эти схожие черты, казалось, заставили бы Л.Р.Кызласова признать “наличие генетической связи в их развитии”, однако, при их интерпретации, он, противореча себе, относит “склепы под большими пирамидальными курганами” к “динлино-гяньгуньскому населению”, практиковавшему двойственный обряд трупоположения и трупосожжения.³⁴ Как справедливо отметил по этому поводу Д.Г.Савинов, эволюция курганов-склепов отражает непрерывную линию развития погребальной обрядности собственно тагарского населения, а пришлые племена должны были хоронить по-иному.³⁵

Второй, известный к началу 1960-х годов, тип погребальных памятников тесинского типа — грунтовые могилы — Л.Р.Кызласов отнес к та-

гарцам-динлинам,³⁶ хотя на предшествующем этапе для тагарской культуры были характерны именно курганы-склепы. С.И.Вайнштейн и М.В.Крюков развеяли легенду о “дворце Ли Лина”, доказав, что “Китайский дом” на Абакане мог быть сооружен не ранее I в. н.э.³⁷

К началу 1980-х годов несостоятельность обоснования всех основных положений концепции Л.Р.Кызласова об “этногенезе динлино-гяньгуньских племен” стала настолько очевидной, что в отношении ее нельзя было ограничиться только критикой. Необходим был поиск иных, научно обоснованных решений проблем этнокультурного развития Южной Сибири в хуннское время.

Ряд усилий в этом направлении был предпринят Д.Г.Савиновым. Отметив противоречия в концепции Л.Р.Кызласова, он предложил считать тесинские курганы-склепы памятниками собственно тагарского населения, а “грунтовые могилы” отнес к “пришлым племенам”.³⁸ Одиночные и групповые погребения в каменных ящиках он предложил выделить в особую тесинскую культуру.³⁹ Захоронения в каменных ящиках в Минусе он сначала отнес к гяньгуням, указав, что в письменных источниках ничего не говорится о том, что гяньгуни хоронили умерших по обряду кремации.⁴⁰ В дальнейшем он отнес погребения в каменных ящиках хуннского времени в Саяно-Алтае к динлинам.⁴¹ Д.Г.Савинов отметил, что по данным письменных источников динлины локализуются не только в Минусинской котловине, но и на более широкой территории.⁴² Он также указал на связь динлинов со средневековым объединением племен теле, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи.⁴³ Это обстоятельство ставит под сомнение отождествление динлинов с носителями тагарской культуры, поскольку теле были расселены на очень широкой территории Центральной Азии.

Л.Р.Кызласов оставил критику в свой адрес без внимания, в одной из последующих работ повторив свою концепцию почти без изменений.⁴⁴

Внимательный анализ сведений китайских источников о гяньгунях и динлинах позволил автору настоящей работы в 1984 г. уточнить, что их расселение связано с Центральной Азией и не может быть локализовано в Минусинской котловине в хуннское время. Гяньгуни и динлины, безусловно, различались китайцами в качестве разных племен, проживающих на соседних территориях в течении III в. до н.э.—III в. н.э. “Перемешаться” динлины и гяньгуни могли не ранее IV—V вв. н.э. Произошло это в результате включения гяньгуней (хэгу) в состав гаоцзюйских динлинов, известных позднее под названием теле. Восточные динлины, вошедшие в состав племени шивэй, известны под своим наименованием до начала VI в. н.э.⁴⁵ В V—VI вв. н.э. гаоцзюйские динлины вели войны в жужанями, которым

удалось подчинить гяньгуней (цигу).⁴⁶ Анализ этих данных привел к мысли, что древние кыргызы-гяньгуни в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. обитали не на Енисее и в северо-западной Монголии, а южнее—в Восточном Туркестане.⁴⁷ Обследование ряда районов в бассейне оз. Кыргыз-Нур не обнаружило памятников, которые можно было бы связать с гяньгунями. На Енисее кыргызы известны с VI в. н.э.⁴⁸ К аналогичному выводу пришла на основе анализа китайских источников Л.А.Боровкова.⁴⁹ Подобное понимание хода событий истории древних кыргызов выводит из их культурогенеза археологические материалы тесинского этапа тагарской и таштыкской культур в Минусинской котловине. Сомнение в принадлежности таштыкской культуры древним кыргызам-гяньгуням высказывали А.Н.Липский и Э.Б.Вадецкая. По мнению последней, таштыкская и кыргызская культуры даже сосуществовали в течение VI—VII вв. н.э., после чего таштыкцы были вытеснены из Минусинской котловины и частично ассимилированы кыргызами.⁵⁰

“Владение Гяньгунь” впервые упоминается в ханьских источниках в 201 г. до н.э. среди других племен, покоренных шаньюем Модэ. “Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь, Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-шаньюю и признавали его мудрым”.⁵¹ В этот период динлины и гяньгуни являлись разными “владениями”, подчиненными хуннам. О местоположении этих владений, по указанию источника “на севере” от ставки хуннских шаньюев в Ордосе, судить довольно сложно. В начале I в. до н.э. хунны продолжали держать динлинов в подчинении. В это время динлин-ваном (князем динлинов) был поставлен китайский перебежчик Вэй Люй, происходивший из “хусцев, живших по реке Чаншуй”.⁵² В середине I в. до н.э. хунны ослабли. “Почему динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в их земли с востока, усуньцы с запада.”⁵³ Гяньгуни в связи с этими событиями не упоминаются. Более определенно о местах расселения гяньгуней можно судить по описанию событий середины I в. до н.э., связанных с распадом державы хуннов. В 49 г. н.э. шаньюй северных хуннов Чжичжи совершил поход на запад, в Восточный Туркестан. “Затем на севере от усуньских земель разбил (племя) уцзе, и уцзе сдались (ему). Подняв их (уцзе) войско, (Чжичжи) на западе (от уцзе) разгромил цзянькуней. К северу (от уцзе и цзянькуней) сдались динлины. Объединив (эти) три владения, (Чжичжи) неоднократно направлял свои войска против усуней и всегда побеждал их. В 7000 ли на восток от Цзяньгунь находится ставка шаньюев, в 5000 ли на юг — Чешу;

Чжичжи и обосновался (в землях цзянькуней)".⁵⁴ По мнению Л.А.Боровковой, земли всех покоренных Чжичжи-шаньюем племен, включая гяньгуней, находились к северу от восточных земель Усунь, севернее хребта Боро-Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элисун.⁵⁵ В земли цзянькуней присылал послов Чжичжи-шаньюю правитель Канцзюй, а затем орда северных хуннов ушла из Цзянькунь на запад к канцзюям.⁵⁶ Земли динлинов находились севернее земель цзянькуней. В конце I в. н.э. динлины продолжали обитать севернее земель орды северных хуннов. В период ослабления северных хуннов "динлины произвели набеги с тыла; сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края с западной стороны", а южные хунны с юга.⁵⁷ Во II в. до н.э. сяньбийский вождь Таньшихуай на юге грабил земли на границе с Китаем, "на севере отразил динлинов, на востоке заставил отступить (владение) Фуюй, на западе напал на усуней и овладел всеми бывшими сюннускими землями, которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. ли..."⁵⁸ В источниках I—II вв. н.э. гяньгуни не упоминаются. Это дало повод Л.Р.Кызласову утверждать, что гяньгуни к этому времени уже смешались с динлинами на Енисее и упоминаются в источниках под названием динлинов.⁵⁹ Он также заявил, что "имя "гяньгунь" исчезает со страниц китайских летописей и не встречается в течение первых пяти веков н.э., появляясь снова лишь в IV в..."⁶⁰ Однако гяньгуни упоминаются наряду с динлинами в источнике III в. н.э. "Владение Гяньгунь расположено северо-западнее Канцзюй. Отборного войска 30 тыс. человек. Следуют за скотом. (Там) много соболей, есть хорошие лошади.

Владение Динлин находится севернее Канцзюй. Эти вышеназванные три государства, с Гяньгунь в центре, находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньсишуй на (расстоянии) 7 тыс. ли, на юге от них 5 тыс. ли — Чеши и шесть (других) владений, на юго-запад до границ Канцзюя — 3 тыс. ли, на западе до ставки канцзюйского вана — 8 тыс. ли. Некоторые считают, что эти динлины и являются теми динлинами, что (обитают) к северу от сюнну, а северные динлины (находящиеся) западнее Усунь, по-видимому, другое поколение их. Кроме того, севернее сюнну расположены государства: Хуньюй, Цзюеше, Динлин, Гэгунь, Синьли. По-видимому, динлины, (которые живут) к югу от Бэйхай, — это не те (динлины), которые находятся западнее Усунь".⁶¹ Согласно сведениям источника, в III в. н.э. гяньгуни обитали севернее усуней и кангюев, западнее динлинов, на тех же землях, что и раньше. Динлины не только смешивались с гяньгунями, но и сами распались на два "владения". Одна группа динлинов обитала по соседству с гяньгунями в

Восточном Туркестане, другая — к югу от Байкала. Именно об этих восточных динлинах говорится, что они обитали на северо-востоке от “диких земель пустыни”, в которой “много диких змей”, на границе с землями ухуаней.⁶² Западные динлины в последующие века известны под названием гаоцзюйских динлинов и теле. Восточные динлины в середине I тыс. н.э. вошли в состав шивэй.⁶³ В это время кыргызы известны под названием хэгу или цигу. В источниках они упоминаются среди племен теле. “Предки теле — это потомки сюнну. Племен очень много. На востоке от Западного моря, по горам и долинам (живут) повсюду. Только на север от р. Ло имеются пугу, тунло, вэйхэ, баегу, фуло... На запад от Ну, на север от Яньци, по сторонам Байшаня имеются циби, боло, чжи, аде, субо, нагэ, уху, хэгу, едеу, нику и др.”⁶⁴ Расселение хэгу “к северу от Яньци (Карашара), у Белых гор...”⁶⁵ свидетельствует, что в IV—V вв. н.э. они продолжали обитать в Восточном Туркестане, севернее Тянь-Шаня. В источниках есть упоминания, что они находились в зависимости от сяньби.⁶⁶ В начале V в. жужаньский каган Хулюй “на севере” покорил племена Хэвэй и Йегу.⁶⁷ Поскольку владения жужаней простирались на западе до Яньци (Карашара),⁶⁸ можно полагать, что подчинение Йегу (кыргызов) произошло, когда те еще обитали в Восточном Туркестане.

В V — первой половине VI в. н.э. жужани часто вели войны с теле (гаоцзюйскими динлинами), стремясь подчинить последних. Вероятно, именно в период жужаньско-гаоцзюйских войн древние кыргызы вошли в состав гаоцзюйских динлинов. Войдя в состав гаоцзюйского объединения племен, кыргызы могли “перемешаться” с ними еще на территории Восточного Туркестана. Об этом свидетельствует источник. “Хагас есть древнее государство Гягунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гейгу. Жители перемешались с динлинами.”⁶⁹ Локализация района обитания гяньгуней в конце I тыс. до н.э.—первой половине I тыс. н.э. в Восточном Туркестане, севернее Тянь-Шаня дает основания для поиска памятников их культуры в материалах по археологии Синьцзяна. (Рис. I)

К сожалению, в источниках о гяньгунях нет каких-либо сведений об особенностях их культуры. При описании кыргызов в период раннего средневековья в источниках неоднократно подчеркивается сходство языка и культуры кыргызов и уйгуров.⁷⁰ Это не удивительно, если принять во внимание вхождение гяньгуней в состав гаоцзюйских динлинов и их “перемешивание”.

Описывая средневековых кыргызов, источники подчеркивают их ев-

ропеодность. “Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком...”⁷¹ “Их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливými”.⁷² Европейские черты в облике населения Минусинской котловины сохранились до монгольского времени. Однако, из-за господствовавшего у кыргызов обряда кремирования умерших, трудно сказать, являлись ли европейцами собственно кыргызы, или зависимое от них местное население Енисея. Поэтому сложно судить и об антропологическом облике гяньгуней.

Ряд обычаев, известных у кыргызов в период раннего средневековья, восходит к предшествующей эпохе. Так, у кыргызов существовал обычай татуировки или раскраски лица и тела. “Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины по выходе замуж, татуируют себе шею”.⁷³ “Храбрейшие из взрослых мужчин все чернят лицо в качестве отличия. Женщины, выйдя замуж, также чернят (лицо) от уха до шеи”.⁷⁴ У кыргызов “мужчины носили кольца в ушах”.⁷⁵ В то же время “все жители обнажают голову, заплетают волосы”.⁷⁶ Этим они отличались от гаоцзюйцев, у которых “женщины обертывают кожей кости овец, кладут их на голову и обвивают волосами, создавая прически, похожие на прически знатных лиц”.⁷⁷ У кыргызов был распространен характерный погребальный обряд трупосожжения.⁷⁸ Этот обычай был связан с верой в очистительную силу огня. Похоронный обряд гаоцзюйцев существенно отличен. “Во время похорон для умершего копают ему яму, сажают в нее труп, расправляют руки, вставляют в них растянутый лук, опоясывают умершего мечом и зажимают под мышкой копье, делая все так, словно труп живой, яму не засыпают.”⁷⁹ Судя по этим данным, этнографический облик культуры гяньгуней, несмотря на “перемешивание” с динлинами, сохранил значительные отличия.

Изучение археологических памятников Синьцзяна в настоящее время не дает оснований для отождествления каких-либо из них с культурами гяньгуней или динлинов. Среди исследованных памятников кочевников преобладают материалы, связанные с культурой саков I тыс. до н.э.⁸⁰ Китайские археологи относят к культуре усуней грунтовые могилы из долины р. Или, датирующиеся I—II вв. н.э.⁸¹ В археологических материалах Синьцзяна широко представлены находки керамической посуды, характерной для саков и усуней. Встречаются полихромные украшения, характерные для кенкольской культуры.⁸² Памятники кочевников первой половины I тыс. н.э. в Синьцзяне пока не выделяются.⁸⁴ Население оазисов было разноэтничным. В его погребальной обрядности, наряду с

отдельными кочевническими элементами, широкое распространение получили китайские традиции.⁸⁵

В VI в. н.э. кыргызы обитали уже на Енисее. Вероятно, они мигрировали сюда или были переселены во время жужаньско-телесских войн, которые велись с переменным успехом в V — первой половине VI в. н.э. В борьбе с телесцами жужани использовали тюрок, переселенных ими на Алтай в середине V в. н.э. Один из братьев легендарного тюркского предводителя Надулу-шада, Цигу, стал царствовать “между реками Афу и Гянь”⁸⁶ в Минусинской котловине. Этот факт свидетельствует не о предполагаемом родстве кыргызов и тюрок-ашина, а о воцарении у кыргызов представителя правящего тюркского рода. Это могло произойти в начале VI в., когда жужане разбили телесцев и могли поставить во главе союзных телесцам кыргызов своего вассала из рода Ашина.

С переселением на Енисей кыргызы ассимилировали и включили в свой состав часть местных племен, заимствовали ряд элементов их культуры.

Глава V. БОРЬБА ЗА САЯНО-АЛТАЙ В VI—VIII вв. КЫРГЫЗЫ, ТЮРКИ, УЙГУРЫ. КЫРГЫЗЫ И КЫШТЫМЫ

С VI в. н.э. кыргызы определенно известны на землях среднего Енисея к северу от Саянских гор. Как свидетельствуют источники, один из представителей тюркского правящего рода Ашина, брат Надулу-шада, носивший имя Цигу (Кыргыз), стал царствовать “между реками Афу и Гянь”¹ (Абаканом и Енисеем), в современной Койбальской степи. Это событие могло произойти в конце V—начале VI века, после того, как жужаньский каган переселил тюрок “на южную сторону Алтайских гор”. Тюрки, являвшиеся в тот период вассалами жужаней, участвовали в войнах против гаоцзюйских динлинов (теле) и были расселены в Монгольском и Горном Алтае в качестве военных поселенцев для поддержания власти Жужаньского каганата в Западной Монголии и Саяно-Алтае. Воцарение Цигу на Енисее означало подчинение этих земель жужаням.

В VI в.н.э. памятники кыргызской культуры распространяются по всей Минусинской котловине до истоков Чулыма. Это описанные выше могильники и курганы чаа-тас и рядовые погребения с характерным для кыргызов погребальным обрядом кремации; кенотафы; временные летние и зимние поселения; петроглифы, тамги, клады. Местное население таштыкской культуры было частично ассимилировано, что отразилось в

таштыкских элементах кыргызской культуры, частично оттеснено на периферию минусинских степей, в таежную зону и Ачинско-Мариинскую лесостепь. Таежные племена попали в вассальную зависимость от кыргызов, находясь в кыргызском государстве на положении кыштымов (рабов-иноплеменников). Кыргызские беги взимали с кыштымов дань, совершали на места их обитания грабительские набеги, захватывали пленных, которых заставляли работать в своем хозяйстве. Как сообщают танские источники, кыргызы “ловят и употребляют в работу” кыштымов из племен Дубо, Милиге, Эчжи, обитавших в таежных районах. Погребения кыштымов, находившихся в кыргызском обществе на положении патриархальных рабов, отличаются обрядом ингумации и бедностью или полным отсутствием инвентаря. Они не имели собственных кладбищ, а хоронили умерших на кыргызских могильниках. Встречаются сопроводительные захоронения кыштымов в насыпях кыргызских курганов.

В VI в. н.э. у кыргызов на Енисее образовалось государство. Во время тюркского восстания и разгрома жужаньского государства кыргызы добились независимости от центральноазиатских правителей. Поэтому в 554—555 гг. тюркскому кагану Мухану пришлось снова приводить в подчинение население Саяно-Алтая. Он на “севере покорил Цигу”, хотя тюркам и не удалось “форсировать Саяны”. По-видимому, кыргызский правитель согласился признать себя вассалом тюркского кагана ввиду неминуемой угрозы вторжения его войска. Кыргызы стали поставлять в качестве дани производимое ими “оружие крайне острое”, которое они “постоянно” вывозили тюркам. Минусинская котловина превратилась в базу железодельного и оружейного производства Тюркского каганата, подобно тому, как при господстве жужаней подобную роль играл населенный тюрками Алтай. Кыргызское население стало для тюрков источником рабов из числа военнопленных. Известно, что в 569 г. тюркский Истеми-хан подарил византийскому послу Хемарху пленницу “из народа кыргыз”. В 572 г. каган Арслан Тобо-хан выделил в удел Абохану Торэмэну “северное ханство” включавшее, вероятно, земли кыргызов.²

В результате династических распрей в тюркском государстве Первый Тюркский каганат распался в 581 году. Кыргызы освободились от вассальной зависимости. Уже 583 г. они вынашивали планы активного вмешательства в события Центральной Азии: “Цигу, которые властвуют к северу от Тюгу, со скрежетом зубным ожидают своей возможности (отомстить)”.

Независимое положение сохранялось до 629 г., когда кыргызское го-

сударство подчинилось Телесскому каганату, возглавляемому племенем Сейянтю. Сейянтосский каган имел на Енисее “своего гьелифу для верховного надзора”. В этот период закладываются основы кыргызского государства: “Хагасский владетель имел трех министров, которые были Гейси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей. Они управляли всеми государственными делами”.³ Зависимость от сейянтю была непродолжительной.

В 40-х годах VII в. н.э., обосновавшийся в горах Монгольского Алтая тюркский правитель из рода Ашина Чеби-хан “покорил на западе гэллу, на севере Гейгу”. Однако уже в 647 году Чеби-хан попал в плен в китайцам и его владение было уничтожено.

Кыргызы решили установить прямые контакты с империей Тан. Ко двору императора Тхай-цзуна прибыл государь кыргызского владения старейшина Сылифа (эльтебер. — Ю.Х.) Шибокюй Ачжань. Император устроил в честь высокого гостя пир, “пожаловал его чином генерал-губернатора (духу) области Цзянь-Кунь”.⁴ Захмелевший гость “изъявил желание” стать вассалом императора. Однако “на самом деле реальной власти в кыргызских владениях Танская империя не имела. Точно так же как и принятие титулов иностранными властителями не было связано с какими-либо обязательствами и никак не ограничивало их власть”.

Кыргызы в последующие годы неоднократно посылали посольства в Китай, пригоняли для продажи лошадей. “В 653 г. кыргызы приезжали с подарками для выкупа своих соплеменников, каким-то образом попавших в Китай. Император Гао-цзунь в ответ на это посольство направил в страну кыргызов Китайского посланника Фань Шаня в дарами”.⁵ В 675 году кыргызы пригнали в Китай лошадей. В обмен на лошадей кыргызы получали различные товары, главным образом, шелковые ткани.

С восстановлением в 692 г. Второго Восточнотюркского каганата кыргызы приняли активное участие в борьбе за гегемонию в Центральной Азии, выступая в составе антитюркской коалиции.

Против тюрков “справа (на юге) народ Табгач был врагом, слева (на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был врагом, кыргызы, курыканы, отуз-татары, китай и татабы — все были врагами”. Несмотря на разгром тюрками Баз-кагана в 688 г., кыргызы, которые в этом сражении не участвовали, укрепив свои позиции, возглавили антитюркские силы на северных границах каганата. Тюркский каган Капаган был вынужден признать за кыргызским владетелем право именовать себя титулом кагана и отдать ему в жены дочь кагана Кутлуга, своего предшественника. Вероятно, это произошло вскоре после смерти Кутлуга в 603 году, когда поход Капаган-кагана на север закончился

неудачно. Как отмечено в тексте стелы Бильге-кагана: “С моим дядею-каганом мы ходили войною... перейдя через Кегменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны кыргызов.

Был Барс-бег: мы в то время (при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру княжну”.⁶ Таким образом, кыргызское государство было уравнено с Тюркским каганатом, кыргызский каган был признан равным тюркскому, правящие роды обоих государств заключили мир посредством династического брака. Кыргызский каган Барс-бег проводил активную внешнюю политику. В 707, 709, 711 годах кыргызские посольства направлялись в империю Тан. В это время тюрки вели с империей ожесточенную войну, и кыргызы оказались в числе ее союзников, несмотря на родственные узы с правящим родом Ашина. “Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (тюргшей) был нашим врагом. Но больше всего нашим врагом был кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: “Да пойдем мы в Алтунскую чернь”. Так они рассудили и сказали: “Да отправимся мы на восток против тюркского кагана. Если не пойдем на него, как бы то ни было, он нас победит: каган—герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его.”⁷ В этой антитюркской коалиции наибольшую опасность для тюрков представляли усилившиеся кыргызы, по землям которых было решено нанести превентивный удар. В 709 г. Шад Могилян разгромил союзников кыргызского кагана — азов и чиков, обитавших в Туве, захватив плацдарм для вторжения в собственные кыргызские земли. Зимой 710—711 годов тюркское войско совершило тщательно подготовленный внезапный поход на кыргызов. Во главе тюркского войска стояли знаменитые полководцы Тоньюкук, принцы из правящего рода Ашина Кюльтегин и шад Могилян. Тоньюкуку удалось скрытно совершить важный стратегический маневр — в обход основного пути по Енисею провести войско через Саянский хребет по реке Аны. “Тогда я задумал... будем воевать (против кыргызов)... — сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кегмен (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов. “Моя родная земля — Аз, ее зна(ю)...

(Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади”, — сказал (он). Я сказал: “Если ехать той дорогой то (это) возможно”. Я задумался и моего кагана я просил. Я приказал двинуться войску, я сказал: “Садись на коней!” Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться

(тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди проптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: “Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!” Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей привязали к деревьям. И ночью и днем мы быстро скакали”.⁸ Так повествует о переходе через Саяны текст стелы Тоньюкука.

Благодаря обходному маневру, тюркское войско обрушилось на кыргызов внезапно. “На киргизов мы напали во время (их) сна... проложили путь копьями.” Уцелевшие от разгрома киргизские воины пытались оказать сопротивление.” Хан и войско их собрались.” “С их каганом мы сразились в Черни Сунга, Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколот (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли”. В сражении в Черни Сунга погиб киргизский каган Барс-бег, шурин Кюль-тегина и Могиляна. “А народ его стал рабынями и рабами. Говоря: пусть не останется без хозяина страна Кегменская, — мы завели порядок в немногочисленном (т.е. пришедшем тогда в упадок. — *С.М.*) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну в управление киргизу. — *С.М.*). (в честь моего дяди-кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) “балбалом” киргизского кагана.”⁹ Разгром в Черни Сунга и гибель Барс-бега перечеркнули надежды кыргызской знати на гегемонию в Центральной Азии. В Минусинскую котловину вошли тюркские войска. По всей территории были размещены военные отряды тюрок. Тюркские воины-ветераны в семьях были размещены во многих стратегически важных пунктах Минусинской котловины. Именно в этот период в долине Енисея, при выходе из Саянского каньона, по обоим берегам Енисея, в долинах рек Аскиз, Есь, Ниня, Черный Июс, Уйбат, Таштык, Тесь, Туба, Ут и даже в Ачинско-Мариинской лесостепи распространяются характерные памятники древнетюркской культуры: погребения с конем, поминальные оградки, изваяния, рунические надписи на камне.

Однако тюрки не уничтожили кыргызской государственности. Во главе государства остался кыргызский правитель. Он сохранил известную

самостоятельность, поддерживал дипломатические и торговые связи с другими государствами. Несколько посольств было направлено в империю Тан. В 722 г. к танскому двору “прибыл кыргызский тегин Исибо Шэючже Биши Сыгинь, в 723 г. — тегин Цзюйли Пиньхэчжун Сыгинь. Им обоим были пожалованы военные чины. В 724, 747 и 748 гг. кыргызы пригоняли в Китай для обмена лошадей”.¹⁰ В 731 г. на похороны тюркского принца Кюль-тегина “от кыргызского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу.” Однако военная мощь кыргызов была сильно подорвана. Сохранив самостоятельность, кыргызы, вплоть до падения Второго Тюркского каганата в 745 г. не участвовали в военных действиях в Центральной Азии. Даже когда в 715 г. у южных границ против тюрков выступили азы, они остались безучастны, что позволило Кюль тегину легко расправиться с восставшими. “Народ азов стал мне врагом. Мы сразился при Кара-Келе; Кюль тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня, героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватив эльтебера азов: народ азов тогда погиб.”

Вновь активно вмешаться в события в Центральной Азии кыргызы смогли лишь после падения тюркского государства, когда серьезную угрозу для них стал представлять Уйгурский каганат. В 751 г. кыргызы в союзе с чиками, огузами и карлуками выступали против экспансии уйгурского кагана Моюн-Чура. “Девять Огузов — их беги (военачальники) пришли (и рассказали, что начальник племени) стал врагом. К кыргызам он послал, мол, людей (со словами): “Вы выйдите (из союза) (т.е. поднимитесь к восстанию. — *Г.Р.*). Принудьте и чиков к восстанию! Так, мол, сказал он. “Я дескать, хочу выйти (из союза).” “Смотрите, оставайтесь самостоятельными! В лесу мы с вами соединимся, — так, мол, сказал он.” Поскольку намерения противника стали известны уйгурам, каган Моюн-Чур сумел опередить их выступления и разбил союзников поодиночке. “Девятого числа я отправился в поход с войсками. Через Тутук-Баши я послал против чиков тысячный отряд, в страну их союзников я отправил немного людей. “Смотрите, — сказал я, — Хан Киргизский проживает на краю Кегменских гор в своем доме и лагере, говорят, он послал, говорят, свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на эти летучие отряды мои люди уже напали, говорят, и его посланцев задержали; (они сообщили, что) к их хану и его союзникам пришли люди, но что карлуки не пришли к союзникам; так они сказали. Своих людей он направил против карлуков, сказали они.”¹¹ После разгрома “летучих отрядов” кыргызского хана, Моюн-Чур направил свое основное войско против карлуков, что несколько отсрочило решающее столкновение между уйгурами и кыргызами. Однако

“в 758 г. хойху (уйгуры. — *Ю.Х.*) завоевали сие государство, после чего хагасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство.”¹² После разгрома кыргызов войсками Моюн-Чура, кыргызское государство попало в зависимость от Уйгурского каганата, а кыргызский правитель утратил титул каган. “Хагасский владетель получил от хойхуского хана титул Пицьсйе Тунгйе Гинь”. Возможно, кыргызские земли временно утратили государственное единство. Зависимость кыргызов от уйгуров была более тяжелой, нежели от жужаней и тюрок. На целое столетие с момента уйгурского завоевания кыргызы оказались отрезанными от южных стран, ни одно кыргызское посольство не смогло проникнуть за это время в Китай. В 795 году, в связи со сменой власти в Уйгурском каганате, когда ввиду отсутствия прямого наследника у умершего кагана Ачжо из рода Яглакар на каганский престол был избран полководец Кутлуг из рода Гя-де (из племени эдизов), кыргызы восстали. Момент для восстания был выбран очень удачно. Уйгуры в это время вели войну с карлуками и тибетцами в Восточном Туркестане. Каганская власть ослабла. Несовершеннолетний каган Ачжо, дабы сохранить себе жизнь даже падал ниц перед всеильным временщиком, министром Гьегяньгясом. Со смертью Ачжо пресеклась линия прямых потомков кагана Пэйло. А избрание Кутлуга, не являвшегося родственником Ачжо, с точки зрения легитимизма было незаконным. Возможно, кыргызы рассчитывали лозунгами легитимизма привлечь на свою сторону часть уйгурской знати и тем самым ослабить сопротивление уйгуров. Новый каган Кутлуг должен был обладать недюжинной волей и выдающимся военным талантом, чтобы в столь сложных условиях сохранить ведущее положение в Центральной Азии. Недаром китайский текст Карабалгасунской надписи наделяет Кутлуга многими превосходными эпитетами, а описанию войны придает гиперболически легендарные черты. “Вначале (было) Гяньгуньское государство, (считавшее) 400 с лишком тысяч натягивающих луки (т.е. носящих оружие). Оно (восстало и проч.) (но Кэ-хань был) умный, мужественный, чудесно-воинственный; (ему стоило только) раз выстрелить, как и попало. Гяньгуньский Кэ-хань пал, в соответствии тетивы (под ударом его стрелы); коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей.”¹³ Разумеется, эти подробности нельзя воспринимать буквально. Тем более, что в согдийском тексте той же надписи говорится, что “стрелков кыргыз-кагана числом в 200 тысяч он собственной рукой разогнал в разных направлениях и взял его царство”. Однако несомненно, что Кутлугу удалось нанести поражение в решающем сражении

кыргызскому войску, в котором погиб кыргызский каган, захватит большую добычу и на время обезопасит границы Уйгурского каганата. Вероятно, опасность была столь велика, что избавление от нее воспринималось уйгурами как чудо и было расцвечено фантастическими подробностями. По-видимому, в результате похода Кутлуга в Минусинской котловине появляются уйгурские памятники-погребения со шкурой коня, на левом берегу Енисея, в составе родового кладбища кыргызских каганов и неподалеку от него.

Кыргызский правитель вновь лишился титула “хан” и стал именоваться “ажо”.

В войнах с центральноазиатскими кочевниками в VI—VIII вв. н.э. кыргызы нередко терпели поражения, не раз теряли самостоятельность. Причиной тому было как неблагоприятное соотношение сил не в их пользу, так и слабость военной организации, недостаточная оснащённость тяжелым защитным вооружением и выучка войска. Сказалось вероятно, и то, что в течение этих столетий кыргызы фактически постоянно воевали на два фронта. На юге с жужанями, тюрками, уйгурами, а “на севере постоянно дрались с бома”, конфедерацией кетских и самодийских племен, возглавляемых угорской военной верхушкой. Хотя объединение бома и не достигло уровня государственности, в военном отношении это была серьезная сила, о чем свидетельствуют памятники релкинской культуры, в особенности оружейные клады—объекты военнo-дружинного культа.

Однако, несмотря на все перипетии их исторической судьбы, кыргызы смогли сохранить на протяжении этих бурных столетий свой этнос культуру, государственность, ведущее положение среди ближайшего этнического окружения, смогли закрепиться на землях среднего Енисея. Постоянные войны приносили не только опустошение и людские потери, но и способствовали этнической консолидации. После разгрома Тюркского каганата в Минусе осталась часть тюрков, которые постепенно интегрировались с кыргызами к концу I тыс. н.э. Установилась система власти над кыштымами, которые частично проникали в кыргызскую среду. Складывается система крепостей-убежищ и укрытий, куда скрывалось кочевое население со своими стадами в моменты военной опасности. (Рис. II)

Опыт борьбы за Саяно-Алтай дал возможность кыргызам выжить как этнической целостности и сохранить силы для участия в событиях последующего времени.

Глава VI. ЭПОХА "КЫРГЫЗСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ". КЫРГЫЗЫ НА ПРОСТОРАХ АЗИИ

Период IX—X вв. н.э., справедливо назван В.В.Бартольдом “кыргызским великодержавием” и занимает особое место в истории кыргызов. Это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли покорить обширные просторы степной Азии. Благодаря этому периоду своей истории кыргызы оставили о себе память у современников, представителей различных народов средневековья, а их исторические деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков.

Интерес к истории кыргызов, благодаря их пребыванию в Центральной Азии, выходит далеко за пределы изучения этнокультурного развития какого-либо народа. События IX—X веков, активными участниками которых были кыргызы, изменили саму направленность этнокультурного развития в Центральноазиатском регионе. Впервые главенствующее положение в степях Азии занял немногочисленный кочевой народ из далекой северной периферии — Минусинской котловины. События этого времени рассеяли уйгуров по азиатским степным просторам от Восточного Туркестана до Забайкалья, способствовали консолидации кимакского объединения, открыли путь кыргызам на Тянь-Шань, стали прелюдией для выхода на широкую арену мировой истории монголоязычных кочевников.

Началом возвышения кыргызов стало их восстание против уйгурского господства в 20-е годы IX века, в результате ослабления последних. “Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши, — вдовствующей ханшею, жену, дочь Гэлушеху, — ханшею.”¹ Началась война, длившаяся около 20 лет. Поскольку инициатива в объявлении войны принадлежала кыргызам, можно предположить, что ей предшествовала централизация власти внутри кыргызского государства, длительная и тщательная подготовка к войне, позволившие мобилизовать все силы для борьбы за господство над Центральной Азией. Важным фактором в этой борьбе явилось сложение в кыргызском государстве централизованной военно-административной системы, когда войско и народ были подразделены на боевые единицы по десятичному принципу. Создание этой системы сопровождалось применением военной силы. В ходе войны были подчинены кыргызские беги, правители родов и племен кыштымов, укреплены тылы государства путем расширения восточных, северных и западных границ. На востоке

в пределы кыргызских владений вошла долина р.Кан, на севере Ачинско-Мариинская лесостепь и долина Енисея, вплоть до устья Ангары, в этих районах обнаружены кыргызские памятники IX—X вв. н.э. На западе и северо-западе в орбиту кыргызского влияния вошло Притомье и лесостепное Приобье, где были подчинены бома. В этих районах распространяются памятники с элементами кыргызской культуры.

Для объявления войны кыргызы выбрали момент, когда “Хойху начали упадать”. В уйгурском каганате обострились внутренние распри. государство было ослаблено неудачными войнами с тибетцами.

Одним из проявлений упадка Уйгурского каганата было ослабление центральной власти вследствие борьбы придворных группировок, дворцовых переворотов и заговоров. С конца VIII века борьбу за престол вели род Яглакар и племя эдизов. За 30 лет, предшествовавших войне с кыргызами, на престоле сменилось шесть каганов, а в годы войны еще шесть. Когда кыргызы вступили в войну, усилили свой натиск на уйгуров и тибетцы. Возможно, их действия были согласованными, поскольку тибетцы поддерживали связь с кыргызами. “Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфань и Гэлолу; но туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу.”²

В 821 году в долину р.Орхон вторглось тибетское войско, что едва не привело к гибели уйгурское государство. Командовавший тибетскими войсками полководец Шан-шацзан очень не высоко оценил военные силы уйгуров: “Уйгурия в сущности небольшое владение. Некогда я вел с нею войну и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться даже нашим соперником.”³

Несмотря на ослабление военной мощи уйгуров, военные действия с кыргызами, развернувшиеся на территории Тувы, приняли затяжной характер: “Хойхуский хан послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну.”⁴

Постепенно перевес в войне стал склоняться на сторону кыргызов “Ажо, надмеваясь победами, говорил: “...твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю пред нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи.” Военные неудачи усилили нестабильность власти в Уйгурском каганате.” По кончине Бао-И на престол вступил Чун-дэ хан, который процарствовал четыре года, умер в начале 825 г. В преемники ему был избран его брат Гэ-са Торэ, на престоле — Чжао-ли хан, который пал жертвой заговора царедворцев в 832 г. Сме

нивший его Ху-торе, приходившийся ему племянником, покончил в 839 г. жизнь самоубийством после того, как восставший против него первый министр Гюй-ло-фу, призвав на помощь шато, с сильной армией двинулся на Карабалгасун. Гюй-ло-фу возвел на престол несовершеннолетнего Кэ-си-торэ, именем которого и стал управлять государством.”⁵

Война обострила и экономическое положение в уйгурском государстве. “В тот год был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей.”⁶ Против власти временщика Гюй-ло-фу восстал полководец Гюй-лу Мохэ, командовавший уйгурскими войсками в войне с кыргызами. Он перешел на сторону кыргызов. Измена Гюй-лу Мохэ открыла кыргызам дорогу на уйгурскую столицу Орду-Балык. “Хойхуский хан не мог продолжать войну. Наконец его же полководец Гюй-лу Мохэ привел Ажо в хойхускую орду.”⁷ Он, “соединившись с хагасами, со 100 000 конницей напал на хойхуский город, убил хана, казнил Гюй-ло-фу и сжег его стойбища”.⁸ В решающем сражении под Орду-Балыком кыргызская армия разгромила уйгуров. “Хан был убит в сражении и его Дэлэ рассеялись.”⁹ Кыргызы, взяв Орду-Балык, разрушили и сожгли его. Был разгромлен и окружавший уйгурскую столицу земледельческий район. “Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны.”¹⁰ В результате победы кыргызам досталась богатая добыча. “Хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тай-хо царевну; после всего он перенес свое пребывание на южную сторону гор Лао-шань”,¹¹ Уйгуры в панике бежали. “Хойху поколения рассеялись.” Бегство уйгуров и других телесских племен с территории каганата проходило стихийно в разных направлениях. Вероятно, каганат распался на отдельные племена. Небольшая группа уйгуров во главе с тегином Кэчжили проникла в Забайкалье, другая группа тегина Хучо — в южную Маньчжурию, в земли киданей. Две группы уйгуров перекочевали на юго-восток, к границам империи Тан.

Тринадцать родов уйгуров, из состава бывшего каганского аймака, включая род Яглакар, “поставили каганом тегина У-цзе и укрепились на юге у гор Цоцзытань.”¹² Другая группа племен во главе с вождями Ормуздом, Наир Чуром, Чисинем и Буку кочевала отдельно. Группа уйгурских родов, во главе с князьями из рода Яглакар, переселилась в Приалашанье, где в начале X в. н.э. возникло уйгурское ганьчжоуское княжество. Еще одна группа уйгуров, возглавляемая князьями из рода Яглакар обосновалась в долине р. Эдзингол. Пятнадцать племен, включая уйгуров, эдизов, буку, тонгра, во главе которых были “уйгурский

министр Сачжи совместно с Пантегином, племянником (танского императора) с пятью его братьями Наньлу, Эфэном и другими” переселилась в Восточный Туркестан, где возникло уйгурское турфанское княжество. Часть уйгуров и других телесских племен ушла на запад, в Прииртышье, земли кимаков. Какая-то часть уйгуров и телесцев, перешедшая на сторону кыргызов, осталась в Монголии. Небольшая группа уйгуров была переселена кыргызами в Минусинскую котловину, где в этот период появляются уйгурские погребения со шкурой коня.

Кыргызский каган, сочтя, что с разрушением уйгурской столицы, Орду-Балыка, разгром уйгуров закончен, перенес свою ставку в Монголию и попытался завязать дипломатические отношения с империей Тан. Захваченную в плен жену уйгурского кагана, китайскую принцессу Тайхэгунчжу, дочь императора Сянь-Цзуна из династии Тан, он отправил на родину в 841 году в сопровождении военного эскорта во главе с Дулюй Шихэ. Очевидно, кыргызы пытались тем самым уведомить танского императора, что власть в степи теперь принадлежит им. Принцесса Тайхэ стала в этот момент важным объектом дипломатической и военной борьбы.

Наибольшую активность в борьбе с кыргызами в это время проявляла группа уйгуров кагана У-цзе, которому удалось перехватить и перебить кыргызское посольство и захватить принцессу Тайхэ. Объявив ее своей женой, У-цзе попытался добиться поддержки и признания у танского императорского двора. Танское правительство, зная о бедственном положении уйгуров, попыталось подчинить их своей власти. В ноябре 842 г. в пограничную крепость воеводства Тяньдэцзюнь прибыл от кыргызского кагана посланник Табу-Хацзу (Тапу Алп Сол) с письмом, в котором сообщалось, что, не имея сведений о судьбе принцессы Тайхэ, каган выслала на ее поиски военный отряд. “Кыргызы отправили генерала Табу-хэцзу и других в крепость воеводства Тяньдэ... кроме того сообщили, что будут переселяться на реку Хэло, чтобы жить на старой территории Уйгурского государства; к тому же им подчинились пять племен—Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дада (татары) и другие.”¹³ Судя по этим сообщениям, кыргызам уже в 842 году подчинялась часть районов Восточного Туркестана, а также татары, обитавшие в Восточной Монголии и к югу от пустыни Гоби, в Приалашанье, и они имели намерение переселиться в долину р.Эдзин-гол, где обитали хэлочуаньские уйгуры и находилась их крепость Хэдун. В другом источнике сказано, что ко времени прибытия посольства кыргызы уже заняли долину р.Эдзин-гол. “Еще Табу-хэцзу говорил, что кыргызы переселились на реку Хэло, живут на старой территории уйгурского государства, к тому

же заполучили пять племен—Аньси (Куча). Бэйтин (Бешбалык), татар и других.”¹⁴ По-видимому, кыргызские войска, преследуя уйгуров, проникли не только в Монголию, где появляются кыргызские памятники, но и в Приалашанье и Восточный Туркестан.

Танский двор пытался шантажировать этим фактом уйгурского кагана У-цзе. В послании говорится: “Сейчас кыргызы ненавидят уйгурского кагана. Одновременно с поисками принцессы немедленно планируют начать большую военную кампанию. Объединив различных варваров, предпримут глубокий рейд на юг, вплоть до пограничных укреплений. Сейчас народ кагана голодает, количество войск не велико. Если неожиданно нагрянет сильный враг, то как отразить удар? Только мощь Великой Тан сможет помочь в трудном положении”.¹⁵ Уйгурскому кагану прямо советовали: “Не лучше ли, пока не поздно, подчиниться нашему Великому государству, тогда обеспечите себе безопасность... Если хотите видеть послание кыргызов, то ныне перепишем и отправим вам”.¹⁶

Однако у кагана У-цзе были совсем другие намерения. Он попытался объединить разрозненные силы уйгуров и опереться на помощь империи Тан в войне с кыргызами. Он просил императора о помощи продовольствием и о передаче ему и принцессе Тайхэ крепости Тяньдэ под временную резиденцию. Вожди других групп уйгуров не хотели признавать власть У-цзе. “Уйгурский министр Чисинь, а также... Буку и тегин Чир побуждали народ не признавать У-цзе. Чисинь хотел напасть на китайские пограничные укрепления”.¹⁷ Чисинь и Буку были казнены по приказу У-цзе. Однако подчинить всех уйгуров ему не удалось, поскольку вождь одной из групп Ормузд выразил желание подчиниться танскому императору. Китайцы не хотели иметь у своих границ сильную военную группировку уйгуров, поэтому поощряли раскол среди них, чтобы подчинить небольшими группами. Поскольку У-цзе не изъявил желания подчиниться “Ему (У-цзе) не дали зерна, его народ голодал”.¹⁸

Осенью 842 года уйгуры нарушили границы империи Тан. Причиной военных действий явилось бедственное положение уйгуров и также прием в китайское подданство Ормузда, которого У-цзе рассматривал как своего подчиненного. Тактика танского государства провоцировала уйгурских вождей на сепаратное подчинение, У-цзе легко мог лишиться всех своих подданных. “В восьмом месяце, каган во главе своего народа прошел к югу Батоуфэн и вторгся в район Дату-нчуань, где у различных рабов угнал несколько десятков тысяч голов рогатого скота и лошадей. Затем изменил направление и с боем появился у ворот Юньчжоу. Комендант города Чжань Сянь-цзе закрыл ворота и организовал

оборону. Тугухуни и дансяны со своими семьями укрылись в горах”.¹⁹ Нападению уйгуров подверглись кочевые племена—вассалы империи Тан.

Императорский двор организовал сопротивление, привлекая войска федератов, в том числе подчинившихся уйгуров. Командующий китайскими войсками в районе Юньчжоу, полководец Чжан Чжун-у “привлек к капитуляции остатки народа Чисиня, а также племена, подчиненные кагану У-цзе, всего более 30 тыс. человек. Они были распределены по различным провинциям”. Активно помогал китайцам Ормузд, принявший китайские имя и фамилию Ли Сы-чжун, “неоднократно проникал далеко на территорию уйгурских кочевий, чтобы склонить к сдаче поданных кагана”. Он командовал и военными операциями против У-цзе. “Лю Мянъ выделил часть шатоских войск для усиления Ли Сы-чжуна (Ормузда)”.²⁰ Активно сражался на стороне китайцев и одерживал победы другой уйгурский вождь Аявир (Ли Хунь-Шунь). В войне с У-цзе участвовали и другие вассальные племена: шато, тугухуни, циби, тоба.

Объединенные силы имперских войск под командованием Ши Сюна преследовали их и нанесли решающее поражение у гор Шах-ушань. Было уничтожено 10 тысяч человек, 5 тысяч попало в плен. Было захвачено все имущество и скот.

После поражения у гор Шах-ушань каган У-цзе бежал с остатками войска к народу Хэйчэцзы, одному из шивэйских племен, в район юго-западных отрогов Большого Хингана.

После разгрома У-цзе император награждал полководцев, в том числе Ли Сы-чжуна (Ормузда). Однако “его войска были разделены и переданы в различные пограничные генерал-губернаторства (цзэду). Рабы боялись быть зависимыми в получении пропитания от различных губернаторов, (поэтому) восстали, захватили долину реки Хутохэ. Лю Мянъ казнил три тыс. человек, закопав их живьем”.²¹ Были расселены по разным провинциям племена уйгурских вождей Панцзюйчжэ, Алтун Нин, Мицзэ, Кэдунь, Цао Мони и других. Такова оказалась цена предательства.

Уйгуры, поселенные в разных провинциях, подвергались насильственной ассимиляции. “Когда они (уйгуры) проживали в районе Циньчуань (Шэньси), то незамужние женщины предварительно должны были состоять в связи с ханьцами. Только родив нескольких сыновей и в возрасте 30 лет могли выходить замуж за представителей своего племени. Когда приходили сваты, чтобы договориться о свадьбе, то родители невесты говорили: “Наша дочь уже состояла в связи с таким-то и таким-то”. И чем больше таких связей, тем достойнее. Таков обычай”.²²

Хотя уйгурская опасность была, казалось бы, для империи Тан устранена, там, видимо, продолжали опасаться уйгуров и заинтересовались возможностью союза с кыргызами. В марте 843 г. в Китай прибыл кыргызский посланник Чжуу Хэсу (Чугу Алп Сол) с письмом от кыргызского кагана. Император “Вуцзун, вступивший на престол в 841 году, крайне обрадовался, и посланника, приехавшего с данью из столь далекой страны поставил выше посланника королевства Бо-хай”.²³

В ответном письме кагану император Вуцзун выразил удовлетворение по поводу разгрома уйгуров кыргызами. “(Вы) накопили силы за многие годы, воспользовались (неблагоприятным для уйгуров) случаем и поднялись, быстро получили удовлетворение за обиду и раскрыли (нам) сокровенные мысли. Поскольку (теперь) лагерь уйгуров покорен, горы и реки между нашими государствами больше не разделяют (нас). Коль скоро (мы) являемся соседями, то будем (надеяться) на получение дани и посланий”. В том же письме император провоцирует кыргызского кагана на полное истребление уйгуров: “Но (мы) все же боимся, что бежавшие снова принесут зло, захотят напасть на вашу границу и снова отомстить. Вы тоже должны серьезно подготовиться, искусно составить хитроумный план и совместными усилиями напасть (на уйгуров) и уничтожить, вырвать их с корнем, чтобы не вызывать последующих бедствий”.²⁴ В апреле 843 г. к кыргызскому кагану был направлен китайский посланник Чжао Фань с письмом к хэхэскому (кыргызскому) хану. В нем говорилось: “(Я) прочитал грамоту и узнал, что хан родился в селении под созвездием Большой Медведицы (т.е. на севере) жил в холодных степях. (Ваша) мудрость и планы выдающиеся, таланты и стремления полны блеска. (Ваша) мощь сотрясает северные страны, слава достигла Северных ворот (китайской столицы)”. После этих льстивых слов шли жалобы на уйгуров и призывы их уничтожить. “Уйгуры ... бесчинствуют, жестоко, зверски обращаются со всеми (нашими) вассальными племенами. (Я) узнал, что Вы из поколения в поколение (с ними) враждуете. Если можно отомстить, уничтожьте их государство и города и станьте государем, прогоните их старейшин в самую далекую пустыню.

У уйгуров осталось войска не полная тысяча человек. (Они) разбежались по горам и долинам. Коль скоро Вы, хан, питаете (к ним) ненависть, необходимо полностью уничтожить варваров. Если оставить пепел, то непременно возникнут последующие бедствия”.²⁵ По приезде в июне 843 г. кыргызского посланника Вань Ухэ (Ургу Алп) кагану было отправлено новое письмо, в котором указывалось на местопребывание уйгуров. Начиналось оно, как обычно, восхвалением: “Хан обладает

блестящими способностями, от рождения знает героические планы. Когда вырос, прославился силой, и наконец, установил мир в северных странах, смел с лица земли уйгурские жилища”. Далее шли призывы к окончательному уничтожению уйгуров во всех районах их обитания. “Сейчас уйгурские племена еще не полностью истреблены, живут между турфанами и китайцами. Даже хэйчезы издавна боятся их силы”. Речь идет об уйгурах Турфана, Ганьчжоу, Хэлочуани и юго-западного Хингана. “Ныне уйгуры изменили нашему государству и являются вашими врагами. Необходимо вырвать (их) с корнем, только тогда установится мир. К тому же небо (послало им) гибель, легко на них напасть и захватить.

Вы, хан, должны воспользоваться удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор, пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан, не можете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получать удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить.

Опасаясь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан, не сможете полностью истребить, примите преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому порождать зло.

В прошлом году уйгурский министр и другие говорили китайскому посланнику, что после того, как Ли цзин взял в плен Сели-(хана), в стране имелось только лишь 20—30 человек и (они) все же возродились.

Еще слышно, что у хэлочуаньских уйгуров ставка не разбита окончательно. (Они) думают о своей родной земле и, конечно, питают мысль о возвращении. Нужно скорее усмирить (племена) этого района, уничтожить (их) без остатка, тогда добьемся успеха и лишим их надежды. Вы, хан, проявляете к ним многолетнюю ненависть, сами являетесь героем эпохи”.²⁶

Эти настойчивые призывы возымели действие, и кыргызский каган выразил согласие выступить против уйгуров, о чем свидетельствует “письмо к сяцзасам”, отправленное в августе 843 г. “Кроме того (в вашем письме), Вы говорите: “(мы) хотим устранить опасность (дословно: зло меж двух колонн)”. Это действительно прекрасные слова. Известно, что уйгуры геройствовали на севере и стали властелинами.

Ныне, Вы, хан, уничтожили их жилища, отомстили за обиду и позор. (Ваши) заслуги превышают прежние, геройская слава потрясла северные страны. Конечно, следует глубоко заняться дальнейшими планами. Разве можно оставлять тлеющий пепел? Хэйчезы, не рассчитывая на добродетель и силу, осмеливаются сохранять враждебные отношения.

Это пренебрежение к Вам, коль скоро они не подчинились. Если это можно терпеть, то где же тогда нельзя терпеть?

Я полагаю, что Вы, хан, (заранее) воспользуетесь их трудными обстоятельствами, пришлете отборную конницу и накажете уйгуров за бегство, накажете хэйчецзы за то, что (они) не сразу подчинились. Добиться (этого также легко), как подобрать утерянное. (Тогда) военные действия больше не возникнут. С этого момента все успокоится.

Еще мы узнали, что нынешней осенью (Вы) хотите переселиться в ставку уйгуров и уничтожить их великое государство. Даже если (Вы) сохраните (свое) старое местожительства, этого будет достаточно, чтобы все иноземцы боялись (Вашего) могущества.

Слышно также, что уйгуры глубоко затаили мысль и все время хотят бежать в Аньси. (Я) полагаю, что когда Вы нападете, уйгуры непременно разбегутся. Всех нужно перехватить в пути и истребить”.²⁷

Как видно из письма, танский двор стремился использовать военную мощь кыргызов против не только уйгуров, но и против племени хэйчецзы. В то же время китайцы опасались близкого соседства кыргызов, надеясь на то, что они останутся на местах “прежнего местожительства”.

В том же, 843 году, кыргызы возобновили военные действия и вторглись в Восточный Туркестан, вновь захватив города Куча и Бешбалык. Однако это осложнило отношения и едва не привело к военному столкновению с империей Тан. Новое кыргызское посольство во главе с Дидэ Исынаньжу (Туту Иынанчи), прибывшее в апреле 844 г., получило предложение о совместных действиях против уйгуров в Маньчжурии. Однако кыргызы из ряда заманчивых предложений выбрали наиболее подходящее и нанесли повторный удар по хэлочуаньским уйгурам, вынудив их временно покинуть район реки Эдзин-гол. В 846 (847) году погиб каган У-цзе. По одной версии его убили люди племени хэйчецзы, подкупленные уйгурским вождем-изменником Ли-Хун-шунем (Аявиром), по другой — У-цзе “по-корился в округе Ючжоу. Оставшиеся бродили в степи, голодали и замерзали. По принуждению уйгурского министра Мэйцюаньчжэ Инанч уйгуры убили У-цзе в горах Цзиньшань”²⁸

В 847 году умер кыргызский каган, получивший от танского императора титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен-мин-хан. Новый каган был удостоен титула Ин-ву Чен-мин-хан.

После гибели У-цзе оставшиеся уйгуры, численностью около 3 тысяч человек, избрали каганом его младшего брата тегина Эняня и переселились на земли племени си. В 847 году на племя си совершил поход и нанес ему поражение танский полководец Чжан Чжун-у.

Уйгуры были вынуждены бежать в земли шивэй. Чжан Чжун-у потребовал в 849 году от шивэй выдачи уйгуров, но каган Энянь “с женой Гэ-лу, сыном Ду-сы и другими лицами, всего девять всадников, бежали на запад”, а остальные уйгуры были распределены между семью племенами шивэй.

“Через три дня министр кыргызов А-бо во главе 70 000 войска, состоявшего из различных племен, пришел со стороны юго-запада от северных границ воеводства Тяньдэ, чтобы взять Эняня и уйгуров. Он нанес сильное поражение народу шивэй, затем собрал всех уйгуров, находившихся у шивэй, и вернул их на север от Гоби”.²⁹ Очевидно, А-бо с войском был послан кыргызским каганом в помощь Танскому правительству для совместных действий против уйгуров. Возможно, это было то же войско, что совершило до этого поход на реку Эдзин-гол. Кыргызы, совершая далекие походы, надеялись подчинить уйгуров и установить отношения “мира и родства” с империей Тан. Однако китайцы, поощряя вражду кыргызов к уйгурам, опасались их действительного усиления...” Хойху давались грамоты во время их могущества, к счастью, они теперь упали, для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать Хягасов”.³⁰ Императорский двор, выдавая “почетные титулы”, надеялся заставить кыргызов признать себя вассалами, а когда это не удалось, стал свертывать отношения, беспокоясь, что они станут “требовать подарков”, вроде 20 тысяч кусков шелка, которые ежегодно выдавались уйгурам.

Танские власти, видя усиление кыргызов, пытались вести двойную игру. Еще в ходе борьбы с У-цзе при дворе высказывались соображения, что “нам нужно теперь иметь дружеские связи с У-цзе ханом”. В 856 и 857 годах танский двор издал два указа “Мнение относительно занятия поста кагана” и “Диплом на занятие поста кагана”, в которых признавал права уйгурского кагана на управление Центральной Азией, игнорируя реальное положение дел. Однако посол, направленный к уйгурам в долину р.Эдзин-гол, не нашел их, так как они откочевали неизвестно куда.

Что касается кыргызских каганов, то по-видимому, они не пытались удержать под своей властью все земли, куда совершали походы. Уже в 848 г. “вождь одной из групп уйгуров, Пан-лэ, владел Аньси и объявил себя каганом”. В 859—877 годах уйгуры овладели и Бэйтином, откуда их вождь Пу Гу совершил поход на тибетцев. В 875 г. хэлочуаньские уйгуры заняли Приалашанье. Кыргызы продолжали поддерживать отношения с империей Тан, в 860—873 годах кыргызские посольства трижды приезжали к императорскому двору. (Рис. III)

В конце IX века вновь кыргызы усиливают натиск на Восточный Туркестан. Они захватывают города Пенчул и Аксу и доходят до Кашгара. По-видимому, вторжение кыргызов изображено на фреске из Кум-Тура. В этой войне потенциальными союзниками кыргызов были тибетцы, также воевавшие с уйгурами. В 904 г. тибетцы и кыргызы совместно с тюрками Ли Кэ-юна вмешались в междоусобицу в самой империи Тан. Однако “Хягас не смог совершенно покорить хойху”.³¹ Уйгурское турфанское княжество выстояло в этой борьбе.

В начале X века возникло уйгурское ганьчжоуское княжество. В этот период проявили самостоятельность уйгуры, оставшиеся на территории Монголии. В 908 и 918 годах они присылали послов ко двору киданьского императора. В 916 и 924 годах киданьский император Елюй Амбагянь совершил два похода в Монголию, где уже не встретил кыргызов, а “вступил в область уйгуров”. По-видимому, истощенные многолетней войной кыргызы не смогли оказать активного сопротивления киданям. “Кыргызское великодержавие” кончилось.

Кидани разделили единый кыргызский этнический массив надвое. Часть кыргызов сохранила за собой Саяно-Алтай и северо-западную Монголию. Возможно, что кыргызы попали в зависимость от киданей. Ко двору императора Ляо “хягасы постоянно присылали посланников и дань”. При “ляоском Тайцзуне западная граница руководила приходом к просвещению людей государства Хягасы”.³² Ряд ученых усматривают следы киданьского влияния в материальной и духовной культуре енисейских кыргызов.

Другая часть кыргызов осталась в Восточном Туркестане. В мусульманских источниках земли кыргызов помещаются в соседстве с токузгузами (уйгурами), карлуками, чигилями.

В конце X века эти кыргызы попали в зависимость от турфанских уйгуров. “Под управлением государства Гочан находились многочисленные племена: южные и северные туюцзюэ, большие и малые чигилы, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунг”.³³ В дальнейшем обе группы кыргызов существовали обособленно друг от друга.

Глава VII. САЯНО-АЛТАЙ В НАЧАЛЕ II ТЫС. Н.Э. КЫРГЫЗЫ, КЫШТЫМЫ, УЙГУРЫ

События начала II тыс. н.э. на землях, населенных енисейскими кыргызами, очень фрагментарно отражены в источниках. В этот период кыргызы были отрезаны от культурных центров, имевших развитую письменную историческую традицию. Их контакты с киданями носили

нерегулярный характер. Утратили кыргызы и руническую письменность.

Влияние киданей в кыргызских землях, по-видимому, было ощутимым в X в. В 30-е годы X в. “западная граница” государства Ляо принимала кыргызов, “стремившихся к просвещению”.

Однако уже в середине X в. между кыргызами и киданями не было общей границы. “На западе живут туцзюэ и хуэйхэ, а на северо-западе граница доходит до (земель племени) оуцзюэлюй.

К западу от оуцзюэлюйцев живут сяцзя, а к северу от последних — шаньюй туцзюэ...”¹ Несмотря на это, кыргызы иногда присылали посольства ко двору киданьского императора. В 952 году “уйгуры и кыргызы прислали послов с данью”.² Впрочем, в данном случае, это могли быть восточнотуркестанские кыргызы, поскольку они прибыли ко двору Ляо в один день с уйгурами.

В X в. ставка кыргызского правителя была перенесена из Монголии: Туву, вероятно, в одну из крепостей на реке Хемчик. Она была расположена неподалеку от места расселения племени фури, обитавшего: востоку от кыргызов...” и недалеко от них находится город, который называют Кемджикет, там живет хырхыз-хакан”.³

В конце X века ставка была перенесена на земли к северу от Саяна “От Кегмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране; туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собою деревьями. Из трех дорог одна ведет к торгузгузам, на юг; другая — к кимакам и халлухам, на запад; третья —: степь, надо идти три месяца, пока не придешь к большому племени Фури”.⁴

Вместе с переносом политического центра государства изменилось расселение кыргызских кочевников. Если в IX—X вв. н.э. основная масса кыргызских памятников сосредоточена в Туве, относительно немного их известно в Минусе, единичные памятники — в Забайкалье Монголии, на Алтае, в Западной Сибири, в таежной зоне средней Сибири, то в XI—XII веках большинство памятников кыргызской культуры — курганов типа “хыргыстар сууктэр” находится в Минусинской котловине, немного в Туве и Притомье, единичные — в Монголии и на Алтае.

Политические отношения с империей Ляо затухают. В 976 г. к императорскому двору прибыло кыргызское посольство с подарками.⁵ Импе

рия Ляо в этот период все более втягивалась в войны в северном Китае. Внимание к центральноазиатским степям значительно ослабло. Здесь широко расселяются монголоязычные племена.

В IX—X веках переселяются из Восточной Монголии в Прииртышье племена кумоси (кимаки), создавшие здесь Кимакский кагант, распавшийся в начале XI в. н.э. Под давлением монголоязычных племен откочевали на запад тюркоязычные кочевники из центрально-азиатских степей. Одна из таких миграций произошла в первой половине XI века. “Среди них есть группа (людей), которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они были христианами несторианского толка. Своего округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их числа был Икинджи ибн Кочкар Хрезмшах. Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех (новых) пастбищ.

Тогдакуны переселились на земли шары, а шары ушли в земли туркмен. Туркмены переместились на восточные земли гузов, а гузы ушли в земли печенегов поблизости от берегов Армянского моря”.⁶ Куны, одно из телесских племен Кунь (Хунь), ушли из земель киданей в Джунгарию, а оттуда, под давлением каи, далее на запад. Это движение способствовало расселению монголоязычных племен в западные районы Центральной Азии. По данным Махмуда Кашгари в XI веке в степях Джунгарии и Восточного Казахстана обитали “Каи, ябагу, татары... У каждого из этих племен свой язык. Вместе с тем, хорошо знают тюркский”.⁷ Между кыргызскими землями в Саяно-Алтае и кыргызами в Восточном Туркестане расположились кочевья каи. “Среди них имеется племя, называющееся хирхиз, которое весьма многочисленно. Их обитающаища находятся на Летнем Востоке. К северу от них расположены степи каи и кимаков, а к западу — (земли) ягма и карлуков”.⁸ Непосредственными соседями “государства кергисов”⁹ в XI веке становятся монголоязычные кочевники.

Соседство с монголоязычными кочевниками способствовало инфильтрации многих новаций в кыргызскую культуру. В XI—XII веках в комплексе оружия дальнего боя у кыргызов широко распространяются плоские железные наконечники стрел. В это же время появляются пластинчатые панцири из широких пластин, крепившихся изнутри к матерчатой основе с помощью заклепок. Произошел переход к новой технологии в изготовлении поясной и сбруйной фурнитуры. Предметы сбруи и пояса стали изготавливаться из железа и украшаться серебряной аппликацией.

Централизованная военно-административная система в кыргызском государстве постепенно деградирует. Власть кагана сакрализуется. “У

них есть царь, которому они подчиняются, и он осведомлен об их нуждах. Никто не может подойти к нему, пока ему не минет сорок лет”.¹⁰ Децентрализация власти способствует возвышению наместников отдельных областей — иналов. Кыргызские феодалы — беги, лишённые возможности обогащаться в завоевательных войнах, организуют грабительские набеги, часто воюют друг с другом.

Судя по кыргызским кладбищам этого времени, у каждого бега имелась небольшая дружина из профессиональных воинов, соответствующая низовой воинской единице, пополнявшаяся в случае войны или набега ополчением из числа кыргызов и кыштымов. В составе кыргызского государства проживали на правах кыштымов различные племена: тюркоязычные уйгуры, азы и другие телесские этнические группы, обитавшие в Туве, на Алтае, в Минусе, кетоязычные и самодийские группы, проживавшие в таежной зоне в Саянах, Кузнецком Алатау и северной периферии Минусинской котловины.

Другая часть кыргызов в начале II тыс. н.э. обитала в Восточном Туркестане. В ходе военных действий с уйгурами в эпоху великодержавия кыргызы неоднократно захватывали города Куча, Бешбалык, Уч-Турфан и другие. Некоторые города, как например, Пенчул, неоднократно переходили то к кыргызам, то к уйгурам. В мусульманских источниках земли кыргызов помещаются в соседстве с тогуз-гузами (уйгурами), карлуками, чигилями, ягма.

В начале X века эта группа кыргызов была отрезана от Монголии в результате киданьского завоевания. С расселением в Прииртышье и Джунгарии племен каи и образованием Кимакского каганата каи и кимаки стали северными соседями восточнотуркестанских кыргызов. В конце X века эти кыргызы попали в зависимость от турфанских уйгуров. Под влиянием соседей, мусульман, кыргызы утратили часть своих прежних обычаев. “У киргизов в обычае сжигание своих умерших; они утверждали при этом, что огонь очищает и делает их чистыми. Таким был их обычай в прошлом, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых”.¹¹ Очевидно к XII веку восточнотуркестанские кыргызы оставили обряд кремации и перешли к захоронению умерших, в культурном отношении они существенно обособились от енисейских.

В первой половине XII века земли восточнотуркестанских кыргызов подверглись нападению киданьских войск, возглавляемых Елюй Даши. Активный участник войны с чжурчженями, после падения империи Ляо

¹² Елюй Даши с отрядом бежал на запад, в Приалашанье, затем в Вос-

точный Туркестан. В 1130 г. войско киданей “подошло к границе киргиз: они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (кыргызы) также оказывало им противодействие”. В этих столкновениях кыргызы смогли отстоять свои земли. Поэтому оттуда кидани “тоже двинулись, пока не достигли Имиля”.¹³ Когда Елюю Даши удалось подчинить Семиречье, он в 1133 г. “отправил войско на Кашгар и Хотан и покорил их. Затем он послал войско к пределу киргизов, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык”.¹⁴ В XII веке районы западной Монголии, включая хребет Эктаг-Алтай, заняли найманы. В середине XII века найманские государи Наркыш-Таян и Эниат-Каан “разбили племя киргизов”, которое обитало в “области киргизов”, на границе с р.Иртыш и пустыней, сопредельной “со страной уйгуров” Турфана.¹⁵

Продвижение монголоязычных племен все больше оттесняло кыргызов Енисея на север. В конце XII века земли енисейских кыргызов распадаются на отдельные владения во главе с иналами. Так у некоторых тюркских племен именовался наследник престола. Иногда этот титул в рунических надписях упоминается наряду с термином “хан”. Этот титул входил в состав имен знатных кыргызов: Ынал-оге, Огдэм-инал, Шубуш-инал и др. Одним из таких самостоятельных кыргызских владений во главе с иналом в конце XII в. н.э. стала Тува (Кэм-кэмджиут). В 1199 г. найманский хан Буюрук, разгромленный Чингиз-ханом, бежал “в область Кэм-кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов”.¹⁷ (Рис. IV)

Это создало реальный предлог для монгольского вторжения. По мере распада кыргызского государства на отдельные княжества их сопротивление внешнему давлению значительно ослабевает. Ко времени начала монгольских завоеваний кыргызы уже не были единым государством и не располагали военной силой, достойной оказать сопротивление монголам.

Глава VIII. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ САЯНО-АЛТАЯ. КЫРГЫЗЫ В СОСТАВЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

‘К началу XIII века кыргызское государство разделялось на два фактически самостоятельных княжества, номинально входящих в одно “владение”. “Киргиз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом, обе они составляют одно владение (мамлакат). Кэм-кэмджиут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов

(Могулистан) и одна (ее) граница—с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны”.¹ Название области Кэм-кэмджиут дано по рекам Хем (Верхний Енисей) и Хемчик и соответствует Туве. Она граничит с Монгольским Алтаем, где обитали найманы, и Восточными Саянами (Баргуджин-Токумом), верховьями Селенги, где обитали туматы, баргуты и байауты. Область “Киргиз” занимала Минусинскую котловину. Через нее протекала “большая река Кэм-кэмджиут” (Енисей), сливаясь с “Анкаррой-мурэн” (Ангарой), доходя до “области Ибир-Сибир” (таежной Сибири). Восточнее обитали племена кори (курыканы).

Археологические памятники культуры енисейских кыргызов XIII—XIV вв. н.э. довольно точно соответствуют расселению кыргызов в этот период. Основная масса кыргызских курганов монгольского времени сосредоточена в Минусинской котловине (в “области Киргиз”), имеются кыргызские памятники этого периода в долине реки Кии (на окраине таежной “области Ибир-Сибир”). Объекты кыргызской культуры XIII—XIV вв. н.э. в Туве — немногочисленны. Не обнаружены кыргызские памятники монгольской эпохи и на Алтае, поэтому выделение на Алтае особого “кыргызского княжества” в XIII в. не подтверждено источниками. Тем более неправомерно помещать там “область Киргиз”.

Каждая из областей “киргизов и кэм-кэмджиутов” имела самостоятельного государя, хотя бы он имел другое — имя, инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — иди. “Государь ее был... (пропуск). Название другой области — Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал”.² Иналы этих областей принадлежали к одному роду — “иди”. Однако, обе “смежные области” составляют одно “владение”, что может свидетельствовать в пользу сохранения номинальной сакрализованной каганской власти, в то время как реальное управление было сосредоточено в руках иналов (наследников).

Судя по описанию пути монгольских послов к “киргызским эмирам и начальникам”, область Еди-Орун должна была находиться в Минусе. “Сначала они прибыли в область, название которой... (пропуск), а тамошнего эмира называли... (пропуск). После этого они (прибыли) в

другую область, название которой Еди-Урун, а тамошнего эмира называли Урус-инал”.³ Границы кыргызских владений доходили до Ангары. “Та река (Анкара) находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов”.⁴

В конце XII—начале XIII вв. н.э. монголы, разгромив найманов, завершили подчинение тюркских и монгольских племен в западной Монголии и Джунгарии. Потерпевший поражение найманский хан Буюрук бежал “в область Кэм-кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов”.⁵

Тэмуджин поставил правителем завоеванных племен Хорчи, которому повелел: “Будь темником и управляй этой западной страной до Золотых гор”. Под власть Хорчи были отданы лесные племена. “Пусть Хорчи владеет не только тремя тысячами бааринцев, — повелел он, — но также пополненными до тьмы эдаркинцами, чиновцами, толесами теленгутами совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до Приэрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться.”⁶

В 1206 году на всемонгольском курултае Тэмуджин был избран великим каганом, приняв имя Чингиз-хана. Тогда же был принят план покорения “всего мира”. На завоевание “лесных народов”, в состав которых монголы включали и кыргызов, был послан старший сын Чингиза, Джучи-хан. В 1207 году, в “год зайца Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха... Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабха-насов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин.

Они выразили покорность и били челом белыми кречетами — шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная от туда по направлению к нам, а именно народы: шибир, кесдиин, баит, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. Взял он с собою киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов лесных народов и, представив Чингиз-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми ж меринами, да белыми ж соболями”.⁷ Кыргызские князья, зная о судьбе найманов и других соседних племен, не решились на вооруженную борьбу и подчинились без сопротивления. В ставку Джучи, а от него к Чингиз-

хану, явились с богатыми подарками “били челом и изъявили покорность” кыргызские нойоны-темники и тысячники, среди которых был правитель одной из областей — инал и более мелкие князья. По другим сведениям, Чингиз-хан послал к кыргызам в том же году послов “Чингиз-хан послал гонцами к этим двум государям Алтана и Букра и призвал (их) к подчинению. Те послали назад вместе с ними трех своих эмиров, коих звали: Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак, с белыми соколами, как выражение почтения от младшего старшему и подчинились (ему)”.⁸ Подчинившись без сопротивления монголам, кыргызские князья на какое-то время избавили свою страну от кровопролития. Однако основным условием подчинения, помимо “изъявления знаков покорности”, был “налог кровью”, обязанность поставлять воинов в монгольские войска.

Впервые необходимость привлечения кыргызских воинских подразделений для своих военных мероприятий возникла у монголов в конце 20-х годов XIII века. в 1217 году восстали туматы, которые “жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском”. Чингиз-хан “приказал отправиться (туда) Ная-нойону из племени баарин; (но) сказали, что он болен. (Тогда) он послал Борагул-нойона”. Монголы “дали большие сражения и покорили племя тумат. Однако на войне Борагул-нойон был убит. Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то (монголы) множество их перебили”.⁹

Темник Борагул, происходивший из племени хушин, был “старшим эмиром правого крыла” монгольского войска. Его очень ценил Чингизхан и говорил: “Да не будет горя и не годится, чтобы умер Борагул”.¹ Гибель такого полководца ударяла по престижу монгольского войска. Поэтому против туматов после гибели Борагула было послано новое войско во главе с Дорбо Докшин-нойоном. Он, “вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом... приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пирававших беспечно туматов и полонил их”.¹¹ Сто семей из числа пленных отдали в рабство семейству Борагул-нойона. Однако силы туматов еще не были сломлены. В следующем, 1218 году. “... в год барса когда восстало одно из племен тумат, сидевшие в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения (монголы), из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско (чарик); те не дали и восстали”.¹² Очевидно, их вдохновило сопротивление туматов “Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун (был

их (киргизов) предводителем; (у монголов эмир) по имени Нока отправился в передовом отряде; он обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки”. Восстание киргизов во главе с Курлуном было серьезной опасностью для монгольского господства в Саяно-Алтае. Поэтому в действие вступили главные силы монгольского войска. “Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив киргизов, вернулся назад”. Войско Джучи совершило поход в Минусинскую котловину, покорив, наряду с киргизами и племена кыштымов, “пройдя... реку Кянь и вниз по ней. Покорил кэргисы, ханьхасы, теляньу, кэшдими, хоин и ирган роды”. Во время этого “похода и возвращения” Джучи-хан прошел по землям “племен (урасут, теленгут, куштеми), страна которых была расположена по ту сторону киргизов, (на расстоянии) около одного месяца пути”, он “также захватил и те племена”.¹⁴ Очевидно, монголы с боями прошли по Туве, Минусе, Горному и Монгольскому Алтаю, потратив на подчинение “лесных племен” около месяца. В результате этого похода Минусинские степи обезлюдели. Часть киргизского населения была перебита и угнана в плен, часть разбежалась в недоступные таежные места, часть переселилась в отдаленные северные районы Причулымья.

Распространение памятников киргизской культуры монгольского времени свидетельствует, что по количеству памятников и объектов они значительно уступают предшествующей эпохе сууктэр. В то же время на северной периферии расселения киргизов, в бассейне реки Кии, киргизские курганы довольно многочисленны, что свидетельствует об оттоке части киргизских кочевников на север в лесостепные районы. Несмотря на понесенный урон, киргизы сохранили основной район обитания и управлялись своими князьями-вассалами монгольского хана. Продолжала сохранять своеобразие и развиваться культура енисейских киргизов. Саяно-Алтай, включая земли киргизов, был подчинен Джучи-хану, “в качестве улуса и юрта”. Эти районы стали северо-западной окраиной Монгольской империи. После смерти Джучи в 1226 году, киргизские земли вошли в улус великого хана, попав под власть младшего сына Чингиз-хана, Тулуя.

Великий каган Угэдэй, вступивший на престол в 1229 году, стремясь “умиротворить” покоренные племена, взял в жены знатных девушек из племен меркитов и киргизов, заключив, тем самым, с местной знатью династический союз. Четвертой “главной женой” Угэдэя стала киргизка “цзилицзиси-хутени” Джачин. Однако реальная власть в землях киргизов оказалась в руках другой женщины, вдовы Тулуй-хана, кераитки Соркуктани-беги. Она послала экспедицию вниз по Ангаре и Енисею в

области Алафхин-Адутан, Мангу и Балаурнан. “Соркуктани-беги послала с тысячью людей на корабле (в ту страну) трех эмиров: Тунлик из племени карчукур, Бахджу из племени кара-тут и Мункур-Хитна из племени *(пропуск)* с тысячью мужей. Они доставили к берегу (из глубины страны) много серебра, но положить его на корабль не смогли. Из этого войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений. Все три эмира (впрочем) возвратились благополучно и жили долго (после того)”.¹⁵ Экспедиция за серебром была направлена, вероятно, в таежные болотистые районы Западной Сибири, где в святилищах обских угров скапливалось за долгое время их почитания немало импортной серебряной посуды.

После смерти Угэдэя в 1241 году великим кааном Монголии стал Гуюк-хан. В 1251 году на престол великого каана вступил сын Соркуктани-беги Мункэ-хан. Он послал Буха-нойона “с двумя туманами войска к границам киргизов и Кем-кемджиута”, чтобы предотвратить возможные волнения. Видимо, постоянного монгольского гарнизона в киргизских землях не было, а киргизы продолжали управляться собственными князьями. В 1252 году, после смерти Соркуктани-беги, Саяно-Алтай стал владением сына Арик-Буки. “Его летнее становище было в Алтае, а зимнее—в Теке и Киргизе. Между ними (расстояние в) три дня пути”.¹⁶ Проводя зимовки в Минусе, орда Арик-Буки должна была потеснить киргизские кочевья.

После смерти Мунка-хана в 1260 году, Арик-Бука был провозглашен в монгольской столице—Каракоруме великим кааном. Однако его брат Хубилай, командовавший монгольскими войсками в Китае, не признал власть Арик-Буки и двинулся со своим войском против него. Войска Арик-Буки потерпели поражение. Сам “Арик-Бука и войско его испугались, обратились в бегство, рассеялись и прибыли в область киргизов”. Там “Арик-Бука, раздраженный этим поражением, убил пленных и укрепился в области киргизов. Собрав новое войско, он послал его в область Тангут, но снова потерпел поражение, а оставшиеся бежали и присоединились к Арик-Буке в области киргизов... А Арик-Бука, разстроенный и растерянный, стоял с отощавшим и голодным войском на границе Кэм-кэмджиут у реки... *(пропуск)*, из боязни прихода каана он отправил (к нему) гонцов и послал прощения”.¹⁷ Истошив людские ресурсы подчиненных ему племен, Арик-Бука понял, что проиграл войну и в 1264 году вынужден был сдаться Хубилаю. Правление Арик-Буки, постой монгольского войска в Минусе и Туве, наборы в его армию в ходе междоусобной войны, отступление “голодных и отощавших” войск

для “укрепления в землях кыргызов” должны были негативно сказаться на экономическом и политическом положении кыргызов.

Кыргызы перестали быть ведущим этносом в Саяно-Алтае, уступив свое место монголам. После поражения Арик-Буки кыргызские земли вошли в состав империи Юань. Они были включены в состав провинции Лин-бэй с центром в Каракоруме. Кыргызские земли были разделены на несколько административных единиц, среди которых Кяньчжоу и Иланьчжоу в степных районах Тувы, Киргиз—в Минусе. В особые районы были выделены таежные области—Ханьхэна, Усы, Анкэла. “С приходом к власти династии Юань этот народ (цзилицзисы) разделили и создали девять тысяч дворов.”¹⁸ От вассальной зависимости времен правления Джучи-хана, зимних постоев и временных наборов времен властвования Арик-Буки, кыргызы попали в систему постоянного административного управления при Хубилае. В 1270 году юаньский император Хубилай назначил заместителем ряда областей Саяно-Алтая дуаньшигуаня Лю Хао-ли, который был послан “в отдаленный край непременно для умиротворения его”.¹⁹ Однако, с поражением Арик-Буки, сопротивление части монгольской знати власти Хубилая не окончилось. В том же 1269 году курултай монгольских князей, состоявшийся в долине р. Талас, избрал ханом Хайду, союзника Арик-Буки. Монгольские “эмиры и царевицы, которые были в его ставке, пришли к Хайду и поклялись (ему) в землю: “До сих пор нашим правителем был Борак-ака, в настоящее время (наш) государь Кайду-ака, как он прикажет, так и будем служить”.²⁰ Хайду претендовал на владение Монголией и Саяно-Алтаем. В 1273 году кыргызы, принявшие сторону Хайду восстали против юаньского заместителя. “Северные князья подняли мятеж, привели Хао-ли в свое войско и чуть не убили. Их военачальник за то, что Хао-ли был добрым в обращении с людьми, освободил его”.

В 1276 году большой поход в Монголию совершили войска Хайду. Кыргызский князь, выступивший против юаньской администрации, побоялся решительных мер, пытался заигрывать с Лю Хао-ли. В 1279 году он вступил с ним в переговоры. “Весной 16 года мятежный князь пригласил Хао-ли прибыть в Кянькяньчжоу. Сказал: “Император сомневался во мне, это привело к нынешнему”. Хао-ли ответил: “Не сомневался. Если бы сомневался в князе, то (когда) пригласил князя в столицу, разве согласился бы на (его) возвращение?” В 1280 году Лю Хао-ли, ощущая угрозу от неподвластного населения “возглавил множество (людей), ушел в другое место, оборонялся в теснине, ожидая прибытия войск”. Однако помощи не было и “войска мятежного князя разбились (его), Хао-ли на западе прошел через снеговые горы”, отступив за

Алтайские горные хребты. [✓] Оказавшись в безвыходном положении, Лю Хао-ли “тогда одеждой подкупил тысячника мятежного князя”, который пропустил наместника с тысячью человек “тропинками в горах Теби-Шань”, и он смог добраться до Китая. Вероятно, одной из причин перехода кыргызской знати на сторону Хайду были мобилизации кыргызского населения и размещение кыргызов в качестве военных поселенцев в различных районах империи, что грозило растворением этноса. Положение военных поселенцев нередко было бедственным. [✓] “В 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-Ту, бедным из киргизов”.²¹

[✓] В 1286 году Хайду-хан организовал большой поход в Монголию, и кыргызы оказались под его властью. Нойон Тук-Тимур хотел “напасть на область киргизов”, но те подчинились Хайду. Успехи Хайду способствовали центробежным тенденциям в империи Юань. [✓] В 1287 году против Хубилая восстал наместник Маньчжурии Наян, ставший союзником Хайду. Против него была направлена из Центральной Монголии армия, состоявшая из кыргызов. Предварительно в 1289 г., проинспектировали семьи киргизов, живущих в Хэлинь, и оказали помощь бедным семьям, а затем “из Хэлинь была отправлена расквартированная там армия цзянцисы (киргизов)”, которую возглавлял полководец кыпчак Тутуха. После подавления мятежа Наяна “все мятежники из кыпчаков и канглы, сдавшиеся добровольно, были отданы Тутуха. Был учрежден департамент Халалу из 10 тыс. дворов. Все разбросанные в разных местах кыпчакские кочевья, все племена и все ваны Аньси попали под управление Тутуха”. В 1292 году его армия была послана против владений Хайду. “В 1292 г. Тутуха разграбил район Алтайских гор... На обратном пути он посетил Хэлинь (Каракорум). Здесь он получил приказ овладеть киргизами (цзилицзисы). [✓] В 1293 г. весной, войска встали лагерем у реки Цяньхэ, по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутуха) полностью овладела народом пяти их племен и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их. Тутуха доложил о заслугах и был повышен в чине... Хайду, получив известие о захвате киргизов, послал (им на вырубку) на реку Цяньхэ (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча”.²² Кыргызские земли были снова подчинены империи Юань. Часть кыргызов была переселена из Минусы и Тувы в Маньчжурию в бывшие владения мятежного нойона Наяна. В 1293 году в эти районы были переселены представители “племен: усухань (юаньсухань), ханас и цзилицзисы (кыргызы)”.

[✓] По повелению императора Хубилая кыргызы и другие племена были

поселены в качестве военных поселенцев в специально построенном городе Чжаочжоу: “В 1293 г. обращаясь к нему (Хара-батуру), император Ши-цзу (Хубилай) сказал: “Древние земли Наяна называются Абалаху и доставляют рыбу. Сейчас я в тех землях построил город и поселил там три племени: юаньсухань, ханасы и цзилицзисы (кыргызов). Этот город был назван Чжаочжоу.

Ты отправляйся туда и займи пост сюаньвэйши (окружного начальника)”. Другая группа кыргызов была поселена “на землях Хэсыхэ”, в другом районе Маньчжурии. “В 1293 г. Ши-цзу (Хубилай) разместил на землях Хэсыхэ в качестве военных поселенцев 700 семей чжирхэхусотай (ских) цирцзисы (киргизов)”.²³ Эти меры преследовали своей целью переселение мятежных племен в иноэтническую среду, контроль за самими поселенцами и районом их поселения. Они продолжались и после смерти императора Хубилая. Во время правления императора Тэмура “в 1295 г. киргизов, проживающих в горах Цзиньшань (Алтай), переселили в Шаньдун и дали им поля, быков и семена”.²⁴ Переселения нанесли большой урон кыргызскому этносу на Енисее. Заметно сократилась его численность, и территория компактного расселения. (Рис. V)↵

Изменилось соотношение кыргызского и кыштымского населения в Минусинских степях. На опустевших землях расселилось немало родоплеменных групп кыштымов. Монгольская администрация, видимо, пыталась опереться на кыштымов в своей борьбе с кыргызами. В памятниках кыштымов монгольского времени нередко находки оружия. Появляются погребения кыштымской знати, по богатству инвентаря не уступающие кыргызским. Отдельные памятники кыргызов обнаружены в местах их выселения. В Центральной Монголии, в окрестностях Каракорума, найдены отдельные погребения кыргызов, совершенные по обряду трупосожжения. В правление юаньского императора Тэмура, с 1295 по 1307 год, кыргызские земли входили в состав провинции Лин-бэй, которой управлял наместник Камала: “Областями Каракорум, Онон, Керулен, Кем-кемджиут, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурха-Халдун, всем он ведает”.²⁵ На территории Саяно-Алтая, откуда была выселена часть кыргызского населения, монголы создали военные поселения из представителей других этнических групп. В течение XIII в. такие поселения были образованы на территории Тувы, и вероятно, Минусы. В них селили монголов, уйгуров и даже китайцев. Поселения создавались и в начале XIV в., уже после смерти императора Тэмура, во время правления императора Хулуг-хана (1308—1322 гг.). В этот период земли енисейских кыргызов продолжали входить в состав империи Юань. С падением

юаньской империи, в конце XIV в., ее административная система и военные поселения на территории Саяно-Алтая должны были прекратить свое существование. Кыргызские земли, управлявшиеся своими князьями, попали в зависимость от ойратов, стали ареной борьбы между ойратскими и халхасскими ханами.

Глава IX. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Впервые вопрос о происхождении кыргызской культуры был рассмотрен С.А.Теплоуховым при классификации минусинских древностей. Выделив в особую, VI группу памятников, “могильники, известные под названием “чаа-тас”, он отметил, что последние “тесно примыкают” к “своеобразным могилам с бюстовыми масками”, отнесенным к III—IV вв. н.э.¹ По современной терминологии, сказанное выше означает, что автор усматривал хронологическую и генетическую преемственность между памятниками тепсейского этапа таштыкской культуры III—IV вв. н.э. и объектами кыргызской культуры эпохи чаа-тас, VI—VIII вв. н.э. С.А.Теплоухов отметил сходство между каменными стелами чаа-тасов и столбовыми плитами тагарских курганов, аналогии между таштыкской и кыргызской керамикой, наличие одинаковых бронзовых двухголовых пластинок-амулетов в погребениях обеих культур.² В дальнейшем эта проблема специально изучалась С.В.Киселевым.³ Автор, вслед за С.А.Теплоуховым, отмечает “сильнейшую связь” кыргызской культуры с “древней местной культурой”, в частности, сходство конструкций тагарских курганов и чаа-тасов, наличие “хода” у оград тагарских, таштыкских и кыргызских памятников. С точки зрения С.В.Киселева, “поразительные совпадения” наблюдаются во внутреннем устройстве таштыкских склепов и чаа-тасов, в частности, наличие вертикального частокола из бревен и жердей по периметру могильной ямы, подпорного столба в центре могилы. Особенно близки чаа-тасам, по С.В.Киселеву, “позднейшие таштыкские погребения” под квадратными каменными выкладками, с квадратной ямой и срубом, содержащие 1—2 сожжения, сосуды, кости овец и коров. Среди предметов сопроводительного инвентаря обеих культур отмечены аналогии парным головкам животных, обычно лошадей, фигурок баранов, обложенных золотом, керамики. По

мнению автора, керамика кыргызского поселения у с. Малые Копены и погребений у с. Тесь “целиком совпадает с позднетагарской и таштыкской, хотя и отлична от “погребальной посуды” в чаа-тасах”. Орнамент ювелирных изделий из Копенского чаа-таса, согласно С.В.Киселеву, находится “в близком родстве” с тагаро-таштыкским искусством.⁴ Тесную “генетическую связь” между таштыкской и кыргызской культурами подтверждают, по данным автора, “наблюдения над таштыкскими портретными масками, которые фиксируют сложение нового физиономического типа населения”, характерного для кыргызов.⁵ Переход от позднеташтыкских погребений к чаа-тасам, по С.В. Киселеву, совершился в “докудыргинское время” (до V в. н.э.).⁶

Соображения С.В.Киселева были поддержаны Л.А.Евтюховой, которая усмотрела “глубокие корни” погребального обряда енисейских кыргызов в таштыкских могилах и склепах.⁷ Наибольшую близость кыргызским демонстрируют погребения “переходной стадии” между таштыкской и кыргызской эпохами. Сходство наблюдается в обычае “сжигания покойников”, внутримогильной конструкции, “большом количестве мяса животных”, устройстве перекрытия из березовой коры и насыпей из скальных обломков, привесках “с вырезанными головками животных” фигурок баранов, обложенных золотой фольгой.⁸

Выводы С.В.Киселева повторил в некоторых своих работах Л.Р.Кызласов. Находки бронзовых пластинок-амулетов и конструкций курганов Сырского чаа-таса, доказывают, по его мнению, “несомненную генетическую связь древнехакасской культуры с таштыкской”.⁹ Отмечены автором единые для обеих культур формы сосудов.¹⁰ Позднее Л.Р.Кызласовым был выделен “камешковский переходный этап” таштыкской эпохи, отнесенный к IV—V вв. н.э., когда перестали сооружаться склепы, прекратился обычай сожжения погребальных камер, изготовления погребальных масок и ритуальных миниатюр.¹¹ Согласно мнению автора: “Несомненное генетическое происхождение культуры VI—X вв. от таштыкской доказано С.В.Киселевым весьма убедительно и никем не оспаривалось. Лучшим свидетельством этого служат памятники камешковского этапа IV—V вв., рассмотренные выше. Решается и мнимое противоречие, заключающееся во внешнем различии керамики, встречаемой в позднеташтыкских и древнехакасских погребениях. Во-первых, нами уже указаны формы сосудов VI—VIII вв., явно связанных с таштыкскими в своем происхождении (кубки, банки, круглодонные чашечки, банки с налпами по венчику и т.д.); во-вторых, применение гончарного круга с VI в. естественно прервало эволюционное раз-

витие позднеташтыкской керамики; в-третьих, раскопки поселения VI—X вв. у с. Малые Копены доказали, что в быту древние хакасы употребляли лепные сосуды не только таштыкских, но еще и тагарских форм”.¹² Из приведенного текста видно, что к 60-годам мнение о преемственности между таштыкской и кыргызской культурами прочно вошло в традицию. Много позже Л.Р.Кызласов вывел формулу: “Нет чаа-таса без таштыкского склепа”,¹³ не совсем согласующуюся с его предшествующими высказываниями, согласно которым чаа-тасы появляются путем трансформации “погребений под каменными выкладками”, а не склепов. Пересмотр периодизации таштыкской культуры М.П.Грязновым снял данное противоречие.¹⁴

Раскопки чаа-таса Тепсей XI в. позволили отметить планиграфическую последовательность сооружения таштыкских склепов и кыргызских курганов чаа-тас.¹⁵ В Михайловском могильнике в Ачинско-Мариинской лесостепи были обнаружены склепы таштыкской культуры, в составе инвентаря которых были “кыргызские вазы”, накладки луков, наконечники стрел, накладки колчанов, характерные для периода раннего средневековья.¹⁶ Значительно обогатились представления о погребальной и поминальной обрядности таштыкской культуры в результате работ Э.Б.Вадецкой.¹⁷ Находки тепсейских миниатюр позволили выделить петроглифы таштыкского времени. Открытие “манекенов” в Оглахтинском могильнике разрешило вопрос о назначении погребальных масок и “кукол”.¹⁸ Значительно расширились за последние годы представления о погребальной обрядности населения Енисея в эпоху чаа-тас.¹⁹ В отдельных работах предлагалось объединить тесинский этап с таштыкской культурой, поминальники со склепами в одну группу таштыкских памятников, изменить хронологию таштыкской культуры в сторону омоложения до VI и даже VII в. н.э., считать “камешковские каменные выкладки” поминальными объектами, разделить эпоху чаа-тас на два этапа и омолодить ее верхнюю хронологическую границу вплоть до X в. н.э.²⁰ Очевидно, что решение вопроса о преемственности таштыкской и кыргызской культур во многом зависит от решения вопросов их хронологии и интерпретации.

Кыргызская культура в эпоху чаа-тас хронологически непосредственно следует за таштыкской, сохраняя, в основном, ту же территорию, за исключением Ачинско-Мариинской лесостепи и Саянского каньона Енисея, где обнаружены таштыкские, но нет кыргызских памятников VI—VIII вв. н.э. Сравнимые комплексы представлены, преимущественно, погребальными памятниками. На тепсейском этапе таштыкской культуры, в III—VI вв., они достаточно разнообразны. Среди них: большие

склепы; курганы с квадратным, или прямоугольным котлованом, срубом, состоящим из стен, полатей, пола и потолка, нередко и входа; ограды в виде квадратной или прямоугольной стены из горизонтально уложенных плит (иногда по периметру сруба ставились и вертикальные плиты); Перекрытие склепа состояло из нескольких накатов бревен, каменных плит и земли. Склепы были коллективными усыпальницами, в которых хоронили длительное время. Погребались, преимущественно, кремированные останки умерших, зашитые внутрь кожаных манекенов с погребальными масками. Инвентарь представлен разнообразными лепными сосудами с тычковым и штампованным орнаментом, наlepными валиками и миниатюрными предметами: пряжками различных форм, амулетами в виде парных голов лошадей, звеньями цепочек, колчанными крючками, костяными наконечниками стрел, деревянными поделками, астрагалами овцы и коровы. Малые склепы имеют более простую конструкцию сруба, без пола и входа, ограду из вертикально установленных плит. В них погребены, наряду с сожжениями в манекенах, тела людей и собранные кости скелетов. Инвентарь представлен керамическими сосудами, пряжками, амулетами. Склепы и малые склепы после заполнения, как правило, поджигались.²¹ Грунтовые могилы имеют прямоугольную, реже квадратную форму ямы со срубом и перекрытием, внутри которого захоронены сожжения, скопления костей и трупы. Инвентарь представлен керамическими сосудами, украшениями, принадлежностями туалета, лопатками овец и др. Малые склепы и грунтовые могилы, в отличие от больших склепов, заполнялись одновременно. Обнаружены грунтовые одиночные и парные детские захоронения в каменных ящиках, ямах с перекрытием из бревен и без них.²²

Погребальный ритуал, характерный для таштыкской культуры, был связан с фиксированным сроком захоронения умерших, что определило сложность сохранения трупа, его мумификацию, бальзамирование, сохранение костей скелета, кремацию с воссозданием облика покойного в виде манекена с лицевой маской. Важной особенностью обрядности была миниатюрность, вотивность сопроводительного инвентаря, отсутствие мясной заупокойной пищи, обильная погребальная тризна.

Менее вариативным был поминальный обряд. Поминальные ямки с сосудами, мясом овцы и быка и стелы из камня расположены рядами, в каждом из которых имелась яма для остатков тризны участвующих в поминках. Такие ряды присутствуют рядом со склепами и грунтовыми могильниками, а иногда вне территориальной связи с кладбищами. В поминальных памятниках иногда фиксируются погребения взрослых по

обряду трупоположения и трупосожжения, захоронения в сосудах-урнах, могилы детей. Некоторые из них, предположительно, считаются жертвенными.²³ К числу таких погребально-поминальных объектов надо относить так называемые захоронения под каменными выкладками.

Погребальные памятники кыргызской культуры в эпоху чаа-тас, в VI—VIII вв. также разнообразны. Наиболее известны среди них каменные курганы чаа-тасы, с округлой, подквадратной или прямоугольной ямой, обставленной по периметру стен и перекрытий жердями, стеной ограды из горизонтально уложенных плит, квадратной, округлой, прямоугольной формы, иногда со входом.²⁴ Ограды курганов обставлены по периметру стелами. Конструкцию чаа-тасов в известной мере можно считать упрощением архитектуры склепов, но с учетом появления новых необычных деталей — стел. Чаа-тасы содержат в основных могилах одно-три скопления кремированных костей погребенных, обилие мяса овец, сосуды, включая гончарные “кыргызские вазы”, лепные горшки и банки, а в тайниках — сопроводительный инвентарь, состоящий из железного оружия, деталей сруи, разнообразных украшений. Эти памятники сооружались и заполнялись одновременно. Можно полагать, что в их конструкции отразилось совмещение погребального обряда и поминального, существовавших порознь в таштыкское время.

Вокруг курганов чаа-тас довольно обычны рядовые захоронения сожжений в керамических урнах, деревянных ящиках, берестяных туесах, каменных ящиках, ямках; погребения детей и подростков в ямах с сосудами и мясом овец.²⁵ Такое социальное и возрастное разграничение обрядности также имеет свои аналогии в памятниках тепсейского этапа таштыкской культуры.

Нередко на кыргызских кладбищах чаа-тасах захоранивались взрослые люди по обряду трупоположения без инвентаря, или с минимумом вещей.²⁶ Часто это сопроводительные захоронения в курганах чаа-тасах. Эти памятники, относимые к социально зависимому, иноэтничному слою кыргызского общества — кыштымам, в таштыкское время не зафиксированы, что объясняется иным уровнем социальных отношений.

Инвентарные комплексы таштыкской и кыргызской культур существенно различны. Это объясняется стадильностью каждого из них и волевым характером таштыкского погребального инвентаря. Вопреки расхожему мнению, кыргызская лепная керамическая посуда, представленная в основном горшками и копиями гончарных “кыргызских ваз”, в очень малой степени соответствует тепсейской баночной и котловидной посуде.²⁷ Вероятно, правы исследователи, отмечавшие сильное воздействие на кыргызский керамический комплекс гончарной керамики цен-

тральноазиатского происхождения, однако, вряд ли специфика кыргызской керамики в сравнении с таштыкской объясняется только появлением пришлых форм.²⁸ По-видимому, в кыргызское время керамика потеряла свое значение основного исходного материала для изготовления посуды, аналогично деградации керамики и в других кочевых культурах раннего средневековья.

Существенно отличен от таштыкского набор предметов вооружения, сбруи, поясной фурнитуры, украшений. В эпоху чаа-тас в обиход кыргызских кочевников вошли наборные пояса, удила с железными стержневыми псалиями, стремяна, сбруйные уращения, разнообразный набор оружия. Среди культурных заимствований, в VIII в. на Енисей была занесена древнетюркская руническая письменность.²⁹ Большинство новаций кыргызской культуры не находит себе непосредственных прототипов в таштыкском инвентаре, а является заимствованным из соседних кочевых культур древних тюрок и уйгуров. Исключение составляют бронзовые амулеты с парными головками лошадей и деревянные скульптуры баранов, обложенные золотой и серебряной фольгой.³⁰ Близки по технике исполнения и стилю таштыкские и кыргызские петроглифы, которые, в свое время, все считались средневековыми. Однако не вполне ясно соотношение тамг этих двух культур.

Сопоставление комплексов таштыкской и кыргызской культур свидетельствует о том, что совпадения затрагивают отдельные элементы конструкций погребальных сооружений, поминально-погребальной обрядности, единичные предметы сопроводительного инвентаря, стиль наскальных изображений. В то же время различия между культурами распространяются на территорию, состав памятников, характер погребальной обрядности, поминальные ритуалы, социальную стратификацию общества, инвентарные комплексы. Заметно отличен этнографический облик этих культур. Это позволило, в свое время, А.Н.Липскому и Э.Б.Вадецкой усомниться в традиционном представлении о генезисе кыргызской культуры из таштыкской.³¹

Конечно, отчасти наблюдаемые несоответствия объясняются стадийным характером различий, известной обособленностью таштыкской культуры, в сравнении с кыргызской, имевшей широкие связи с древнетюркским кочевым миром, политическим и культурным влиянием древних тюрок на кыргызов в период существования каганатов, переселением отдельных групп древнетюркских кочевников в Минусинскую котловину после завоевательного похода тюркских полководцев Тоньюкука, Могиляна и Кюль-Тегина в начале VIII в. н.э.³²

В дальнейшем тюркский кочевнический облик кыргызской культуры

еще более усилился в результате уйгурского влияния и завоевания кыргызами Центральной Азии в IX веке.³³

Глава X. ЭВОЛЮЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При выделении памятников, относящихся к культуре енисейских кыргызов, С.А.Теплоуховым намечены группы средневековых погребений второй половины I — начала II тыс. н.э. Наряду с “каменными курганами” — чаа-тасами, отнесенными к V—VII вв. н.э., выделены “одиночные каменные курганы” с погребениями в сопровождении коня — VII в. н.э. и “каменные курганы VIII—X вв. н.э.”, в которых встречаются погребения с конем и без коня.¹ К этому времени были отнесены разнообразные предметы тюревтики, заимствованный от “согдийцев алфавит орхонского письма”, каменные изваяния.² К XI—XII вв. были отнесены “плоские могилы” с одиночными трупоположениями, к XIII—XIV вв.—грунтовые захоронения по обряду трупоположения.³ Об эволюции культуры С.А.Теплоухов прямо не высказывался, однако, связав хронологические группы с определенными историческими событиями, указал на ряд воздействий на местную культуру извне, как то— “покорение кыргызов тюрками в VII веке, контакты с Китаем, уйгурское завоевание в VIII веке, выход кыргызов в Центральную Азию в IX—X вв.”⁴ Согласно рассуждениям автора, эти события послужили причиной трансформации кыргызской культуры в VII—X вв.

Позднее систематизацией кыргызских древностей занималась Л.А.Евтюхова. Ею было выделено 4 типа средневековых погребений.⁵ К VIII—IX вв. н.э. отнесены чаа-тасы и захоронения по обряду трупосожжения под небольшими каменными курганчиками, к VIII—IX вв. н.э.—“узкие длинные могилы” с трупосожжениями и трупоположениями, к IX в.—погребения с конем.⁶ Л.А.Евтюхова предполагала, что кыргызы в IX в. сменили погребальную обрядность, перейдя от кремации на стороне к ингумации, включая захоронения с конем.⁷

Инвентарь из всех выделенных групп погребений фактически не был хронологически дифференцирован Л.А.Евтюховой, поскольку аналогичные предметы относятся то к характерным типам вещей VII—VIII вв., то к “новым формам IX—X вв.”⁸ С.В.Киселев относил к VI—VIII вв. курганы чаа-тас и курганчики “рядового населения”, к IX—X вв.—погребения с конем и захоронения знати по “архаическому обряду сожжения”.⁹ Инвентарь этих групп охарактеризован суммарно, однако, в отдельных случаях автор противопоставляет трехлопастные стрелы VI—VIII вв. плоским, изготавливавшимся, по его мнению, в IX—X вв.;

“копенский стиль” в торевтике более позднему — “тюхтятскому”.¹⁰ Другие исследователи, работавшие на Енисее в 20—30-е годы, В.Г.Карцов и В.П.Левашова, не выделяли в составе средневекового периода отдельных хронологических этапов, описывая эти материалы суммарно.¹¹ Позднее В.П.Левашова поддержала точку зрения о переходе “кыргыз-хакасов” на обряд труположения с конем в IX веке.¹²

Существенные изменения в оценке эволюции кыргызской культуры произошли в 50—60 годы, когда в научный оборот были введены материалы из раскопок кыргызских памятников в Туве и появились некоторые новые данные из раскопок в Минусинской котловине. Л.Р.Кызласовым было предложено передатировать чаа-тасы вплоть до X века.¹³ На материалах раскопок в Туве им было выделено два этапа кыргызской культуры: IX—X и XI—XII вв.¹⁴ Точка зрения о принадлежности кыргызам курганов с трупосожжением в Туве была поддержана С.И.Вайнштейном, А.Д.Грачом, Д.Г.Савиновым.¹⁵ Поначалу вызывало сомнение отнесение к числу кыргызских памятников XI—XII вв.¹⁶ Д.Г.Савинову принадлежит мысль о выделении различных вариантов в кыргызской культуре XI—XII вв.: “минусинского” и “тувинского”.¹⁷

Во второй половине 70-х годов Л.Р.Кызласов предложил выделить из состава кыргызских древностей три самостоятельные культуры, следующие одна за другой: чаа-тас — V—IX вв. тюхтятская — IX—середина X в., аскизская — X—XIV вв.¹⁸ Как видно, хронология существования этих “культур” была значительно изменена, в сравнении с прежними представлениями, без какой-либо аргументации. Эта периодизация была активно поддержана И.Л.Кызласовым, предложившим именовать памятники X—XII в. — “малиновским”, а XIII—XIV — “каменским” этапом аскизской культуры.¹⁹ Затем “малиновский этап” был поделен на три периода: эйлиг-хемский, оглахтинский и черновский, при этом оказался смещенным на начало XIII века рубеж “малиновского этапа”.²⁰ Деление кыргызских древностей на хронологические отрезки было предложено Л.Р.Кызласовым в начале 80-х годов, было выделено два этапа в культуре чаа-тас: утинский — VI—VII вв. и копенский — VIII—первая половина IX в.²¹

Ряд исследователей, восприняв первоначальную схему деления Л.Р.Кызласовым кыргызских древностей на две культуры, предлагали свои варианты этого членения. Я.И.Сунчугашев выделил памятники VI—IX и VIII—XII вв.²² М.П.Грязнов предложил объединить в пределах “кыргызского времени” культуры “чаа-тас” — VI—IX вв. и “аскизскую” — X—XII вв.²³

Г.В.Длужневская предполагала, что кыргызская культура в Туве в X веке “трансформируется в аскизскую”.²⁴ Позднее она выделила не-

сколько локальных вариантов в кыргызской культуре Тувы, предложив каждому из них свой период существования. Согласно ее точке зрения, бронзовая торевтика с “тюхтятской орнаментацией” и железная “аскизского облика” в X—XI вв. в Туве сосуществуют, относясь к различным племенным группам кыргызов, причем “тюхтятский орнамент” был воспринят населением Саяно-Алтая от киданей.²⁵ Г.В.Длужневской принадлежит специальная работа, посвященная уточнению названия археологической культуры енисейских кыргызов.²⁶

Вопросы периодизации рассматривались автором данной работы на материалах кыргызских погребальных памятников Минусинской котловины.²⁷ Были изучены данные о появлении кыргызов в Монголии, Забайкалье, Западной Сибири.²⁸ Для уточнения вопросов хронологии, периодизации, культурной принадлежности, культурно-хозяйственного типа этноса кыргызов был взят в качестве объекта исследования локальный район—долина реки Табат, расположенная на юге Минусинской котловины, где кыргызские памятники находятся в непосредственной пространственной связи друг с другом, что повышает их информативность.²⁹ Проведенный анализ продемонстрировал неоправданность деления кыргызских древностей на обособленные культуры, показал преждевременность “уточненной хронологии” с точностью до нескольких десятилетий. Материалы кыргызской и таштыкской культур не дают оснований для передатировки по аналогии со шкалой восточноевропейских древностей, в которых присутствуют предметы торевтики, выполненные в полихромном стиле. На Енисее таких изделий нет, исключая Знаменский клад, культурная принадлежность которого неясна.³⁰

Абсолютная датировка многих комплексов кыргызской культуры основана на аналогиях и привязке к известным историческим событиям. Надежно датированными могут считаться предметы с руническими надписями, поскольку эта письменность могла быть занесена на Енисей тюрками в начале VIII века.³¹ Важным хронологическим рубежом для саяно-алтайских древностей является время распространения кыргызских курганов в Туве в IX веке.³²

Общепринята датировка комплексов, определенных монгольским временем, ввиду находок в их составе предметов с монгольскими надписями, выполненными квадратным письмом.³³

В некоторых кыргызских комплексах встречаются дальневосточные монеты различных династий.³⁴ Поэтому можно считать существующую периодизацию кыргызских древностей вполне приемлемой для определения основных этапов эволюции кыргызской культуры.

Серьезным пробелом в этой периодизации остается отсутствие данных по периоду позднего средневековья, поиски которых пока не дали результатов. Это ограничивает возможность проследить эволюцию кыргызской культуры до момента ее вытеснения из Минусинской котловины в начале XVIII века.³⁵ Поэтому анализ изменений в кыргызской культуре в настоящей работе охватывает периоды раннего и развитого средневековья, с VI по XIV века н.э. В течение рассматриваемого временного интервала кыргызская культура неоднократно существенным образом меняла свой облик под воздействием внутренних и внешних причин. Каждое изменение соответствует определенному хронологическому характерному типу памятников, либо наиболее значимому историческому событию, отразившемуся на облике материальной культуры кыргызов.

В эпоху “чаа-тас”, получившую наименование по наиболее характерному типу памятников, охватывающую VI—VIII вв. н.э., кыргызская культура характеризуется значительным разнообразием культуuroобразующих элементов.³⁶ В наибольшей степени изученными среди них являются погребальные памятники — могильники чаа-тасы, включающие каменные курганы сложной конструкции — чаа-тасы, небольшие “рядовые” каменные курганчики, бескурганные грунтовые захоронения, сопроводительные погребения вокруг курганных насыпей — чаа-тасов, символические захоронения — кенотафы.³⁷ Эти памятники распространены по всей территории Минусинской котловины, от предгорьев Саян до истоков Чулыма, ограничивая территорию кыргызской культуры в VI—VIII вв. н.э.

Наиболее известными памятниками этого времени, обратившими на себя внимание ученых еще в XVIII веке, являются курганы чаа-тас. Это объекты со сложным наземным сооружением в виде квадратной, прямоугольной, многогранной, округлой ограды из горизонтально уложенных плит. По сторонам, на небольшом расстоянии от внешнего края стен ограды, установлены вертикальные стелы. В отличие от стел на тагарских курганах, они не встроены в ограду и поэтому от времени покосились в разные стороны, придавая кыргызским кладбищам совершенно своеобразный, необычный внешний вид, получив у местного населения названия “чаа-тас”, “оба”, “кезе”. Многие кладбища этого времени также имели собственные названия: “Чаа-тас”, “Обалых-биль”, “Кеп-Обалар”, “Кеп-Кезе”, “Кезеелиг-хол” и др.³⁸

У наиболее крупных курганов парные стелы вынесены за линию ограды, образуя “вход”. Размеры курганов сильно варьируют, диаметр развала насыпи колеблется от 5 до 40 м, высота насыпей — от 0,3 до

1,3 м. Насыпь образована частичным развалом стен во внутрь и вне ограды. Внутри ограды каменными плитами перекрывались могильные ямы округлой, квадратной и прямоугольной форм. В каждом кургане имелась одна, реже две могильные ямы. Стены ям обставлены деревянными кольями, перекрыты накатом из жердей, который подпирает опорный столб в центре могилы. На дне могилы помещены 1—3 скопления сожженных костей умерших, мясо овец 4—7 особей, преимущественно задние части туш, сосуды с жидкой пищей. Прах погребенных помещался в могилу в какой-либо емкости: сосуде-урне, берестяном коробе, мешочке из ткани или кожи. В некоторых курганах на периферии могильной ямы и под насыпью устраивались тайники с наиболее ценными вещами, дорогой посудой, сбруей, украшениями, оружием. Нередко металлические предметы — удила, украшения, наконечники лопат, сошники, серпы и др. — встречаются прямо в насыпи. Если в землеройных орудиях можно видеть средство грабежа, а в отдельных дорогих предметах — результат потерянного грабителями могил, то такие вещи как удила, серпы, наконечники стрел, пряслица вполне могли помещаться в насыпь специально строителями чаа-тасов.

Чаа-тасы, несмотря на бедность находками некоторых из них и существенные различия в конструкции и размерах, принято относить к аристократии или “родовой знати”, высшему социальному слою кыргызского общества.³⁹ В составе единовременных кладбищ курганы чаа-тас, как правило, немногочисленны, уступая по количеству различным рядовым погребениям.

Рядовые погребения по обряду трупосожжения встречаются под насыпями небольших, округлой формы каменных курганчиков, диаметром 1—6 м, высотой 0,1—0,5 м, под полами насыпей курганов чаа-тас и в грунтовых ямках. Они содержат по 1—2 скопления жженных костей умерших, в могилах, стены которых изредка укреплены кольями, реже — каменными плитами. Прах погребенных захоранивался в керамических сосудах-урнах, берестяных коробах, деревянных или каменных ящиках, в мешочках из ткани. Сопроводительный инвентарь, мясо овец и сосуды в большинстве случаев отсутствуют.⁴⁰

В зависимости от возраста, по-разному хоронили кыргызы детей и подростков, но всех по обряду ингумации. Они погребены под насыпями небольших курганчиков, до 1,5 м в диаметре и 0,2 м высоты, под полами насыпей курганов чаа-тас, в грунтовых могилах. Погребенные лежат в могильных ямах, перекрытых плитами. Дети до трех лет захоронены без сопровождения, либо с 1—2 сосудами, дети и подростки 3—

15 лет погребены с 2 сосудами и мясом овцы.⁴¹ (Рис. VI) Изредка детские погребения встречаются одиночно. Если возрастная дифференциация погребального обряда кыргызов устанавливается достаточно определенно, то различия в захоронении мужчин и женщин не улавливаются.

Иногда на площади кыргызских кладбищ встречаются курганы без погребений, или пологие насыпи со стелами, в могильных ямках которых обнаружены черепа лошадей. Предположительно они могут быть отнесены к символическим захоронениям — кенотафам.⁴²

Другой вид памятников эпохи чаа-тас — поселения — изучены недостаточно полно. Большинство из известных к настоящему времени поселений представляют собой развешанные дюнные стоянки—временные летние и зимние поселения скотоводов.⁴³ На поверхности жилой территории встречаются обломки кыргызской гончарной и лепной керамики, железные предметы вооружения, сбруи, инструменты, украшения. На некоторых памятниках встречены следы железодельного производства: горны, печи, железоплавильни, шлаки.⁴⁴ Известно одно поселение с культурным слоем, мощностью до 0,3 м. Находки на малокопенском поселении представлены преимущественно фрагментами керамики, обломками костей овец, лошадей, коров. Есть основания предполагать наличие следов жилищ округлой формы типа юрт.⁴⁵

Отдельные исследователи предлагают относить к эпохе чаа-тас долговременные “храмовые” постройки и фортификационные сооружения, например, “тувинскую стену”—“Омай-тура” на юге Минусинской котловины.⁴⁶ Раскопки данного сооружения убедительно продемонстрировали ошибочность такого предположения, поскольку это укрепление использовалось для обороны Саянского каньона Енисея с севера.⁴⁷

К эпохе чаа-тас относятся и другие виды памятников: петроглифы, тамги, рунические надписи, клады.

Весьма разнообразен предметный комплекс материальной культуры кыргызов в эпоху чаа-тас. Наиболее характерна для этого периода гончарная керамика, вошедшая в литературу под названием “кыргызские вазы”. Как удалось установить Л.А.Евтюховой, вазы формовались из спирально скручивавшейся ленты с последующей доработкой, прикреплением дна и горловины.⁴⁸ Вазы различаются по форме. Большинство из них представляют собой плоскодонные, с яйцевидным туловом, узкой невысокой горловиной и отогнутым венчиком сосуды. (Рис. VII) Встречаются бутылки с яйцевидным туловом и очень узким горлышком и шаровидные сосуды. “Кыргызские вазы” орнаментировались цилиндрическим штампом, с помощью которого наносились пояски елочного ор-

намента. Предназначались они, вероятно, для хранения вина, которое, согласно летописи, кыргызы “квасили из каши”.⁴⁹ Гончарная посуда, по всей вероятности, была завезена на Енисей из Центральной Азии еще на тепсейском этапе таштыкской культуры, а в эпоху чаа-тас широко изготавливалась самими кыргызами, о чем свидетельствуют ассиметрия многих сосудов, примесь в тесте щебня, мелкой гальки, характеризующие домашнее производство. Помимо гончарной, у кыргызов широко использовалась лепная керамика: вазы, горшки, бокалы. Нередко встречаются вместительные тарные сосуды-хумы, которые использовались и в качестве погребальных урн. Кыргызская знать пользовалась дорогой металлической посудой, золотыми и серебряными кувшинами, кружками, блюдами. Иногда встречаются привозные лаковые чашечки.⁵⁰

Предметы вооружения в кыргызских памятниках эпохи чаа-тас сравнительно немногочисленны. В чаа-тасах обнаружены коленчатые однолезвийные кинжалы, железные трехлопастные наконечники стрел ярусного, удлинненно-треугольного, удлинненно-ромбического, удлинненно-шестиугольного и вытянуто-пятиугольного типов, берестяные колчаны. К этому периоду относятся двулезвийные мечи, наконечники копий, боевые топоры, панцирные пластины, обнаруженные на разных поселениях.⁵¹

Сбруя представлена двусоставными удилами, иногда с витыми звеньями, с кольчатыми или двукольчатыми окончаниями, с “эсовидными” стержневыми псалями и стременами с широкой подножкой, округлой или пластинчатой петлей. К сбруе относятся разнообразные уздечные и седельные бляшки. Многие из них орнаментированы растительным или зооморфным орнаментом. В состав сбруйных ремней входили подпружные и уздечные пряжки и бубенцы.

Пряжки и накладки являлись необходимыми элементами наборных поясов, которые вошли в употребление у мужчин-воинов. Кыргызы, как женщины, так и мужчины, носили серьги. В качестве женских украшений носились бусы, браслеты, монеты. Сохранившиеся с таштыкских времен бронзовые амулеты с парными головками или схематическими фигурками лошадей носились мужчинами.⁵²

Деревянные фигурки баранов, обложенные золотой, серебряной и медной фольгой, служили, вероятно, как и в таштыкское время, символом обильных стад, сопровождающих умерших в загробный мир.⁵³

В насыпях курганов чаа-тас встречаются землеройные и сельскохозяйственные орудия: чугунные сошники, костяные мотыги, железные серпы, железные наконечники лопат.⁵⁴

На развешенных поселениях эпохи чаа-тас попадают бытовые инст-

рументы: железные черешковые ножи, шилья, булавки, оселки, пряслица из стенок гончарных и лепных сосудов, зернотерки, жернова ручных мельниц.⁵⁵

В инвентарном комплексе эпохи чаа-тас отражены существенные изменения в материальной культуре населения Минусы в сравнении с таштыкским временем. Наиболее значителен круг заимствований извне в области вооружения, сбруи, сбруйной и поясной фурнитуры, украшений, металлической посуды. Практически все перечисленные инновации привнесены на Енисей из тюркского кочевого мира или из Средней и Восточной Азии через посредство тюрок. От тюрок кыргызы переняли руническую письменность и обычай создания посмертных эпитафий.

Устойчивое влияние древнетюркской культуры на кыргызскую не удивительно в свете неоднократного покорения кыргызского государства тюркскими каганами, расселения тюрок в Минусе в VIII веке, династических уз правящих родов тюрок и кыргызов.⁵⁶ Вместе с тем, “тюркизацию” кыргызской культуры вряд ли следует рассматривать как односторонний процесс механического заимствования периферией культурных достижений центра историко-культурного региона. Правильнее представлять данную фазу культурогенеза в качестве слияния отдельных родственных культур в общий историко-культурный феномен за счет интенсификации культурных контактов разных групп кочевников внутри тюркских государственных образований. Местная кочевая знать, подчинившаяся тюркским каганам и вошедшая в военно-административную систему каганата, быстро переориентировалась на престижные элементы военно-дружинной культуры: титулатуру, комплекс вооружения, нарядную сбрую и пояса, дорогую посуду, способ запечатления своих подвигов в надгробных эпитафиях. Можно полагать, что после завоевания кыргызских земель и расселения на них тюрок в VIII веке тюркская военная знать временно оттеснила кыргызскую аристократию от управления государством, а после падения Второго Восточнотюркского каганата натурализовалась среди кыргызов, привнеся в местную культуру свои традиции.⁵⁷

Сложнее говорить об уйгурском влиянии на кыргызов в эпоху чаа-тас, поскольку уйгурские памятники еще недостаточно изучены. По всей вероятности, уйгуры смогли совершить успешный военный поход в Минусу лишь в самом конце VIII века, в правление кагана Кутлуга. С этого времени отмечается определенное влияние уйгурской орнаментики на кыргызскую и минусинско-тюркскую торевтику.⁵⁸ Для чаа-тасов такие заимствования менее очевидны. Можно полагать, что распространение сложной растительной орнаментации восточноазиатских и ирано-

согдийских сюжетов в торовитике, своеобразие в оформлении профильных изображений животных связано уже с периодом существования Уйгурского каганата. Не исключено уйгурское, точнее согдийское, через посредство уйгур, влияние на фортификацию глинобитных сооружений Минусы. В то же время между уйгурской и кыргызской гончарной керамикой сравнительно мало общего, в особенности в орнаментике.

В эпоху чаа-гас кыргызы эпизодически осуществляли непосредственные контакты со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии, совершая посольства ко двору империи Тан, пригоняя лошадей для обмена, отправляя торговые караваны в Тибет, Восточный Туркестан и Согд.⁵⁹ Какие-то предметы восточноазиатского производства могли попадать на Енисей вследствие дипломатических даров и торговли, в частности, изделия танских торовитов, лаковая посуда, монеты. Однако эти контакты не могли быть достаточно регулярными из-за дальности расстояния и политической зависимости кыргызов от тюрок и уйгуров.

В эпоху “великодержавия”, получившую наименование по наиболее значительному событию в истории кыргызов — завоеванию Центральной Азии,⁶⁰ охватывающую IX—X вв. н.э., памятники кыргызской культуры распространились далеко за пределы Минусинской котловины, включая Красноярско-Канский район, Приобье, Алтай, Восточный Казахстан, Туву, Монголию, Забайкалье. Письменные источники свидетельствуют о проникновении кыргызов в этот период в Восточный Туркестан и к границам империи Тан.⁶¹

Погребальные памятники этого времени очень разнообразны. Наибольшее число кыргызских курганов IX—X вв. в настоящий момент изучено в Туве.

Наиболее характерным типом могильных сооружений этого времени являются курганы хыргыс-ур, со стеной-крепидой по периметру, каменной насыпью и стелой подле кургана. Под насыпью в неглубоких могильных ямках — 1—2, реже 3—4 скопления жженных костей умерших, мясо овцы, коровы, лошади, иногда целая туша и сосуды с жидкой пищей. Мужские захоронения богаты инвентарем: предметами вооружения, сбруи, поясного набора. На стелах бывают нанесены изображения тамг и тексты эпитафий руническим письмом.⁶²

Наряду с курганами хыргыс-ур кыргызы в эпоху великодержавия сооружали кольцевые каменные насыпи, в основании которых, иногда прослеживается стена-крепида, с захоронениями по обряду сожжения, рассыпанными на уровне древней поверхности.⁶³ Такие сооружения известны у коренного населения Минусинской котловины под названием

“хыргыстар сууктэр”. Подобная конструкция надмогильных сооружений станет наиболее распространенной с начала II тыс. н.э.

В IX—X вв. встречаются курганы с крепидой, являющиеся упрощенной модификацией курганов хыргыс-ур, в которых, наряду с погребениями по обряду трупосожжения, находятся отдельные предметы вооружения и сбруи.⁶⁴

В указанный период известны объекты с округлой или овальной насыпью, под которой находилось несколько погребений в ямках по обряду сожжения, погребения с сожжением в каменных ящиках, захоронения женщин и детей по обряду трупоположения.⁶⁵

В отдельных районах, преимущественно на периферии Минусинской котловины, зафиксированы погребения по обряду трупосожжения в небольших грунтовых ямках без насыпи, с предметами вооружения и сбруи.⁶⁶

В Приобье к кыргызской культуре принято относить земляные курганы с погребениями по обряду трупосожжения в неглубоких овальных ямах и на уровне древней поверхности с предметами сбруи, вооружения, украшениями, керамической посудой, характерной для данного района.⁶⁷

Встречаются небольшие каменные курганы с крепидой, в могильных ямках которых отсутствовали погребения, но находились отдельные предметы вооружения, сбруи, детали пояса, мясо овец. Это символические захоронения — кенотафы. Есть курганы вообще без находок — “ложные” или “меморативные”.⁶⁸ (Рис. VIII)

Детей в IX—X вв. кыргызы продолжали хоронить по обряду трупоположения с сосудами, отдельными предметами и без вещей под насыпями небольших курганчиков в ямках, под насыпями больших овальных и округлых курганов в ямках, в насыпях курганов хыргыс-ур.⁶⁹

Весьма разнообразна погребальная обрядность иноплеменного населения, оказавшегося на землях расширившего свои границы Кыргызского каганата. В IX—X веках достаточно обширен ареал распространения древнетюркских погребений с конем. Встречаются древнетюркские кенотафы с манекеном вместо скелета умершего. Сравнительно редки погребения по обряду трупосожжения с сожжением коня, вероятно, также древнетюркские, но включавшие кыргызскую погребальную обрядность.⁷⁰ В это время известны уйгурские захоронения со шкурой коня. Разнообразны одиночные трупоположения. В Минусинской котловине эти погребения в ямах, с сосудами, мясом овцы и отдельными вещами, под каменными насыпями, можно отнести к кыштымам. На периферии Кыргызского каганата, за пределами основных земель расселения кыр-

гызом, преобладают захоронения местных племен. Наиболее компактно кыргызы в этот период населяли Туву, сравнительно немного их памятников в Минусе. На остальных территориях кыргызские погребальные памятники единичны.

Поселения эпохи великодержавия изучены в Минусинской котловине. Это летние и зимние стоянки скотоводов-кочевников, лишенные культурного слоя. На поверхности жилой территории встречаются обломки керамики, железные предметы вооружения и сбруи, бронзовые предметы торевтики, монеты, кости домашних животных.⁷¹ На некоторых поселениях зафиксированы следы металлургического производства. К этому периоду, по данным Л.Р.Кызласова, должны относиться остатки глинобитного сооружения на р.Уйбат, определенные как “замок-дворец” кыргызского кагана.⁷² Вокруг “замка” отмечены следы поселения. К этому периоду относятся и отдельные фортификационные сооружения.

К эпохе великодержавия относится большая часть кыргызских рунических надписей и сопутствующих им тамг, наскальные рисунки, клады.

Предметный комплекс кыргызской культуры в эпоху великодержавия включал разнообразные предметы. (Рис. IX)

В курганах IX—X вв. встречается, хотя и очень редко, гончарная и лепная керамика. Это “кыргызские вазы”, лепные горшки и банки.⁷³ Применялись кыргызами и металлические, серебряные и бронзовые кувшины с носиком, кувшинчики на поддонах, кружки, ковши, чарки. Дорогая серебряная посуда попадала к кыргызам в результате грабежа уйгурских кочевий и городов, торговли с государствами Средней Азии.

Весьма разнообразен по видовому и типологическому составу комплекс кыргызского вооружения в эпоху великодержавия: палаши, сабли, копья, боевые топоры, кинжалы, луки, трехлопастные, четырехлопастные, двулопастные, плоские, трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырёхлопастные, трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, колчаны, чешуйчатые панцири и кольчуги.⁷⁴

Сбруя включала двусоставные удила с одно- и двукольчатыми окончаниями, “эсовидными” и изогнутыми псалиями, стремяна с округлой или пластинчатой петлей. Седельные и уздечные ремни богато украшались бронзовыми, иногда с позолотой, накладками с разнообразным орнаментом.⁷⁵

Пряжки и накладки входили в состав наборных поясов. Из украшений известны также серьги, бусы, монеты. К этому времени относится большая часть танских монет на Енисее. На некоторых из них есть рунические надписи. Высказано предположение об использовании танских

монет для денежного обращения в Кыргызском каганате.⁷⁶

В кыргызских комплексах встречаются железные ножи, напильники, долота, серпы, косы. К этому же времени, вероятнее всего, относятся лемехи и отвалы танских плугов.

Характер погребальной обрядности и инвентарный комплекс IX—X веков отражают изменения в кыргызской культуре этого периода, в сравнении с эпохой чаа-тас. В литературе отмечалась генетическая связь курганов хыргыс-ур с чаа-тасами. Действительно, курганы с крепидой по периметру насыпи и одиночной стелой или без нее зафиксированы в отдельных случаях в составе могильников VI—VIII вв. Их можно рассматривать как упрощение надмогильных конструкций курганов чаа-тас, произошедшее, вероятно, под влиянием тюрков. В IX—X веках более простыми стали и внутримогильные конструкции, из округлой или овальной могильной ямы они превратились в неглубокие ямки. Изменился, хотя и не сразу, и сам обряд. Реже в могилу стали помещать заупокойную пищу, зато возросло количество инвентаря. Эти изменения связаны с военизацией жизни, возросшей подвижностью населения в ходе завоевательных походов. Для обеспечения нужд длительной войны резко возросло и дифференцировалось производство оружия. В обиход кыргызского населения широко вошла богато орнаментированная поясная и сбруйная фурнитура, воспринятая у побежденных уйгуров. Награбленные и полученные в результате торгового обмена предметы роскоши частично осели в погребениях.

Кыргызская культура в IX—X вв. значительно расширила возможность непосредственных контактов с земледельческими странами. Заметно увеличился ввоз иноземных вещей. Кыргызские каганы, подобно правителям других кочевых держав, пытались путем ввоза танских земледельческих орудий и монет стимулировать местное земледелие и ввести денежное обращение. С помощью чужеземных строителей была предпринята попытка градостроительства. Эти меры, преследовавшие, в основном, фискальные цели, не учитывали реальных возможностей кочевого общества и не привели к изменению культуры. Наоборот, в сравнении с эпохой чаа-тас кыргызская культура IX—X веков приобрела гораздо более “общекочевнический характер”, утратив былую провинциальную обособленность. Инвентарный комплекс в кыргызской культуре малоспецифичен в сравнении с культурами тюрков, кимаков и других кочевников конца I тыс. н.э. в Саяно-Алтайском историко-культурном регионе.

В последующую эпоху, получившую наименование по основному типу памятников “хыргыстар сууктэр”, охватывающую XI—X вв. н.э., па-

мятники кыргызской культуры распространены, преимущественно, в Саяно-Алтае.⁷⁷ В отличие от предшествующего времени, их немного в Туве, но значительно больше в Минусинской котловине. На Алтае и в Красноярском крае такие памятники единичны.

Наиболее характерны для данного периода курганы типа “хыргыстар сууктэр” с кольцевой насыпью, в основании которой иногда прослеживается стена-крепида. Очень редко близ насыпи устанавливалась вертикальная стела. Под насыпью, на уровне древней поверхности, рассыпаны остатки погребального костра: жженные кости человека, железные детали сбруи, оружие, украшения. На уровне древней поверхности встречаются остатки тризны, в основном кости овцы и лошади.⁷⁸ В отдельных курганах зафиксированы скелеты собак, кости конечностей и, возможно, шкуры коней. Очень редко встречаются аналогичные бескурганые захоронения в ямках.

В составе могильников XI—XII веков обнаружены курганы, аналогичные курганам сууктэр, но не заключающие следов погребений. Под насыпями, на уровне древней поверхности, обнаружены отдельные железные предметы. Вероятно, это символические захоронения—кенотафы.⁷⁹

Иногда в могильниках эпохи сууктэр встречаются кольцевые курганы, под насыпями которых в могильных ямах находятся захоронения детей по обряду труположения, в сопровождении отдельных железных предметов. (Рис. X)

Кыргызские могильники эпохи сууктэр представляют собой сравнительно немногочисленные, по 5—10 объектов, курганы воинов-дружинников, вытянутые в цепочку по гребням и увалам холмов.

В некоторых из них присутствуют небольшие поминальные курганчики с округлой насыпью, сопутствующие курганам сууктэр. В составе кыргызских могильников, либо одиночно, встречаются захоронения иных этнических групп—кыштымов по обряду труположения в каменных ящиках под кольцевыми насыпями; потомков уйгуров в ямах, разделенных каменной стенкой, по обряду труположения со шкурой коня.⁸⁰

Поселения эпохи сууктэр изучены на территории Минусы. Преимущественно, это летние и зимние стоянки кочевых скотоводов без культурного слоя. На поверхности площади поселений встречаются железные предметы вооружения: сбруи, ножи, пряжки, бляшки, накладки, кости домашних животных.⁸¹ Встречаются поселения со следами железоделательного производства. К эпохе сууктэр принято относить крепости-убежища на вершинах и увалах гор, куда население окрестных мест

скрывалось в момент военной опасности.⁸² Эти памятники лишены культурного слоя и слабо поддаются датировке. Вблизи некоторых из них обнаружены курганы эпохи сууктэр, что позволяет предполагать синхронность сооружения этих видов объектов. В литературе есть упоминания, что “замок” в долине р.Уйбат функционировал и в начале II тыс. н.э.⁸³

Высказывалось предположение об утрате кыргызами рунической письменности в XI—XII веках.⁸⁴ К эпохе сууктэр относятся изображения тамг на каменных стелах в Минусинской котловине и Туве. Нет ясности относительно создания в этот период наскальных изображений. Возможно, к этому периоду относятся клады предметов защитного вооружения.

Большим своеобразием, в сравнении с предшествующей эпохой, отличается предметный комплекс кыргызской культуры XI—XII вв. н.э. Однако в курганах этого времени почти полностью отсутствует керамика. Известен лишь один случай обнаружения фрагмента лепного сосуда.⁸⁵ По-видимому, деградация керамики, характерная для всех кочевых культур, завершилась в кыргызской культуре в начале II тыс. н.э. Взамен керамической стала шире применяться металлическая и кожаная посуда. Известны отдельные находки привозной, награбленной в военных походах серебряной посуды.

Произошли изменения в комплексе вооружения. В XI—XII веках кыргызские воины пользовались палашами, саблями, копьями, боевыми топорами, кинжалами, луками, стрелами с трехлопастными, плоскими, трехгранными, четырехгранными, ромбическими, прямоугольными наконечниками, колчанами, чешуйчатыми и пластинчатыми панцирями, шлемами.⁸⁶

В составе сбруи представлены удила со стержневыми, пластинчатыми, кольцевыми псалиями, стремена с пластинчатой петлей без перехвата и прорезным отверстием для путлища в дужке. Существенно преобразилась поясная и сбруйная фурнитура. Изменения эти связаны с переходом к новой технологии изготовления предметов торевтики, к ковке по железу с серебряной аппликацией. (Рис. XI) Пряжки, накладки, тройники, подвески, псалии, оковки седел стали украшаться геометрическим орнаментом, соответствующим возможностям новой технологии.⁸⁷

Из личных украшений в курганах сууктэр встречаются серьги, бусы, сунские монеты. На памятниках обнаружены находки железных ножей, булавок, игл, пинцетов, кресал, напильников, молотков, наконечников лопат и др.

Изменения фиксируются, по сравнению с предшествующей эпохой,

как в погребальной обрядности, так и в инвентаре. Курганы сууктэр подобны кыргызским курганам эпохи великодержавия с кольцевой насыпью и захоронением на уровне древней поверхности. В IX—X веках существовали также бескурганные захоронения, погребения детей по обряду трупоположения, кенотафы. Изменения коснулись формы насыпей и состава инвентаря. Повсеместно исчезла керамика и произошел переход на железную торовитку.

В составе вооружения произошла универсализация многих типов оружия, связанная с интенсификацией конного боя. Переоформление и изменения в орнаментации предметов торовитки были обусловлены технологическими причинами, носящими стадийный характер, связанными с развитием и совершенствованием железоделательного ремесла, освоением приемов поверхностной таушировки.⁸⁸ На облике кыргызской культуры эпохи сууктэр мог сказаться разрыв традиционных связей со странами земледельческой цивилизации Восточной и Средней Азии из-за завоевания и расселения в Центральной Азии киданей и других монгольских племен. Кыргызские комплексы с железной, апплицированной серебром торовиткой трудно сравнивать с материалами других культур, ввиду плохой сохранности железных предметов в погребениях по обряду трупоположения. Поэтому вопрос об истоках новых традиций в художественной обработке металлов пока нельзя считать решенным.

В “монгольскую” эпоху, названную так по важному историческому событию в истории кыргызов в XIII—XIV веках⁸⁹ — добровольному подчинению кыргызских княжеств Чингиз-хану и вхождению в состав монгольской империи — памятники кыргызской культуры сосредоточены в Минусинской котловине.⁹⁰ Высказывалось мнение о наличии единичных погребений кыргызов монгольской эпохи в Туве.⁹¹

Погребальные памятники этого времени однотипны с курганами сууктэр, — с пологой кольцевой каменной насыпью и погребением по обряду трупосождения на уровне древней поверхности. В захоронениях встречаются остатки тризны, в виде обломков костей животных, железные предметы вооружения, сбруи, бытовые предметы.⁹² (Рис. XII)

Погребальным памятникам иногда сопутствуют небольшие поминальные курганчики без находок. Разнообразны погребения кыштымов в курганах и грунтовых могилах.

К монгольской эпохе на Енисее относят клады из серебряных сосудов аналогичных часовенногорскому кубку на поддоне.⁹³

Поселения монгольской эпохи малоизвестны, ввиду слабой дифференцированности инвентарных комплексов, включавших предметы бытового назначения, от материалов предшествующего времени. На разве

янных поселениях кочевых скотоводов иногда встречаются железные удила, псалии, накладки, оковки седел с характерным геометрическим орнаментом, железные крючья, двузубые вилочки, серьги монгольского типа.⁹⁴

По всей вероятности, эти памятники надо относить к летним и зимним стойбищам кочевых скотоводов.

Предметный комплекс кыргызской культуры в монгольскую эпоху малоспецифичен в сравнении с предшествующим временем. (Рис. XIII)

Керамика в памятниках полностью отсутствует. Изредка встречается дорогая привозная серебряная посуда.⁹⁵

В составе комплекса предметов вооружения можно выделить наконечники стрел: плоские асимметрично-ромбические, боеголовковые, секторные томары, ромбические-боеголовковые, четырехгранные удлиненно-треугольные и боеголовковые. Применялись в монгольскую эпоху и другие виды оружия, однако в комплексах они не обнаружены. В курганах найдены обломки панцирных пластин. К монгольскому времени относятся двусоставные удила с кольчатыми и пластинчатыми псалиями; стремяна с прорезью в дужке, накладки сбруи, начельники, оковки седел, застежки, пряжки, пробой с кольцами для топоров, заклепки, обоймы. Своеобразна орнаментация вещей.

Из других предметов известны ножи, шилья, крюки, вилочки, кресала, гвозди.⁹⁶ Очень редки монеты монгольских династий.

Изменения в кыргызской культуре монгольского времени мало затронули погребальную и поминальную обрядность. Кыргызские курганы этого периода аналогичны по форме предшествующим объектам эпохи сууктэр, отличаясь некоторой уплощенностью насыпи, меньшим числом объектов в могильнике. Нередко такие курганы встречаются одиночно. Заметно уменьшается, в сравнении с эпохой сууктэр, общее количество памятников. В инвентарном комплексе новаций сравнительно немного. Изменения коснулись оформления и орнаментации железных деталей сбруи. Уменьшился видовой и типологический состав оружия.

Более явственно изменилось соотношение между кыргызскими и кыштымскими памятниками в Минусинской котловине. Последние заметно увеличиваются количественно, дифференцируются по погребальной обрядности, включают разнообразный сопроводительный инвентарь. Некоторые из них содержат дорогую серебряную посуду и украшения седла.

Отсутствуют следы заметного влияния на кыргызов монгольской культуры. Этот факт трудно понять, учитывая изменение политической

ситуации в Саяно-Алтае, вхождение кыргызских земель в состав монгольской империи. Вероятно, ограниченный характер изменений связан с удаленным, периферийным положением Минусы в составе монгольского государства.

Упадок и ослабление кыргызской культуры не были катастрофическими ввиду добровольного подчинения кыргызских князей монголам. Однако участие кыргызов в войнах монгольской империи, переселения на другие территории ослабили положение кыргызов на Енисее и вызвали усиление, увеличение численности и расселение по котловине племен кыштымов. Хотя кыргызы и позднее удерживали политическое господство над кыштымами, этническая ситуация в Минусе существенно изменилась.

Глава XI. КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТИП ЭТНОСА ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

С начала историко-археологического изучения культуры енисейских кыргызов необходимым элементом аналитической части большинства исследований являлась характеристика их хозяйства и быта, отнесение его к определенному культурно-хозяйственному типу. Во второй половине XIX— начале XX веков, когда идентификация средневековых памятников с кыргызской культурой была приблизительной, недостаточно обоснованной и вызывала сомнения, основой для оценки хозяйственной деятельности кыргызов были сведения письменных источников и этнографические наблюдения. При всей фрагментарности этих данных, они весьма показательны для формирования определенной научной традиции.

В.Радлов, оценивая результаты своих раскопок в Минусинской котловине, писал: “Мы имеем, очевидно, здесь дело с чисто кочующим народом, как описывают нам китайцы тукиу, хакасов и уйгуров”.¹ В противоположность “миролюбивым” племенам эпохи бронзы кыргызы — “народ воинственный, который своими дикими набегами беспокоил всех своих соседей и приводил их в ужас”.² Вслед за В.Радловым, Д.А.Клеменц утверждал, что в лице кыргызов на историческую “сцену выступил воинственный наезднический народ”.³ В свою очередь, И.П.Кузнецов-Красноярский, оценивая естественно-географические условия и возможности кочевого скотоводческого хозяйства, предположил, что кыргызы-кочевники могли обитать “... гораздо южнее Енисейской губернии, может быть, между хребтами Танну-Ола и Южным Алтаем”.⁴ Устоявшееся в дореволюционной историографии мнение о коче-

вом скотоводческом хозяйстве и подвижном образе жизни кыргызов в известной степени игнорировало весьма противоречивые сведения письменных источников о наличии у кыргызов, наряду со скотоводством, и зачатков земледелия. Эти данные получили различное объяснение в трудах ученых, работавших в 20-е годы XX века.

Н.Н.Козьмин предложил оригинальную точку зрения, согласно которой в рассматриваемое время на Енисее “можно наметить три группы турецких племен: 1) тубинскую (уйгурскую) — охотников, людей-черни (йыш-кизи), 2) хакасскую (собств. турки) — полуохотничью, полужемледельческую и 3) кыргызскую — степняков, скотоводов”.⁵

Иначе предлагал решать эту дилемму Г.Е.Грум-Гржимайло. По его мнению, “кыргызы вели полуседлый образ жизни и зимой жили в избах (срубках), крытых берестой, летом — в палатках (юртах)”.⁶ При оценке роли земледелия и искусственного орошения в кыргызском хозяйстве он опирался на материалы из Тувы.⁷

Близкой точки зрения придерживался В.В.Бартольд, излагая по данному вопросу сведения из китайских и арабо-персидских письменных источников.⁸

Выделение кыргызских памятников из общего массива археологических материалов Минусы, осуществленное в 20-х годах С.А.Теплоуховым, открыло возможность для привлечения при анализе культурно-хозяйственного типа этноса кыргызов данных археологии. Сам автор, однако, не касался данной проблемы.⁹

Впервые опыт решения вопроса о культурно-хозяйственном типе кыргызского этноса на базе письменных и археологических источников был предпринят в 30—40-е годы в работах С.В.Киселева, Л.А.Евтюховой, В.П.Левашовой. Интерес к данной проблематике отражал новые методологические установки, активно осваиваемые археологами в предвоенное десятилетие.

В работах авторов широко привлечены результаты собственных полевых исследований. Отмечая возрастание в кыргызское время роли земледелия и ремесла, В.П.Левашова, тем не менее, охарактеризовала Кыргызский каганат, как “варварское государство кочевников”.¹⁰ Л.А.Евтюхова при оценке различных направлений хозяйственной деятельности у кыргызов, отметив роль земледелия, ремесел, охоты, пришла к выводу, что “важнейшую роль в хозяйстве кыргызов играло кочевое скотоводство”, ссылаясь при этом на данные танских хронистов и археологические материалы.¹¹ С.В.Киселев полагал, что “быт населения в кыргызскую эпоху был своеобразен. В нем очень сильны были черты кочевничества.”¹² Он опирался на письменные источники и анализ ар-

хеологических находок.¹³ По материалам археологов-сибирцев А.Н.Бернштам также оценивал кыргызское общество как кочевое.¹⁴

Таким образом, к середине 50-х годов в отечественной историографии сложилась определенная научная традиция оценивать средневековую кыргызскую культуру как принадлежавшую скотоводам-кочевникам. При этом определенное внимание уделялось анализу других видов хозяйственной деятельности, практикуемых в землях Кыргызского каганата: зачаточных форм земледелия, ремесел, охоты и рыболовства. Исследователи указывали, что для различных этнических групп, населяющих земли, подвластные кыргызам, характерны специфические формы хозяйства. Сами кыргызы традиционно считались скотоводами-кочевниками. Эти взгляды продолжали сохранять свое значение и в работах большинства исследователей, касавшихся в 60—80-х годах вопроса о культурно-хозяйственном типе кыргызского этноса. О кыргызах-кочевниках упоминали в своих трудах А.Д.Грач, О.Караев, М.П.Завитухина, Л.П.Потапов, П.Н.Павлов, Г.А.Федоров-Давыдов, С.М.Абрамзон, Н.А.Сердобов и др.¹⁵

Однако в последние десятилетия, наряду с общепринятым, возникло мнение об оседло-земледельческом характере кыргызской культуры. Наиболее подробно эта точка зрения отражена в работах Л.Р.Кызласова.¹⁶ В начале 60-х годов автор писал, что основой хозяйственной деятельности кыргызов “всегда было занятие земледелием и скотоводством”.¹⁷ Благодаря высокому уровню развития земледелия, по мнению Л.Р.Кызласова кыргызы выделялись среди других народов Центральной Азии и Сибири. Большая часть кыргызского населения занималась земледелием, феодальная верхушка “вела полукочевой образ жизни, кочуя со стадами по лучшим пастбищам своих земель”.¹⁸ Позднее Л.Р.Кызласов выделил в составе кыргызского населения “полукочевые хозяйства рядовых крестьян, специализирующихся на разведении верблюдов и мелкого рогатого скота”, которые размещались “по малопригодным для земледелия засушливым степным участкам и мелкосопочнику”.¹⁹

По мнению Л.Р.Кызласова, у кыргызов “земледелие было высокоразвитым, плужным и в значительной мере основанным на искусственном орошении”,²⁰ а “крестьяне, занимавшиеся земледелием жили деревянными”. Что касается скотоводства, то оно “было пастушеским, с применением стойлового содержания скота”,²¹ и “в некоторой степени уже интенсивным”. Имелись, правда, еще и “полукочевые хозяйства рядовых крестьян” и жившие в “горно-таежной зоне даннические племена” охотников и рыболовов.²²

Автор предполагает, что на Енисее “существовало товарное производство хлеба на продажу, что являлось монополией государства”,²³ поскольку “существовало государственное и частное землепользование”.²⁴

О кыргызах как о земледельческом народе писали Л.Н.Гумилев и Д.Г.Савинов. В частности, этим, по мнению авторов, объясняются “уход” кыргызов из Центральной Азии на Енисей²⁵ и кратковременность “кыргызского великодержавия”, так как кыргызы-земледельцы “не имели экономической базы в степях и плоскогорьях Центральной Азии”.²⁶

Соображения относительно принадлежности кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов неоднократно излагались автором настоящей работы.²⁷

Источники, освещающие основные хозяйственные занятия кыргызов, достаточно разнообразны. Весьма обширны сведения о скотоводстве у кыргызов. В танских летописях сообщается, что у кыргызов “лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы, но более коров и овец. Богатые земледельцы водят их по несколько тысяч голов”.²⁸ Кыргызы питаются “мясом и кобыльим молоком”, а их страна “изобилует водою и пастбищами”.²⁹ Эти сведения подтверждаются мусульманскими авторами: “Основными статьями их благосостояния являются хырхызские повозки, овцы, коровы и лошади. Они кочуют в поисках воды, сухой травы, благоприятной погоды и зеленых лугов”.³⁰ О кыргызских лошадях довольно подробно говорят хронисты империи Тан, ко двору которой кыргызы неоднократно пригоняли лошадей: “Их лошади чрезвычайно крепки и крупны; тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми”.³¹ Хроники высоко оценивают боевые качества, чистопородность кыргызских лошадей, характеризуя их “прекрасными скакунами, достойными породы Луню”.³² Некоторые исследователи считают возможным предполагать, что кыргызы разводили различные породы лошадей. Скот кыргызов неоднократно становился объектом грабежа со стороны центральноазиатских кочевников. Так, в результате удачного похода уйгурского кагана Кутлуга в кыргызские земли в 795 г., в числе захваченной добычи “коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами”.³³ В рунических текстах-эпитафиях, приписываемых кыргызам, говорится о наличии у них большого количества скота, например: табуны, из “шести тысяч моих лошадей”, “отмеченный клеймом (тамгой) скот был без числа”, “мои драгоценные попоны, четыре тысячи моих лошадей”. Бойла-Буюрук, убивший Яглакар-хана в уйгурской земле, гордо повествует: “Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без чис-

ла”. Есть и менее обеспеченные скотоводы, упоминающие о 60, 600, 1000 лошадей.³⁴

Археологические материалы также свидетельствуют о важной роли скотоводства в кыргызском хозяйстве. Анализ остеологического материала кыргызского поселения Малые Копены свидетельствует о преобладании костей мелкого рогатого скота (в разных культурных слоях от 50 до 60 процентов всех находок). На этом поселении найдены и кости лошади (25 и 18 процентов).³⁵ Поэтому можно с уверенностью говорить о подвижном, кочевом скотоводстве у населения. У кыргызов было принято класть в могилу мясо овцы: курдюк, конечности, ребра, иногда от десятка и более особей.³⁶ Даже в погребения детей клали мясо от четырех—семи овец.³⁷ В погребениях изредка встречаются фигурки овец, обложенные золотой и серебряной фольгой³⁸ — символы обильных стад.

В пользу подвижного, кочевого образа жизни свидетельствует не только многочисленность стад, но и характер кыргызских поселений и форма жилищ.

Как справедливо отмечала в 1948 г. Л.А.Евтюхова, “благодаря кочевому образу жизни основной скотоводческой массы кыргызского населения, очень мало известны и мало исследованы места их поселений”.³⁹ С того времени, несмотря на многочисленные исследования кыргызских древностей, положение мало изменилось. Изученные кыргызские поселения носят временный, сезонный характер. Это летние кочевья и зимники кыргызов-скотоводов. На данных стоянках не обнаружено каких-либо долговременных сооружений или постоянных жилищ. На таких сезонных поселениях осуществлялась выплавка металла и кустарное производство металлических изделий, изготовление других предметов домашнего ремесла в рамках натурального хозяйства.⁴⁰ Нет оснований называть кустарные железоплавильни и кузнечные горны “средневековыми заводами”⁴¹ и предполагать товарность производства.

Исследование крепостей и фортификационных сооружений кыргызского времени свидетельствует об отсутствии на их площади мощного культурного слоя и остатков каких-либо строений.⁴² Это позволяет считать их временными убежищами, куда стекалось окрестное кочевое население со своим скотом в случае военной опасности. Некоторые из этих “крепостей” явно не приспособлены для целей долговременной обороны и служили в качестве укрытий. Вполне возможно, что в эпоху великодержавия кыргызские каганы, аналогично правителям других кочевых государств, предпринимали попытки градостроительства, о чем свидетельствуют как письменные источники⁴³, так и раскопки глино-

битного “замка” в Уйбатской степи.⁴⁴ Впрочем, судить в полной мере о времени сооружения и назначении “замка” можно будет только после полной публикации материалов его раскопок.

Основным видом жилища кыргызов была разборная войлочная юрта. “Они живут в юртах и шатрах...”, — утверждает Худуд ал-Алам. Это подтверждает и Синь Таншу: “Ажо имеет местопребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоком, и называется “Мидичжи”. Начальники живут в малых палатках”.⁴⁵ Описание стойбища кыргызского кагана, известного в мусульманских источниках под названием Кемиджкет, заставляет сомневаться, можно ли именовать его городом. Скорее, это укрепленная ставка, орда. Что касается остальных кыргызов, то у них “нет, конечно, совсем ни деревень, ни городов, и все они селятся в шатрах”.⁴⁶ Шатры упоминаются и в рунических текстах.⁴⁷ На зимниках сооружались деревянные, вероятно, многоугольные жилища, крытые “древесной корою”.⁴⁸ Поэтому трудно согласиться с заключением Л.Р.Кызласова, что “крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили деревнями”.⁴⁹

Принадлежность кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов подтверждается обликом их материальной культуры, аналогичным культурам других кочевников Центральной Азии, в частности, древних тюрок и кимаков. Все специалисты, включая Л.Р.Кызласова, характеризуя комплексы, постоянно оперируют аналогиями из памятников степных районов Азии.⁵⁰ Такое единство материальной, а также духовной культуры, при различиях в экономической базе было бы необъяснимо.

Не выдерживает критики предположение, согласно которому кыргызы были вынуждены покинуть Монголию из-за невозможности заниматься земледелием, поскольку до их вторжения такие попытки на территории Монголии предпринимались уйгурами. Именно в результате вторжения кыргызов, уничтоживших Орду-Балык и окрестный земледельческий район, местное земледелие было уничтожено.⁵¹

Внешняя политика кыргызов была традиционной для всех кочевых держав региона и включала захват Центральной Азии, установление даннических отношений с империей Тан, подчинение Восточного Туркестана для контроля над участком Великого шелкового пути.

Все сказанное выше позволяет считать кыргызов кочевыми скотоводами. Таковыми застали кыргызов русские в XVII веке.⁵² И только с уходом кыргызов в начале XVIII века в Джунгарию и распространением русского пашенного земледелия началось постепенное вытеснение

культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов со Среднего Енисея.

В то же время в подвластных кыргызам землях обитали племена с иной направленностью хозяйственной деятельности.

В частности, письменные источники содержат разноречивые сведения о примитивных формах земледелия. В научной литературе эти данные иногда неоправданно связываются с серией случайно найденных земледельческих орудий, так называемыми “оросительными каналами”, и делается вывод о “высоком уровне развития” земледелия у кыргызов, основанном, будто бы, на “искусственном орошении”.⁵³ Внимательный анализ источников не дает оснований для подобных заключений. Характерно, что если чужеземные хронисты пишут о кыргызском земледелии достаточно подробно, то в рунических текстах о нем упоминается очень редко.⁵⁴ В этой связи, напрасно Л.Р.Кызласовым к числу таких упоминаний отнесено словосочетание “Йер Суу” (земля и вода)⁵⁵ в значении “родина” или, по другим данным, божество древнетюркского пантеона. Исследователю, считающему себя тюркологом не следовало бы отождествлять и путать понятия “родина” и “мой земельный участок”. Скорее всего, восточные летописцы, нередко писавшие о кыргызах с чужих слов, включили в сведения о земледелии, так же как и охоте, данные не только о кыргызах, но и о кыргызских кыштымах. Известно, что примитивное земледелие на Енисее сохранилось вплоть до прихода русских именно у кыштымов, на периферии Минусинской котловины. В самом кочевом обществе, в ходе седентаризационных явлений, беднейшая часть населения, потеряв скот, вытесняется из ведения кочевого скотоводческого хозяйства, оседает, начинает возделывать землю. Мобильность кочевого общества, участие в войнах позволяли таким бывшим кочевникам, при удачном стечении обстоятельств, вновь обрести скот и вернуться к привычной жизни. Именно этим может объясняться то обстоятельство, что земледелие у кыргызов, просуществовав многие сотни лет, не оставило следов долговременных постоянных поселений.

По мнению К.Урай-Кехальми кочевая государственность возникает в пограничных районах степи и тайги, объединяя типы кочевых скотоводов, подчинивших земледельцев и таежных охотников в единый экономический организм. Характерной чертой таких районов первичного зарождения кочевых государств являются “небольшие укрепления”, лишенные культурного слоя, которые “служили только складами и местами обороны во время военных столкновений”.⁵⁶ Подобная ситуация характерна для кыргызов в эпоху чаа-тас: зарождение государственности,

распространение крепостей-убежищ, господство скотоводства, подсобная роль земледелия у обедневших кыргызов и кыштымов. В эпоху великодержавия положение изменилось. Кыргызские каганы по образу других кочевых владык, вероятно, пытались расширить области земледелия для увеличения налоговых поступлений, ввозили из других стран земледельческие орудия. Однако эти попытки потерпели неудачу. В дальнейшем кыргызы сохраняли свой культурно-хозяйственный тип вплоть до XVIII века. Анализ памятников искусственного орошения привел В.Н.Федорова к выводу, что земледелие в экономике средневекового населения Минусы, “кочевого или полукочевого”, никогда не играло “такой большой роли, как скотоводство или охотничий промысел”, а оросительные каналы использовались для увлажнения пастбищ и водопоев.⁵⁷ Даже в XVIII веке, после ухода кыргызов и вхождения Минусы в состав России, только четверть коренного населения занималась земледелием.

Важную роль в хозяйственной жизни кыргызов-кочевников играла облавная охота на крупных копытных: изюбря, аргали, косулю и др. Об этом есть упоминания в письменных источниках, дополняемые изображениями на петроглифах. Загонная охота велась верхом, с использованием собак, лука и стрел.

Таежные кыштымы занимались также пушным промыслом, платили дань кыргызам “соболями и белкою”.⁵⁸ Пушнина служила важным предметом экспорта, наряду с мускусом, рогом хуту и лошадьми. В кыргызские земли за счет караванной торговли и грабежа попадали иноземные предметы роскоши: богато украшенное оружие, дорогая посуда, украшения, ткани, монеты. Караванная торговля в период существования кыргызского государства в Центральной Азии находилась в руках согдийских купцов. По сведениям источников, торговый караван из двадцати — двадцати четырех верблюдов снаряжался для путешествия на Енисей один раз в три года и затрачивал на дорогу 2 месяца.⁵⁹ С еще меньшей регулярностью осуществлялись торговые связи, пригон кыргызских лошадей в империю Тан.⁶⁰ Несколько оживился обмен с земледельческими странами после захвата кыргызами Центральной Азии. Не случайно именно к этому периоду относится большинство чужеземных вещей и монет из памятников кыргызской культуры на Енисее. Высказывалось мнение, что дальневосточные монеты имели обращение в пределах кыргызского каганата, о чем свидетельствуют редкие надписи руническим алфавитом на некоторых из них.⁶¹

Анализ приведенных выше сведений письменных источников и архео-

логических материалов позволяет отнести кыргызов к культурно-хозяйственному типу кочевых скотоводов. На территории кыргызского государства были представлены и другие культурно-хозяйственные типы таежных охотников и земледельцев, связанные экономическими отношениями со скотоводами.

Глава XII. ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Обмен и культурные связи между населением южных районов Сибири, Центральной и Средней Азии существовали с глубокой древности, поскольку эти регионы входят в единый природно-географический степной пояс Евразии, в пределах которого сформировался культурно-хозяйственный тип кочевых скотоводов. Первые дорожные трассы сложились по путям миграций древнего степного населения в связи с развитием колесного транспорта в бронзовом веке.¹ С освоением верховой езды в раннем железном веке караванные дороги протянулись в отдаленные северные окраины кочевого мира. Отражением торговых и культурных связей населения Саяно-Алтая с южными странами являются находки импортных вещей из Китая, Средней Азии и Ирана в курганах кочевников скифского времени.²

С началом функционирования с конца I тыс. до н.э. Великого шелкового пути, связавшего нити сухопутной караванной торговли в Евразии в единую трансконтинентальную магистраль, торговым связям Южной Сибири со Средней Азией и Восточным Туркестаном был придан новый импульс. Основными товарами, перевозившимися для продажи по Великому шелковому пути были предметы роскоши: украшения из драгоценных металлов и камней, дорогая утварь и оружие, одежда и ткани, а также редкое сырье и лекарства народной медицины. Южная Сибирь была поставщиком пушнины и других видов сырья. Особое место среди товаров караванной торговли, благодаря своим высоким потребительским качествам занимал шелк, который до середины I тыс. н.э. производился только в Китае.³ Торговля шелком широко использовалась китайской дипломатией в политических целях. Контроль над Великим шелковым путем стал важным объектом борьбы между оседло-земледельческими и кочевыми государствами Центральной, Средней и Восточной Азии в течение периодов древности и средневековья, поскольку он обеспечивал регулярный источник доходов. Важное место в этой борьбе занимал и контроль над северными ответвлениями Великого шелкового пути, по которым в южные страны вывозилась пушнина. В

конце I тыс. до н.э. определенный участок Великого шелкового пути и торговлю с Саяно-Алтаем удалось поставить под свой контроль хуннской державе. Торговые, культурные, этнические и политические связи населения Южной Сибири с Центральной Азией и странами, лежащими на Великом шелковом пути, значительно оживились. Вместе с хуннской администрацией в Саяно-Алтай двинулась часть центральноазиатского кочевого населения, а вместе с ним хлынул поток культурных новаций и импортных вещей, в короткий срок изменивших этнокультурный облик региона. В Южной Сибири при посредстве хуннов появляются: китайская архитектура, лаковая посуда, шелк, бронзовые зеркала, бусы, нефритовые подвески, ханьские монеты, хуннская гончарная керамика, хуннская одежда и вооружение. Судя по археологическим материалам наиболее интенсивные контакты в этот период были у населения юга Сибири с хуннами и империей Хань.⁴

После падения хуннской державы и власти ханьской империи над бассейном Тарима в сяньбийско-жужаньское время, положение в трансконтинентальной торговле существенным образом изменилось. Китай утратил монополию на производство шелка.⁵ В первые века н.э. шелковые ткани начали производить в оазисах Восточного Туркестана. С III века н.э. на Великом шелковом пути значительно возросла активность согдийских купцов, взявших в свои руки торговлю в кочевых государствах Центральной Азии.⁶ В этот период расширились контакты между Средней Азией и Южной Сибирью. В Саяно-Алтае появляются украшения полихромного стиля. Однако количество таких находок невелико. В степном Алтае обнаружено захоронение, близкое погребениям кенкольской культуры.⁷ Влияние кенкольской культуры нашло отражение в вооружении населения Горного и Степного Алтая, Тувы, Восточного Казахстана.⁸ В Туве получают распространение земляные курганы с катакомбным типом погребального сооружения.⁹ Встречается в катакомбных памятниках Тувы привозная гончарная посуда. Однако связи с Китаем, по-видимому, ослабели. В южносибирских памятниках II—V вв. н.э. не обнаружено монет китайских династий этого периода.¹⁰

На рубеже периодов древности и средневековья в долину среднего Енисея переселяются из района первоначального обитания, находившегося к северу от Карашара, у “Белых гор”, кыргызы.¹¹ Вероятно, они мигрировали или были переселены в Минусу в результате войн жужаней и гаогюйцев. В середине VI века степные просторы Евразии, включая Саяно-Алтай, были покорены тюрками.¹² Большую активность в торговой деятельности на землях Первого Тюркского каганата проявляли согдийцы.¹³ Тюркская знать, поставившая под свой контроль торгов-

лю на участке Великого шелкового пути через Восточный Туркестан и Притяньшанье, стала активным потребителем предметов роскоши, ввозимых согдийскими купцами в земли каганата. Огромные богатства, награбленные кочевниками в завоевательных походах, обменивались на импортные товары. По описаниям иноземных послов тюркская каганская ставка утопала в роскоши.¹⁴ В тюркских памятниках в Саяно-Алтае встречаются остатки одежды из шелковой ткани, пиршественная посуда из серебра, наборы позолоченных и серебряных украшений, пояса и сбруи, дорогое привозное оружие с чеканенными золотом надписями, золотые и серебряные серьги, бронзовые зеркала, перстни, бусы из полудрагоценных камней и стекла.¹⁵ Обычной находкой в тюркских памятниках являются китайские монеты танской династии, реже встречаются монеты и жетоны из Тюркешского каганата, Сассанидского Ирана и Византии. Велико было влияние согдийцев на тюрков в культурном отношении. В Первом Тюркском каганате получила распространение согдийская письменность.¹⁶ Во Втором Восточнотюркском каганате на ее основе была создана древнетюркская руническая письменность, получившая распространение у уйгуров, кыргызов и других тюркоязычных кочевников.¹⁷ К кочевникам через посредство согдийцев проникли мировые религии: буддизм, манихейство, несторианство.

В Уйгурском каганате так же велика была роль согдийцев.¹⁸ Уйгурские каганы заимствовали у согдийцев манихейство, провозгласив его государственной религией в каганате. Согдийцами были построены основные уйгурские крепости в Монголии и Туве. Заметным было влияние согдийских ремесленников на гончарное, кузнечное и ювелирное ремесла уйгуров.

В уйгурских городах проживало значительное количество согдийских торговцев, ремесленников, землевладельцев. По-видимому, засилье согдийцев в политической и экономической жизни уйгурского каганата способствовало недовольству телесских племен и привело к междоусобицам и падению каганата. В памятниках уйгурского зодчества прослеживается и танское влияние.¹⁹ Широкое распространение получила у уйгуров, байырку и других телесских кочевников торевтика с канонической манихейской и буддийской символикой.²⁰ Согдийцы в конце I тыс. н.э. основали свои фактории даже на землях курыкан в Прибайкалье.²¹

Кыргызы, обосновавшись в Минусе, в течение некоторого периода находились в зависимости от тюрков Первого каганата. Они были вынуждены поставлять им в качестве дани “оружие крайне острое”.²² Тюрки захватывали в кыргызских землях рабов — военнопленных.²³ Однако в VII веке н.э. кыргызы установили прямые дипломатические и торговые

отношения с империей Тан. Кыргызские посольства и торговые караваны неоднократно пригоняли в Китай лошадей для обмена, выкупали своих пленных соплеменников в VII—VIII вв. н.э.²⁴ Отражением этой торговли являются находки импортных предметов в кыргызских курганах чаа-тасах. В них обнаружена привозная лаковая посуда, золотые и серебряные блюда, кувшины, вазы, бронзовые зеркала, монеты, рельефы.²⁵ Многие из этих вещей попали на Енисей с торговыми караванами из Китая и Восточного Туркестана. Кыргызы вели активную торговлю и поддерживали дипломатические отношения с Тибетом, тюркешским и карлукским государствами.²⁶ Велико было влияние тюрков и уйгуров на кыргызскую культуру, проявившееся во многих сходных элементах вооружения, сбруи и украшений. Между тюрками и кыргызами существовали династические связи. В VIII в. н.э. кыргызы заимствовали у тюрков руническую письменность. Велико было влияние тюрков на кыргызов в военном, политическом и идеологическом отношениях.²⁷ Так же кыргызы заимствовали в Центральной Азии традиции гончарного производства. В VIII веке ими были восприняты многие мотивы орнаментации торевтики.

После разгрома уйгуров и образования Кыргызского каганата на просторах Центральной Азии в IX веке н.э., кыргызские каганы попытались поставить под свой контроль торговлю по Великому шелковому пути и навязать даннические отношения империи Тан.²⁸

К 40-м годам IX века относятся наиболее интенсивные дипломатические контакты кыргызов с империей Тан.²⁹ В это время кыргызские воины проводили военные операции против уйгуров в непосредственной близости от границ империи Тан, в Хэлочуани, Ордосе, южной Маньчжурии. В IX в. активные военные действия вели кыргызы в Восточном Туркестане, захватив ряд городов на трассе Великого шелкового пути.³⁰ В этот период на Енисей было ввезено большое количество танских бронзовых монет, зеркал, лемехов и отвалов плугов, лаковой и фарфоровой посуды. Кыргызы поставляли в Китай лошадей и меха. Значительно оживилась торговля кыргызов с тибетцами, карлуками, среднеазиатскими мусульманами.³¹

Караванная торговля из Тибета на Енисей шла в обход уйгурских земель через владения карлуков. Каждые три года к кыргызам направлялся “из Даши” караван из 20 верблюдов, груженых шелковыми тканями. Из Тибета, Восточного Туркестана и Средней Азии в кыргызские земли ввозили серебряную посуду, украшения из полудрагоценных камней, раковины каури, зеркала, дорогое парадное оружие. (Рис.

ХIII). Кыргызские женщины стали носить “платье из шерстяных и шелковых тканей”, полученных “из Аньси, Бэйтин и Дахя”.³²

Часть предметов иноземного происхождения, полученных в результате торговли и в качестве военной добычи, осела в погребальных памятниках эпохи великодержавия. Сами кыргызы продавали иноземным купцам меха соболей и других пушных зверей, мускус, “рог хуту”,³³ древесину “худанг”. Эти товары получали в виде дани с кыштымов. Вместе с вещами в кыргызские земли проникало культурное влияние.

В IX—X вв. н.э. в состав кыргызского этноса вошло и было ассимилировано большое число кыштымов, тюрок и других племен, из-за чего кыргызская культура приобрела “общекочевнический” характер. В то же время кыргызские правители делали попытки развития градостроительства, земледелия, введения денежного обращения.³⁴ Проникали в кыргызские земли и иноземные религии: бон, манихейство, буддизм.³⁵

После завоевания Центральной Азии кидаями, а затем монголами, в первой половине II тыс.н.э. торговля между Саяно-Алтаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией, входившими в состав монгольских государств, осуществлялась мусульманскими купцами.³⁶ Они ввозили на Енисей парчу, шелк, хлопчатобумажные ткани, серебряную, стеклянную, фарфоровую и лаковую посуду, зеркала, китайские монеты. Торговые фактории существовали в монгольских городах в Туве. Там же обнаружен мусульманский могильник.³⁷ Кыргызская культура первой половины II тыс. н.э. испытала на себе влияние монголоязычных кочевников в сфере военно-политического устройства, вооружения, конского снаряжения. На Енисей проникли монгольская письменность и буддийская религия, хотя они и не получили широкого распространения.

Трансконтинентальная торговля продолжала сохранять свое значение для торговых и культурных связей енисейских кыргызов с Центральной и Средней Азией и в период позднего средневековья.

Глава XIII. ВОЕННОЕ ДЕЛО КЫРГЫЗОВ

Военное дело енисейских кыргызов привлекло внимание ученых еще в начале XVIII в., вскоре после того, как прекратила существование их государственность в Минусинской котловине. В поле зрения исследователей попадали отдельные предметы средневекового оружия, сведения письменных источников о воинственности кыргызов, о их военных столкновениях с тюрками, уйгурами и монголами. По мере пополнения музейных коллекций возникла необходимость систематизации находок оружия. Такая работа была проделана с предметами вооружения, хранящимися в фондах Минусинского и Красноярского музеев в конце

XIX—начале XX вв. Д.А.Клеменцом и В.Г.Карцовым.¹ Однако лишь с выделением памятников кыргызской культуры С.А.Теплоуховым в 1929 г. появилась возможность определить среди оружейных коллекций вещи, относящиеся к кыргызской культуре.² Сведения о военной истории кыргызов из китайских, арабо-персидских и тюркско-уйгурских источников были переведены и обобщены в XIX—XX вв. В.Шоттом, Н.Я.Бичуриным, В.Радловым, В.В.Бартольдом и др.³ Наскальные рисунки, изображающие кыргызских воинов, были обнаружены и изданы И.Р.Аспелиным и Я.Аппельгрэн-Кивало.

Все это позволило в 40-х гг. Л.А.Евтюховой написать первый сводный очерк по военному делу кыргызов, который был помещен в ее книге.⁴ Он был очень кратким и содержал самые общие сведения. В дальнейшем работами археологов в Туве и Минусе в 50—60 гг. был существенно расширен круг вещественных источников, что открыло возможность для их систематизации и обобщения. Примеры изучения военного дела древних кочевников: скифов, сарматов, носителей тагарской культуры, а также Древней Руси показали важность такого исследования.

В начале 70-х годов изучением кыргызского оружия занялся автор настоящей работы. Первоначально рассматривались особенности военного дела средневековых кочевников всего степного пояса Евразии, закономерности формирования кочевой цивилизации. Однако анализ материала показал необходимость изучения военного дела кочевников на примере одной, развитой в военном отношении культуры, для создания аналитической модели, по которой можно исследовать военную деятельность во всем кочевом мире. Выбор в качестве объекта исследования вооружения и военного искусства енисейских кыргызов был обусловлен: высокой степенью развития оружейного комплекса у кыргызов, в составе которого были представлены все основные виды оружия, что давало возможность реконструкции; сосредоточением основного массива памятников кыргызской культуры на доступной для изучения территории Южной Сибири; надежным определением принадлежности этих памятников кыргызской культуре, благодаря известному в письменных источниках кыргызскому погребальному обряду трупосожжения.

Анализ состояния изученности этой проблемы позволил оценить вклад предшественников и сформулировать задачи предстоящего исследования: систематизация материалов по вооружению; типологическая классификация оружия; реконструкция комплекса боевых средств, военной организации, военного искусства, событий военной истории кыргызов.

В первые годы работы были изучены материалы из музейных собра-

ний, обобщены данные по рубящему оружию, колчанам, комплексу вооружения енисейских кыргызов. С 1975 года было начато планомерное изучение памятников кыргызской культуры в Минусинской котловине, в ходе которого сформировалась большая коллекция кыргызского оружия. В результате анализа новых находок из раскопок в Туве и Минусе была прослежена эволюция кыргызских луков, стрел, копий, реконструированы: комплекс боевых средств кыргызского воина, структура военной организации, особенности военного искусства кыргызов. Изучение письменных источников позволило уточнить последовательность событий военной истории, ход военных действий в кыргызско-уйгурской войне IX в.

Автором разрабатывались вопросы теории и методики оружиеведения на материалах кыргызского вооружения, в том числе методы классифицирования оружия, определение веса признаков для выделения единиц классификации, верификации классификационных схем. Результаты изучения военного дела кыргызов нашли отражение в монографии автора, вышедшей в 1980 году.⁵ В книге формулировались задачи оружиеведческого исследования; рассматривалась история изучения предмета; анализировалось оружие ближнего, дистанционного боя и защиты; реконструировались: комплекс боевых средств, структура военной организации, военное искусство, военная история кыргызов VI—VII вв. Работа получила положительную оценку у специалистов.

Однако с ее выходом в свет тему нельзя было считать исчерпанной.

В ходе раскопок последующих лет существенно расширилась источниковая база. Памятники кыргызской культуры были обнаружены в Западной Сибири, на Алтае, в Казахстане, в Монголии, Прибайкалье и Забайкалье. Коллекции кыргызского оружия выявлены в музеях Поволжья и Сибири.

Автором были введены в научный оборот находки кыргызского оружия из фондов Омского, Бийского и Иркутского музеев, опубликована серия предметов вооружения из раскопок в долине р.Табат.⁶ Новые данные нашли отражение в анализе закономерностей развития военного дела кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья.⁷

Сравнительный анализ показал, что по уровню развития в IX—X вв. военное дело кыргызов превосходило другие кочевые культуры.

В настоящий момент необходимо обобщить все имеющиеся данные по военному делу кыргызов, включая периоды раннего и развитого средневековья.

Особенности военного дела кыргызов в конце I тыс. до н.э. — первой

половине I тыс. н.э., когда они обитали в Восточном Туркестане, вели войны с хуннами и жужанями, вступали в союзные отношения с гао-гуйскими динлинами, остаются не изученными. Археологические памятники ранних кыргызов — гянгуней не обнаружены.

С VI в. кыргызы известны на землях к северу от Саян, на среднем Енисее. Вероятно, они переселились в Минусу в конце V — начале VI вв. в результате войн динлинов и гянгуней с жужанями и тюрками. С этого времени на Енисее в течение периода средневековья существуют кыргызская культура, этнос и государственность, пережившие в своем развитии несколько исторических эпох.

В эпоху чаа-тас, в VI—VIII вв. н.э., кыргызы смогли закрепиться в степных районах Минусы, подчинить племена, попавшие на положение вассалов, образовать собственное государство во главе с правителем, носившим титулы — эльтебер, ажо, пицьсе-тегин, иногда принимавшим титул — каган.

Кыргызские войны имели на вооружении сложносоставные луки с концевыми и срединными боковыми накладками и стрелы с железными трехлопастными наконечниками различных форм. Наконечники имели остроугольное острие, узкие или широкие лопасти с отверстиями, шипы. Стрелы с трехлопастными наконечниками отличались дальнобойностью и точностью попадания. В походном положении стрелы хранились в закрытых колчанах из бересты, куда помещались наконечниками вниз. Колчаны с помощью ремней, петель и крюка подвешивались к поясу воина.

В ближнем бою кыргызские всадники применяли ударное копье с длинным древком и железным наконечником с ромбическим пером и длинной втулкой, пользовались длинными и короткими двулезвийными мечами с прямым перекрестьем и боевыми топорами с узким лезвием и высоким обухом. В рукопашном бою могли применяться прямые двулезвийные и однолезвийные кинжалы, а также кинжалы с рукоятью, отогнутой в сторону лезвия.

Для защиты кыргызские воины применяли нагрудные панцири из горизонтальных нашивных пластин и ламеллярные доспехи из вертикальных, соединенных ремешками пластинок. Использовались также шлемы, накладные щитки и щиты. (Рис. XIV, XV)

Воины-кыштымы были легковооруженными конными лучниками. У них имелись сложносоставные луки, стрелы с железными трехлопастными и костяными ромбическими наконечниками, колчаны, кинжалы.

Кыргызское войско в VI—VIII вв. н.э. представляло собой ополчение отдельных родов, племен, бегских дружин. Основу войска составляла

легкая конница. При формировании и построении войска боевые единицы строились по родо-племенному принципу, разделение по родам войск и численности отдельных отрядов не соблюдалось. Такое войско не было достаточно сплоченным и дисциплинированным. Его стойкость в бою во многом зависела от успеха в начале сражения. Роль полководца сводилась к построению войска, расположению отдельных отрядов.

Главную роль в тактике играл рассыпной строй. Бой начинался атакой конных лучников и метанием стрел в противника. В случае неудачи первого натиска наступавшие откатывались на определенную дистанцию для повторения атаки. При замешательстве в рядах противника в бой вступали главные силы, использовавшие длинные ударные копья. При ответном ударе противника кыргызы пытались сдержать натиск, а если не удавалось, отступали.

Кыргызы в VI—VIII вв. н.э. прочно удерживали под своей властью Минусу и окрестные таежные племена кыштымов. Однако в войнах с кочевыми державами тюрок и уйгуров они нередко терпели поражения, даже временно теряли самостоятельность. Их стратегия в этот период была преимущественно оборонительной. Театр военных действий ограничивался Минусинской котловиной и Тувой.

Последующий период, охватывающий IX—X вв. н.э., справедливо названный В.В.Бартольдом “кыргызским великодержавием”, был временем наивысшего расцвета военного искусства кыргызов, эпохой наиболее значительных побед кыргызского оружия.

В этот период кыргызы, используя благоприятную для них ситуацию в Центральной Азии, смогли объединить племена Саяно-Алтая, создать свой каганат, разгромить в кровопролитной войне уйгуров и на короткий период завоевать обширные районы степной Азии.

Кыргызские воины эпохи великодержавия имели сложносоставные луки со срединными боковыми и фронтальными накладками. Очень разнообразен был набор кыргызских стрел с железными наконечниками. Среди неброневой стрел зафиксировано 11 типов трехлопастных, 2 двулопастных, 1 четырехлопастная, 7 плоских. Спектр броневой стрел включал 5 типов трехгранно-трехлопастных, 2 четырехгранно-четырёхлопастных, 2 трехгранных, 6 четырехгранных, 1 ромбической, 1 прямоугольной, 2 круглых. Такого большого разнообразия форм не зафиксировано пока ни в одной другой кочевой культуре средневековья. Особенно развитым выглядит кыргызский комплекс броневой стрел, намного превосходящий по разнообразию форм все остальные синхронные наборы. Для него характерно наличие граненно-

выемчатых форм, тупоугольное и остроугольное острие у наконечников, специализация на пробивание панцирной брони или раздвижение колец кольчуги. Существенно и то, что многие формы характерны только для кыргызов. Все это говорит о значительном развитии оружейного ремесла в кыргызских землях, стимулом для которого послужила война с уйгурами.

В IX—X вв. н.э. кыргызские воины хранили луки в специальных чехлах — налучьях со снятой тетивой. Стрелы хранились в колчанах с карманом, наконечниками вверх. Налучья и колчаны крепились с помощью ремней, петель и крючьев к поясу.

В ближнем бою кыргызы пользовались ударными копьями и пиками с длинным древком и железными наконечниками разнообразных форм: с ромбическим, квадратным и круглым пером. На древки копий крепились флаги и знамена.

В ближнем и рукопашном бою применялись получившие широкое распространение однолезвийные палаши различных типов и появившиеся слабоизогнутые сабли. Сравнительно редко использовались боевые топоры с узким лезвием и невысоким обухом.

В рукопашном бою шли в ход двулезвийные и однолезвийные кинжалы. Для защиты кыргызские воины применяли панцири-куяки из вертикально расположенных пластинок, соединенных ламеллярным или чешуйчатым способом. Использовались также шлемы и накладные щитки. В снаряжение боевого коня входила защитная попона с накладными щитками (Рис. XVI, XVII). Воины кыштымы были вооружены луками и стрелами, теслами и кинжалами, защищены накладными щитками.

Кыргызы создали в IX—X вв. н.э. военно-административную систему с делением народа-войска по десятичному принципу на десятитысячные и пятитысячные отряды, возглавляемые военачальниками четырех рангов. Войско насчитывало 30 тысяч тяжеловооруженных кыргызских всадников и 70 тысяч легких кавалеристов из вассальных племен.

С разделением кыргызского воинства на два рода войск — тяжелую панцирную и легкую конницу — существенно изменилась тактика боя. В ходе сражения происходило взаимодействие легкой и тяжелой конниц. Бой начинали отряды легкой конницы, охватывающей построение противника по фронту и с флангов, ведущей прицельную стрельбу из луков. В ходе атаки всадники стремились сломить сопротивление врага или спровоцировать его наступление притворным бегством. При нарушении строя, замешательстве или атаке противника в бой вступали отряды тяжелой конницы, атакующие плотно сомкнутым строем. Атака велась на большой скорости, повышая мощность удара копий. В ее ре-

зультате, как правило, решалась участь боя. Если противник продолжал сопротивляться, воины усиливали натиск, атакуя палашами, саблями, боевыми топорами.

Когда враг не выдерживал и пытался бежать, его преследовали, нанося полное поражение.

Кыргызы умели сооружать, оборонять и брать крепости. Войско могло совершать длительные походы. Войны велись с большим ожесточением с целью запугать противника, заставить его покориться. В то же время в кыргызском войске поддерживалась суровая воинская дисциплина.

Эпоха великодержавия характеризуется в военной истории кыргызов наступательной стратегией. Возросли масштабы операций. В сражениях под знаменами кыргызского кагана участвовало до 70—100 тысяч воинов. Театр военных действий расширился от Саяно-Алтая до Восточного Туркестана и Забайкалья. Целью войны, которую вели кыргызы, являлась гегемония в Центральной Азии и подчинение земледельческих оазисов Восточного Туркестана. Однако истощение людских ресурсов и их распыление на обширных территориях привели к быстрому упадку военной мощи Кыргызского каганата и концу эпохи великодержавия.

В последующую историческую эпоху, в XI—XII вв. н.э. кыргызский этнос оказался разделен на две территориально разобщенные группы в результате завоевания центральноазиатских степей киданями. Одна группа осталась в Восточном Туркестане. Другая сохранила за собой Саяно-Алтай. В этом регионе кыргызская культура пережила новую эпоху своего развития — “эпоху сууктэр”.

Кыргызские воины в этот период были вооружены сложносоставными луками со срединными и плечевыми фронтальными накладками. Стрелы имели железные наконечники различных форм: 4 типа трехлопастных, 9 типов плоских, 3 типа трехгранно-трехлопастных, 1 тип четырехгранно-четырёхлопастной, 6 типов четырехгранных, 2 типа ромбических, 2 типа прямоугольных. Для своего времени это наиболее разнообразный набор стрел. В его составе, в сравнении с предшествующим временем, произошли существенные изменения. Среди неброневой введущими стали плоские стрелы, что свидетельствует об увеличении скорострельности стрельбы. Среди броневой возросло количество стрел с тупым острием — панциробойных и противокольчужных. Стрелы хранились в колчанах открытого типа, с карманом, наконечниками вверх, крепившихся ремнями, петлями и крючьями к поясу.

В ближнем бою кыргызы пользовались копьями с ромбическими наконечниками и пальмами* с трехгранными однолезвийными наконечниками. В рукопашном бою широко применялись однолезвийные палаши, сабли с прямым и слабоизогнутым клинком. Сравнительно редко

* Пальма—рогатина, нож на древке, широкий и длинный нож (ред.)

применялись боевые топоры с узким лезвием и низким обухом. Использовались и прямые однолезвийные кинжалы. Основным видом защиты были панцири-куяки, составленные из узких, ламеллярно или чешуйчато соединенных пластин. Вошли в употребление кюяки с покрытием из широких пластин, крепившихся заклепками к подкладке. Голову защищали сфероконическим шлемом из 6 пластин с обручем и навершием. (Рис. XVIII, XIX)

Воины-кыштымы были вооружены луками и стрелами, теслами и кинжалами.

Военно-административная система, сложившаяся у кыргызов в эпоху великодержавия, с распадом их государства на отдельные княжества изжила себя, хотя ее отдельные элементы продолжали действовать, в частности, десятичный принцип формирования войска. Основной войсковой единицей стали десятитысячные отряды-тумены, формируемые отдельными владениями, во главе которых стояли правители — иналы. В подчинении иналов находились мелкие владетели — беги. Войско каждого владения формировалось из дружин инала и бегов и ополчения вассальных племен — кыштымов. Основу войска составляли воины-дружинники, хорошо вооруженные и оснащенные.

С изменением характера вооружения и численности войск изменилась и тактика боя. Сократилась дистанция полета стрелы и увеличилась частота стрельбы. Войска смогли сходиться на более близкое расстояние. Применение копий и палым повысило интенсивность ближнего боя. Использование сабли повысило эффективность и усложнило приемы фехтования. В целом возросла интенсивность конного боя. Повысилась роль и продолжительность ближнего и рукопашного боев в ходе сражения.

Кыргызы в этот период сооружали крепости-убежища, где укрывались в момент военной опасности.

Этот период в истории войн кыргызов характеризуется оборонительной стратегией. Театр военных действий ограничивался Саяно-Алтайским нагорьем и прилегающими районами северо-западной Монголии. Масштабы операции значительно сократились. Войны велись ради гегемонии между княжествами. Сопrotивление внешнему натиску значительно ослабло.

Последующая монгольская эпоха принесла кыргызским княжествам утрату политической самостоятельности. В XIII—XIV вв. н.э. кыргызы

вошли в состав Монгольской империи и их военные формирования стали частью монгольской армии. Военные отряды кыргызов несли охранную службу монгольской столицы Каракорум. В качестве военных поселенцев группы кыргызов были расселены в Маньчжурии и Северном Китае. Утрата независимости привела к застою в военном деле кыргызов.

В эту эпоху кыргызские воины были вооружены сложносоставными луками со срединными фронтальными накладками. Стрелы имели железные наконечники, из которых: 3 типа трехлопастных, 10 плоских, 2 зигзагообразных, 3 четырехгранных, 1 прямоугольный. Среди небронеподобных стрел продолжало увеличиваться количество форм плоских стрел. Появились стрелы с зигзагообразным сечением пера, проворачивающиеся в полете. Значительно сократилось количество типов бронеподобных стрел. По-видимому, в дистанционном бою кыргызская конница стала действовать в основном против легковооруженного противника. Ее возможности в стрельбе по панцирным всадникам значительно уменьшились.

Стрелы хранились в колчанах. Однако детали колчанов в памятниках этого периода не обнаружены.

В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины фехтовали саблями и действовали кинжалами. Другие виды оружия ближнего боя в памятниках кыргызской культуры не найдены. Для защиты применялись панцири-куяки из узких пластинок ламеллярного принципа крепления и широких пластин, крепившихся изнутри к матерчатой основе с помощью заклепок. Защитой для головы служил шлем. (Рис. XX) Воины-кыштымы были вооружены луками и стрелами, теслами и кинжалами.

Монголы распространили на кыргызские земли азиатскую десятичную систему деления войска и народа, подобную той, что была принята в Тюркском и Кыргызском каганатах. Все население Минусы было сформировано в один туман войска. Позже территория Саяно-Алтая была поделена на несколько округов. Во главе администрации были поставлены чиновники на монгольской службе. Кыргызы смогли сохранить свое положение ведущей этнической группы. Однако из-за участия в междоусобных войнах Чингизидов в борьбе за ханский престол и переселения в другие районы Монгольской империи, их численность сократилась. Усилились отдельные племена кыштымов.

Судя по изменениям в вооружении, кыргызские военные отряды в Монгольское время представляли собой подразделения конных лучников, имевших средства ведения ближнего рукопашного боя и защиты. В тактическом отношении у них должна была возрасти роль дистанцион-

ного боя, стрельба по легковооруженному противнику. В условиях ближнего боя их боеспособность снизилась.

К этому времени относится создание кыргызами системы крепостей-убежищ в труднодоступных местах, где население скрывалось от врага.

В этот период кыргызы лишились своей государственности и не смогли осуществлять самостоятельной стратегии, участвуя в войнах в составе монгольских войск и неся охранную службу. Однако, несмотря на утрату независимости и сокращение численности населения, они смогли сохранить в качестве основного района обитания Минусинскую котловину, где позднее существовали кыргызские княжества.

Последующий период истории военного дела кыргызов в эпоху позднего средневековья пока не может быть охарактеризован из-за недостатка материала.

Военная история кыргызов в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане в эпоху развитого средневековья известна по фрагментарным сведениям письменных источников и данным эпоса. Она должна быть рассмотрена в рамках специального исследования.

Глава XIV. РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗОВ

Проблема религии енисейских кыргызов в эпоху средневековья интересовала многих ученых. Н.Я.Бичурин, приведя данные об их шаманизме и сведения из летописи Синь Таншу, высказал предположение, что название каганской ставки “Мидичжи” означает “мечеть, храм мусульманский”.¹ Это предположение, не имеющее под собой достаточных оснований, было использовано позднее В.Огородниковым для отстаивания тезиса о распространении на Енисее ислама.²

Анализ разноязычных источников, предпринятый в 1927 г. В.В.Бартольдом, привел его к убеждению, что “кыргызы несомненно были шаманистами, и к этой религии относятся слова Абу Дулафа о молитвах и мерной речи. Для обозначения шаманов у кыргызов, как и у других тюрок, было слово “кам”, в енисейских надписях (как и в орхонских) этого слова нет, но оно приводится в Тан-шу, в рассказе о киргизах. Замечательно, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком-либо успехе среди киргизов буддийской или мусульманской пропаганды”.³ Наличие у кыргызов тотемизма и культа Умай отметил А.Н.Бернштам.⁴

Весьма подробно рассматривал эту проблему С.В.Киселев. Приведя из танской династийной хроники сведения о шаманизме кыргызов, автор осторожно заметил, что “постоянные сношения кыргызов с народа-

ми, принявшими буддизм и мусульманство, очевидно, не прошли для них даром и в религиозной сфере”. Он подкрепил свою мысль сообщением Абу Дулафа о том, что у кыргызов “есть дом богослужений” и что они знают “мерную речь”, которой они пользуются во время молитвы, а молясь, обращаются к югу. С.В.Киселев справедливо оценил эти известия как свидетельство усложнения религиозной обрядности кыргызов, связанной с образованием государства. Однако о принятии кыргызами какой-либо религии, соответствующей потребностям достигнутой ими ступени социального развития, по мнению С.В.Киселева, в источниках нет ясных известий. Он склонен согласиться с мнением об отсутствии следов проникновения буддизма на Енисей. Единственный, отмеченный им памятник, это отлитая из бронзы скульптурная группа из с.Батени, изображающая Будду, бодисатв и льва, относящаяся к IV—VI вв. н.э. Однако наличие на ней иероглифической и уйгурской надписей заставляет предполагать, что этот предмет попал к кыргызам от уйгуров в качестве трофея, захваченного в ходе победоносной войны IX в. По мнению С.В.Киселева, более вероятно проникновение к кыргызам ислама, хотя определенных данных на этот счет нет. Он подверг критике мнение Н.Я.Бичурина и В.Огородникова о наличии мечетей у кыргызов. Однако при этом не исключал возможности распространения ислама у кыргызов, поскольку в ходе раскопок С.А.Теплоухова в Туве были обнаружены мусульманские захоронения.⁵

Новое направление в изучении этого вопроса предложил С.Г.Кляшторный, по-новому интерпретировавший в 1959 г. Суджинскую руническую надпись. Он пришел к выводу, что “к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и более широких слоев, получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов”. По мнению автора, несторианство проникло к кыргызам от карлуков, тесный союз с которыми и борьба с уйгурами-манихеями явились “теми политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников”.⁶ С.Г.Кляшторный интерпретировал некоторые кыргызские тамги в качестве крестов — “символов Голгофы”, а некоторые рисунки Подкаменной писаницы как изображения несторианских служителей культа. Позднее, после открытия тепсейских рисунков, выяснилось, что Подкаменная писаница должна относиться к таштыкской культуре.

Однако мнение о несторианстве на Енисее поддержал Е.И.Кычанов.⁷ Между тем, как сам С.Г.Кляшторный обнаружил “в кыргызских надпи-

сях на енисейских стелах” “буддийские мотивы”.⁸ Л.Г.Нечаева впервые отметила “буддийскую символику в кыргызской торевтике”.⁹ Позднее это мнение поддержали Л.М.Хаславская, Ю.С.Худяков, Г.Г.Король, Н.В.Леонтьев.¹⁰ В работе С.Г.Кляшторного и Е.И.Лубо-Лесниченко отмечены буддийские кыргызские надписи из Восточного Туркестана.¹¹

Л.Р.Кызласов, характеризуя религиозные воззрения кыргызов, привлек сведения китайских и мусульманских авторов. Основываясь на термине “марамыз” из текста Суджинской надписи и сообщениях Абу Дулафа о молитвах и мерной речи, он предположил, что у кыргызов в IX в. было распространено манихейство, впоследствии вытесненное шаманизмом.¹²

Манихейская символика в южносибирской торевтике отмечалась в работах Ю.С.Худякова.¹³

Открытие А.Д.Грачом в курганах из Саглынской долины берестяных грамот с тибетскими шаманскими заклинаниями расширило круг источников о религии кыргызов.¹⁴ Вполне вероятно, что кыргызы были знакомы с тибетской религией бон. По мнению М.И.Воробьевой-Десятковской, найденные в Саглынской долине тексты свидетельствуют о том, что кыргызы были знакомы с распространенной в Тибете практикой отпугивания злых духов.¹⁵

Религиозные воззрения и культовая практика кыргызов привлекли внимание китайских хронистов в середине XI в., когда их войска, сокрушив Уйгурский каганат, прорвались на просторы Центральной Азии. Наиболее интенсивные контакты, включая обмен посольствами, между Кыргызским каганатом и империей Тан относятся к 40-м годам IX в.¹⁶ Именно в этот период танским летописцам стали известны некоторые данные об отправлении кыргызами религиозного культа, нашедшие отражение в Синь Таншу. Эти сведения очень кратки. “Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань (кам)”.¹⁷

Сообщение не оставляет сомнений о наличии у кыргызов практики обрядовых жертвоприношений. Принесение жертв духам в открытом поле предполагает участие в этих церемониях значительного количества людей. Возможно, это были общеродовые или общеплеменные религиозные празднества, подобные зафиксированному в период этнографической современности в Минусинской котловине обряду жертвоприношения небу у бельгыр.¹⁸ Наличие коллективных культовых мероприятий и шаманских камланий не привлекло особого внимания танских летописцев. Приводимые ими сведения лишены подробностей.

Более детально описаны шаманские камлания у кыргызов мусульман-

ским автором XI в. Гардизи: “Среди них есть люди, которых называют фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и приобретают все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей частью бывает так, как он сказал”.¹⁹ Иступленный танец шамана под звуки бубна и флейты,²⁰ “общение” с духами, предсказание событий имеют много общего с шаманским культом тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии.²¹ Вероятно, кыргызские шаманы занимались и врачеванием, хотя прямых указаний на этот счет в источниках нет.

Шаманизм продолжал бытовать у кыргызов и позднее, что подтверждается сообщением о шаманах-фагинунах и их предсказаниях мусульманского автора XII в. Марвази.²²

Традиции шаманизма, сохранившиеся в кыргызской среде в течение многих веков, должны были найти отражение в материальной культуре. Однако атрибуты шаманского культа, обычные для сибирских шаманов, — металлические детали шаманского костюма и головного убора, подвески, детали бубнов и колотушек, — при раскопках кыргызских памятников не встречались. Этому могут быть разные объяснения. Шаманов, общающихся с “потусторонним” миром, принято было хоронить не на общеродовых или дружинных кладбищах, а в удаленных труднодоступных местах.²³ По представлениям некоторых народов, атрибуты шаманского культа не должны были сопровождать умершего шамана в могиле, дабы он не мог использовать их во вред живущим. Эти вещи передавались новому шаману. Обряд камлания у кыргызов мог совершаться с использованием атрибутов, не характерных для позднейшего сибирского шаманства, например, лука и стрел, панцирных доспехов, меча, знамени, плети, светильника, чаши с водой, деревянных кукол.²⁴ Среди многочисленных серий случайных находок из Минусинской котловины имеются шумящие подвески, бубенцы, подвески-личины, подвески в виде летящей птицы, подвески с изображением рыб,²⁵ которые датируются IX—X вв. н.э.²⁶ Эти предметы имеют определенную культурную символику.

Согласно Гардизи, “некоторые из них поклонялись корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям”.²⁷ Вероятнее всего, речь идет о тотемах отдельных кыргызских родов или племен. По мнению А.Н.Бернштама, тотемические представления кыргызов отразились в некоторых рунических над-

писях. В тексте памятника с Бегре говорится от имени героя: “Семь волков я умертвил, барса и оленя я не убивал”.²⁸ Известно, что волк являлся тотемом тюркского каганского рода Ашина, а барс, вероятно, был тотемом кыргызского каганского рода Иди.²⁹ Родовое имя “Барс” входило в состав титулатуры ряда представителей высшей кыргызской знати, включая знаменитого кагана Барс-бега, известного по надписям VIII в. н.э.³⁰ Из божеств кыргызского пантеона в рунических надписях чаще всего упоминаются “Тэнгри” (Небо) или “Кок-Тэнгри” (Голубое небо). Герой рунического памятника с Элегеста горюет, что перестал “ощущать Солнце и Луну на голубом небе”.³¹ Вряд ли это выражение надо воспринимать как сентенцию “кладбищенской поэзии”. Скорее всего, данная формула отражает представление о смерти как о переходе из мира живых, где властвует всемогущее “Голубое Небо” и сияют Солнце и Луна, входящие в состав небесного пантеона, в подземное темное царство мертвых. Герой второго памятника из Тувы утверждает: “Небо мое (божество) — крыша нам”.³² Нетрудно заметить, что верховное божество кыргызского пантеона тождественно тюркскому. У древних тюрков оно еще более персонифицировано. “Вверху Небо (так) соизволило...”,³³ — утверждает герой третьего памятника с Уйбата, который был установлен в честь тюркского воина — участника похода на кыргызов в составе войска Тоньюкука, Кюль-тегина и Могиляна в 711 г. н.э.³⁴

Рунические надписи сообщают и о другом божете кыргызского пантеона Умай, чье имя содержится в титулатуре героя первого памятника с Алтын-Келя: “Это наше имя Умай-бег, мы — наследственный муж герой”.³⁵ Важность такого отождествления в свое время отметил А.Н.Бернштам.³⁶

Предпринятая Г.В.Длужневской реконструкция иконографии образа Умай по древнетюркским материалам, в виде женской фигуры в трехрогом головном уборе,³⁷ позволяет выделить стилистически близкие изображения в наскальном искусстве кыргызов, в частности на Сулекской писанице.³⁸

В рунических памятниках кыргызов есть упоминания и об “Иерсу” — “Священной земле-воде” (Родине) у древних тюрков, которая некоторыми исследователями также трактуется как божество.³⁹

Важное место в религиозных представлениях кыргызов как и у древних тюрков, занимал культ огня. Огонь представлялся очистительной священной стихией и в силу этого играл особую роль в погребальном обряде. Как сообщается в Синь Таншу, кыргызы “обертывают тело покойного в три ряда и плачут, а потом сжигают его; собранные же кости через год погребают. После чего в известные времена производят

являются изображения солнечных лучей и пламени. Подобные орнаментальные мотивы очень широко распространены в тюретике Южной Сибири конца I тыс. н.э. Бляшки с подобной символикой встречаются в памятниках уйгуров, древних тюрок, кыргызов.⁵⁵ Распространению манихейства среди кыргызов могли способствовать уйгуры-манихеи из числа сподвижников полководца-изменника Гюйлу Мохэ, перешедшего на сторону кыргызов и способствовавшего их победе в войне.⁵⁶

Этот же символ известен в буддийском искусстве как изображение “пламенеющей жемчужины”.⁵⁷ Широкое распространение в кыргызской тюретике IX—X вв. получили и другие буддийские символы: “узел счастья”, “цветок смоквы”, “лотос”⁵⁸ и др. В источниках есть прямые свидетельства распространения буддизма среди кыргызов, проникших в IX в. в Восточный Туркестан. В Дуньхуане обнаружены записанные тибетским письмом буддийские тексты, выполненные по заказу представителя “княжеского дома страны Кыргыз”.⁵⁹ В Яр-Хото найдены буддийские надписи, выполненные на стенах пещеры руническим письмом кыргызами, проникшими в Восточный Туркестан. Из Восточного Туркестана происходит бронзовое зеркало с енисейской рунической надписью.⁶⁰ Все это свидетельствует о том, что в IX—X вв. буддизм получил известное распространение среди кыргызов.

Военный союз Кыргызского каганата с Тибетом способствовал проникновению в кыргызскую среду тибетской религии бон.⁶¹

Находка в кыргызском кургане IX—X вв. на юге Тувы фрагментов тибетских “берестяных грамот” с записями имен демонов может свидетельствовать о принятии этих верований частью кыргызов.⁶²

Завоевание кыргызами Восточного Туркестана сделало их соседями мусульманских государств Средней Азии. В период развитого средневековья восточнотуркестанские кыргызы, оторванные от Саяно-Алтая, испытали сильное исламское влияние. Под влиянием “соседей-мусульман” они оставили традиционный обряд кремации и стали хоронить умерших. Среди кыргызов появляются люди с мусульманскими именами. Так вождем кыргызов в середине II тыс. н.э. был человек по имени Мухаммед. В течение II тыс. н.э. произошла исламизация кыргызского населения Тянь-Шаня.

В то же время енисейские кыргызы до начала XVIII в. оставались шаманистами. Несмотря на то, что под влиянием монголов к ним проникает ламаизм, до момента своего насильственного переселения в Джунгарию в 1703 г. кыргызы сохраняли приверженность шаманизму.

Глава XV. ЕНИСЕЙ И ТЯНЬ-ШАНЬ

Вопрос об этническом родстве кыргызов Енисея и Тянь-Шаня и о происхождении современного кыргызского народа от енисейских кыргызов давно волнует ученых.

Одним из первых в отечественной историографии такое предположение высказал Г.Ф.Миллер.¹ Вслед за ним И.Э.Фишер предположил, что кыргызы были переселены с Енисея на Тянь-Шань джунгарами в конце XVII в. по договору с Россией.² Это мнение разделяли К.Риттер, Ю.Клапрот и др. Особой позиции придерживался Н.Я.Бичурин, считавший кыргызов Енисея и Тянь-Шаня разными народами. В распоряжении ученых XVIII — начала XIX вв. были русские исторические документы, повествующие о енисейских кыргызах XVII в. н.э., и китайские хроники династий Хань, Тан и Юань. Интересовавшийся данным вопросом Ч.Ч.Валиханов попытался привлечь к его решению сведения из сочинения Абул-Гази-хана и исторические предания кыргызов. У него сложилось впечатление, что кыргызы никуда не переселялись, поскольку в преданиях “самого народа, который совершенно опровергает это, не знает и не помнит о движении своем и единогласно считает своей родиной горы Анджанские, невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы (выходцы) анджанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т.е. в горах от Кашгара до Анджана, издавна”.³ Впрочем “издавна” для Ч.Ч.Валиханова означает “до XVII в.”, т.е. он опровергает возможность переселения кыргызов джунгарами в XVII в. на Тянь-Шань, но не более того. “При всем том развить этот вопрос до известной ясности, принимая первое — дикокаменных киргизов за один и тот же народ с сибирскими киргизами, но переселившийся до Чингиз-хана или современно ему в Восточный Туркестан; второе, что сибирские киргизы исчезли не от переселения, как поняли прежде, а ушли вследствие неблагоприятных (обстоятельств), (и) живут на тех же местах, где жили прежде”.⁴ Тем самым он допускал возможность переселения кыргызов из Сибири в Восточный Туркестан в домонгольское или монгольское время.

В.В.Радлов, основываясь на состоянии изученности этого вопроса в середине XIX в., поначалу относил переселение кыргызов с Енисея на Тянь-Шань ко времени возвышения кыргызского государства в IX в. Но со временем он изменил свою точку зрения и высказал предположение, что кыргызы были вытеснены с первоначальных мест обитания к югу от Саян монголами в XIII в.⁵ по трем направлениям: одна группа на Тянь-Шань, другая в Минусу, третья к северу от Саян. При

этом В.В.Радлов опирался на данные этнографии и языкознания.

Используя материалы о родо-племенном составе кыргызов и версию китайских источников о тождестве терминов “бурут” и “Болуй”, Н.А.Аристов высказал предположение о том, что кыргызы под названием усуней обитали на Тянь-Шане еще с III в. до н.э.⁶ В.В.Бартольд первоначально считал, что кыргызы переселились на Тянь-Шань с Енисея в IX—X вв. Однако, обобщив в 1927 г. все известные сведения китайских и мусульманских источников, он пришел к выводу, что “только в XVI в. впервые упоминаются киргизы в той местности, где живут они теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда попали”.⁷ Ему возразил Г.Е.Грумм-Гржимайло, заявив, что “киргизы-буруты” обитали в домонгольское время в Баргужин-Токуме, по соседству с бурятами, откуда переселились на Тянь-Шань, “вероятно, в XIII в.”⁸

Впервые опыт широкого привлечения археологического материала для решения данной проблемы был предпринят А.Н.Бернштамом. Согласно его взглядам, история кыргызов восходит к IV тыс. до н.э., когда Енисей и Тянь-Шань входили в единую этнокультурную общность. “Наибольшее сходство” в культурном отношении для этих районов “устанавливается для андроновского этапа. Локальные различия нарастают к скифской эпохе. Характерно для этого времени бытование на Енисее и Тянь-Шане по существу одного и того же расового типа, который мы можем именовать динлинским”.⁹ Это этнокультурное единство было разорвано вторжением гуннов. “Енисей и Тянь-Шань — два фронта для центральноазиатских держав. Походы гуннов одинаково равномерно направлены и против усуней и против киргиз Енисея”.

С этим временем и связано расчленение кыргызов на две ветви: “тянь-шаньскую и енисейскую”.¹⁰ В последующие периоды господства сяньби, тоба и жужаней обе “ветви” оставались расчленены.

“Процесс некоторого объединения енисейских и тянь-шаньских племен” произошел в рамках Тюркского каганата. Однако тянь-шаньские западные тюрки в это же время смогли “два раза существенно проявить силу оружия над енисейскими кыргызскими племенами”. В дальнейшем тюрки и уйгуры продолжают вести войну на два фронта. “IX—X вв. — эпоха побед кыргыз Енисея и эпоха сложения кыргызского героического эпоса Манас”.¹¹ В последующие века кыргызы терпят поражения от каракитаев и монголов. “Кыргызское государство на Енисее сходит на нет”.¹² Следями кыргызской культуры, пришедшей с Енисея на Тянь-Шань, А.Н.Бернштам считал предметы торевтики из Кочкорского клада и погребения с конем. Прототипом Манаса, согласно А.Н.Бернштаму, послужил кыргызский каган, победивший уйгуров в 840 г., которого он

именует “Яглакар-ханом”.

В 1953—1955 гг. на территории Киргизии проводила работы Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, изучавшая материалы по этногенезу и этнической истории кыргызов. Результаты этой работы нашли отражение в дискуссии научной сессии АН СССР и АН Киргизской ССР по этногенезу кыргызов и в издании трудов экспедиции. Мнения исследователей в отношении этнических связей кыргызов Енисея и Тянь-Шаня разделились. Л.Р.Кызласов, возглавлявший работу одного из археологических отрядов, проводившего раскопки Ак-Бешимского городища, утверждал, что никаких следов этнокультурных контактов между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня не обнаружено.¹³

Однако, поскольку он уже ранее высказывал точку зрения о том, что на Енисее никогда не было кыргызов, а обитали так называемые “древние хакасы”, результаты его изысканий и не могли быть иными. А.Н.Бернштам изложил свои взгляды о связях между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня. В.П.Алексеев, проанализировав антропологические материалы, высказался в пользу генетического родства между енисейскими и тянь-шаньскими кыргызами.¹⁴ О пришлом характере кыргызского населения на Тянь-Шане говорили и другие антропологи, предполагая его происхождение с Алтая и уточняя время переселения — II тыс. н.э. Языковеды высказались за родство современного кыргызского и алтайского языков. Этнограф С.М.Абрамзон выявил в родоплеменном составе кыргызов этнические группы тюркского, киданьского и монгольского происхождения.¹⁵ В целом дискуссия по этногенезу кыргызов констатировала недостаточную изученность проблемы и необходимость ее дальнейшей разработки.

Согласно имеющимся данным, кыргызский народ и его культура сложились из двух компонентов: местного среднеазиатского и пришлого центральноазиатского.

В начале 1960-х гг. с серией работ по этногенезу кыргызов выступил К.И.Петров. Он проанализировал данные о родоплеменном составе кыргызов, их языковой принадлежности к тюркской языковой семье, об антропологических особенностях кыргызов и пришел к выводу о невозможности их миграции непосредственно с Енисея в домонгольское время. Предками современных кыргызов, по его мнению, были кимакско-кыргызские (кыпчако-кыргызские) племена, обитавшие в верховьях Оби с конца I тыс.н.э. и продвинувшиеся на Тянь-Шань в XII—XV вв.н.э. под давлением монголов в ходе междоусобных войн Чингизидов.¹⁶

Особое мнение о происхождении кыргызского народа сложилось у Л.Р.Кызласова. Если К.И.Петров не считал енисейских кыргызов непосредственными предками тянь-шаньских, то все же признавал, что “кимако-киргизские племена верхней Оби” занимали “как бы промежуточное положение” между кыпчако-кимаками и кыргызскими племенами и следовательно, “предки тянь-шаньских кыргызов действительно имели какие-то этногенетические связи с племенами енисейских кыргызов”¹⁷, то Л.Р.Кызласов отверг какие бы то ни было связи между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня. Вместо кыргызов, по его мнению, на Енисее обитали древние хакасы, а кыргызы — это их “династийный аристократический род”. Предками же современных кыргызов были так называемые “центральноазиатские киргизы”, различные “тюркоязычные группы, из числа племен, входивших в тюркский и уйгурский каганаты, родственные алтайским и восточноказахстанским племенам”, попав под власть монголов, “они постепенно усвоили объединяющее их имя кыргызов”.¹⁸ Согласно Л.Р.Кызласову, “центральноазиатские киргизы в эпоху монгольской империи верно служили юаньским феодалам”,¹⁹ а затем их “основное ядро переселилось в XV в. на Тянь-Шань”.²⁰

Эти взгляды вызвали ряд серьезных возражений со стороны О.Караева. В работах, посвященных анализу арабских и персидских источников, он отметил, что целый ряд сведений о местах расселения кыргызов в IX—XII вв. н.э., об их соседстве с уйгурами, карлуками, чигилями, ягма, кимаками, “мусульманами”, о некоторых особенностях их культуры свидетельствует о проживании части кыргызов на Восточном Тянь-Шане.²¹ О.Караев подверг справедливой критике взгляды Л.Р.Кызласова на енисейских и “центральноазиатских киргизов”.²² Эту критику поддержали С.Е.Яхонтов, Н.А.Сердобов, автор настоящей работы и другие исследователи. Полемицировал О.Караев и с точкой зрения К.И.Петрова.

Однако в очередном издании “Истории Киргизской ССР”, в разделах о формировании кыргызской народности нашла отражение позиция по этому вопросу, изложенная именно К.И.Петровым.²³ В то же время, в этой же работе присутствует раздел о государстве енисейских кыргызов, как одном из этнических компонентов кыргызского этноса. В истории сложения кыргызского языка выделялся “древнекиргизский период” на Енисее и в Саяно-Алтае.²⁴ Тем самым “енисейский период” этнической истории кыргызов, хотя и с оговорками, но признавался.

Совершенно иначе изложено “современное решение киргизского народа” в последнем издании “Истории Киргизской ССР”, где уже в исто-

риографическом разделе сказано: "...енисейские кыргызы не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа, на их этнической основе сложилась хакасская народность".²⁵ Правда, отдельные сведения о событиях в Кыргызском каганате в этой работе все же приводятся.²⁶ Однако к этнической истории кыргызов эти события не относятся. Предками кыргызов авторы считают прииртышских кимаков, ассимилировавших проникшие на Алтай группы кыргызов, но принявших их этноним—кыргызы. Именно на Алтае, по мнению авторов данного раздела, в XIII в. находилось "княжество Кыргыз". В эпоху монгольского завоевания земли кимако-кипчаков, принявших имя кыргызов, вошли в состав Могулистана. В середине XV в. они переселились на Тянь-Шань.²⁷ Последняя точка зрения получила дальнейшее развитие в совместной работе С.Г.Кляшторного, А.М.Мокеева, В.П.Мокрынина. "Центром этногенеза" кыргызского народа авторы считают Прииртышье, Северный и Горный Алтай, где в X—XI вв. сложилась этнополитическая группировка, включающая кимакско-кипчацкие и господствующие кыргызские племена, переместившиеся сюда с Енисея. После XII в. собственно кыргызские племена полностью ассимилируются в кыпчакской среде, заимствовавшей, однако, этническое имя "кыргыз".²⁸ Эти кыргызы переместились в Притяньшанье в середине XV в. из Прииртышья и Горного Алтая, где ассимилировали местные тюркские и монгольские племена.²⁹ Данная концепция, изложенная в докладе авторов на V Тюркологической конференции, вызвала оживленную дискуссию. С возражениями по поводу кимакско-кипчацко-кыргызского этапа в этногенезе кыргызов выступали О.Караев, Т.К.Чороев, В.Я.Бутанаев, Ю.С.Худяков, Ю.И.Трифонов. Все выступавшие говорили о необходимости учесть "енисейский период" в этногенезе кыргызов. В докладе Э.Р.Тенишева было выделено три этапа формирования кыргызского этноса и языка: енисейский, алтайский и тянь-шаньский.

Дискуссии последних лет подтвердили актуальность вопроса о происхождении современных кыргызов Енисея. С позиций современного уровня науки некоторые гипотезы по этой проблеме потеряли свое научное значение. Безусловно устарела точка зрения Н.А.Аристовой и А.Н.Бернштама об этнокультурной общности племен Енисея и Тянь-Шаня еще в эпоху раннего железа, в I тыс. до н.э. Строго говоря, она не имеет прямого отношения к вопросу, так как для того времени сложно определить, что представляли из себя гяньгуни-кыргызы и какова была их культура. Н.А.Аристов опирался на случайное созвучие некоторых этнонимов и политонимов в китайских источниках, описывающих события II—I вв. до н.э. и XVIII в. н.э.³⁰ Ныне о таком "тождестве" го-

ворить не приходится. А.Н.Бернштам рассматривал древнее население Центральной Азии как единый этнос, разорванный на две части вторжением хуннов, сяньби, жужан, тюрков, уйгуров, а в конце I тыс. н.э. “воссоединившийся” путем переселения части кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. Кыргызы для А.Н.Бернштама не столько реально существовавшая средневековая тюркоязычная народность, сколько “голубоглазые и рыжеволосые” потомки динлинов. Однако исторические динлины не обитали ни на Енисее, ни на Тянь-Шане, а жили в Монголии и “смешались” с гяньгунями в V в. н.э. Не выдержали испытания временем и археологические подтверждения переселения кыргызов в IX в. на Тянь-Шань, в частности, погребения с конем, предложенные А.Н.Бернштамом.³¹ Эти памятники принадлежат иному тюркоязычному этносу, но не кыргызам. В основе этого предположения лежит ошибочная версия С.В.Киселева, Л.А.Евтюховой и В.П.Левашовой о переходе кыргызов на обряд погребения с конем.³² Ныне она давно пересмотрена.

Не выдерживает критики гипотеза Л.Р.Кызласова о так называемых “центральноазиатских киргизах” как предках современных кыргызов. Она основана на неверном отождествлении китайского названия “Хэсыхэ” с родовым подразделением качинцев “хасха”, а также на “различиях в написании терминов для обозначения енисейских кыргызов (цилицисы) и центральноазиатских кыргызов (циэрцисы) “в китайской иероглифике”.³³ Не впервые Л.Р.Кызласов, не зная ни китайского языка, ни письменности, смело интерпретирует звучание иероглифов. Но это ничуть не подкрепляет его домыслов. Даже если бы слово “Хэсыхэ” обозначало земли качинцев, а написание терминов “цилицисы” и “циэрцисы” различалось, из этого отнюдь не вытекает наличие некоего особого народа, победившего во славу монгольского императора кыргызов на Енисее, но назвавшего себя именем побежденных. Не случайно Л.Р.Кызласов, едва придумав “центральноазиатских киргизов”, тут же забывает о них утверждая: “Проследить историю центральноазиатских киргизов не входит в наши задачи”.³⁴

Мнение С.Г.Кляшторного, А.М.Мокеева и В.П.Мокрынина о переселении кыргызов-кимаков с Алтая, развивая предшествующую гипотезу К.И.Петрова, в сравнении с рассмотренными взглядами Н.А.Аристова, А.Н.Бернштама и Л.Р.Кызласова выглядит более фундированным.³⁵ Однако и оно имеет немало уязвимых мест. Так, пытаюсь определить исходный район поселения по особенностям языка, культуры и антропологии современного кыргызского этноса и указывая на сходство с антропо-лингво-культурными особенностями алтайцев, авторы совершенно

не учитывают времени и места образования такого сходства. Современные алтайцы отнюдь не автохтоны Горного Алтая, и возникновение сходных черт могло произойти в пределах более широкого региона, включая Джунгарию и монгольский Алтай. Отмеченное сходство наблюдается у современных кыргызов по широкому спектру этнографических особенностей: в культуре, в фольклоре, в языке не только с алтайцами, но и с другими народами Саяно-Алтая — хакасами и тувинцами. Многие частные положения гипотезы трех авторов не соответствуют современному состоянию знаний об археологии Алтая и Прииртышья. Культуры кимаков и кыргызов в IX—X вв. граничили в степях Приобья и Прииртышья, однако “кимако-кыргызской” культуры там не возникло. Кимаки не обитали в Горном Алтае. После X в. кимакская культура прекратила свое существование. В то же время кыргызы в XI—XII вв. н.э. продолжали занимать Горный Алтай, о чем свидетельствуют памятники их культуры. Таким образом, “ассимиляция кыргызов кимаками на Алтае и в Прииртышье” не подтверждается данными археологии. Нет памятников “кимако-кыргызских племен” и на Тянь-Шане ни в начале II тыс. н.э., ни в последующие века. Наоборот, исторические сведения и археологические материалы свидетельствуют, что после развала Кимакского каганата, в начале II тыс.н.э., основное население Прииртышья — кипчаки стали переселяться не на Тянь-Шань, а на запад — в Приуралье, в Причерноморье, где с XI века известны под именем половцев. Все сказанное выше свидетельствует, что гипотеза трех авторов нуждается в серьезной корректировке и ее “кимакская” часть должна быть снята.

Из всего высказанного ранее наиболее обоснованным нам представляется мнение о двухэтапном переселении части кыргызского этноса с Енисея в IX—X вв. н.э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай, разделении кыргызов в начале II тыс.н.э. на два этноса — енисейских и восточнотуркестанских — и переселение в XV в. н.э. восточнотуркестанских кыргызов на Тянь-Шань. В отдельных аспектах эту точку зрения ранее высказывали В.Радлов, В.В.Бартольд, разделял А.Н.Бернштам. С начала 1960-х гг. ее активно отстаивает и развивает О.Караев.

Дело в том, что только это мнение об этногенетических связях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня находит подтверждение в письменных источниках. Общеизвестны исторические свидетельства о военных походах кыргызов в IX в. в Восточный туркестан и захвате ими городов Бешбалыка, Кучи, Уч-Турфана и др. Эти завоевания носили непродолжительный характер, но в то же время, военное присутствие кыргызов в

Восточном Туркестане в IX в. было постоянным. После захвата в X в. монгольских степей киданями, кыргызы Енисея потеряли возможность совершать походы в Восточный Туркестан. Однако, там осталась обитать какая-то часть кыргызов. В конце X в. они попали в зависимость от турфанских уйгуров. Об этом упоминает сунский посол Ван Яньдэ, посетивший уйгурское турфанское княжество в конце X в. “Кыргызы” находились “под управлением государства Гаочан” наряду с тюрками, чигилями, ягма, карлуками и другими племенами.³⁶ О. Караевым подробно рассмотрены свидетельства мусульманских источников о кыргызах X—XII вв., помещавших кыргызов по соседству с турфанскими уйгурами, вдоль северных и западных границ владений уйгурских идикутов, к востоку от земель карлуков и ягма, к северу от чигилей и к югу от кимаков.³⁷ Им отмечены некоторые особенности кыргызской культуры, появившиеся под влиянием “соседей мусульман”, в частности смена погребальной обрядности с кремации на ингумацию и др., которые свидетельствуют о том, что кыргызы в указанный период обитали в Восточном Туркестане. Следует уточнить только, что мусульманские авторы нередко смешивали сведения о кыргызах Енисея и Восточного Туркестана воедино и при компиляции текстов не различали тех и других. О кыргызах в восточном Туркестане, видимо, идет речь в сообщении о походах кара-киданьского гурхана в XII в. Поскольку Елюй Даши после взятия Кашгара и Хотана “послал войско к пределу киргизов... и взял Бешбалык” резонно полагать, что эти “пределы” были неподалеку от Бешбалыка. То же можно сказать и о походе найманских правителей в “область киргизов, граничащую со страной уйгуров”.³⁸ В XIII в. земли восточнотуркестанских кыргызов вошли в состав монгольских государств — улусов Джагатая, а затем Хайду, а после распада последнего в XIV в. — в состав Могулистана. В это время кыргызы неоднократно упоминаются в числе племен, обитавших в этих районах в XV в., кыргызы были “лесным племенем”, обитавшим в лесных районах Могулистана. Из-за того, что для ханов Могулистана они были “зачинателями всех смут” в государстве, их переселили в центр страны Тянь-Шань. По другим источникам, в середине XV в. часть кыргызов сама, “спасаясь от беспорядков, бежала и нашла приют в горах (Тянь-Шаня)”.³⁹ С этого времени кыргызы обитают на Тянь-Шане. В XVI в. известно самостоятельное кыргызское объединение во главе с Мухаммедом. Вокруг этих кыргызов, переселившихся на территорию Тянь-Шаня из Восточного Туркестана, началось формирование кыргызской народности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевернута последняя страница книги, в которой рассмотрены узловые и во многом дискуссионные вопросы изучения истории кыргызского этноса и его культуры. Особую остроту приобрел в научной литературе вопрос об этнониме “кыргыз” хотя обширный круг древних и средневековых источников не оставляет и тени для сомнения в правомерности его использования для обозначения древнейшего тюркоязычного кочевого народа. Однако вновь и вновь делаются попытки приписать события средневековой истории и памятники культуры кыргызов, в период их обитания на Енисее, мифическим “древним хакасам”. Научное сообщество, ученые-кыргызоведы, вынуждены раз за разом давать отпор этим попыткам искажения истории с националистических позиций.

История кыргызов на Енисее, в Центральной Азии, на Тянь-Шане полна яркими, драматическими событиями. Она во многом интересна и поучительна и для сегодняшнего дня.

Историческая судьба кыргызов на протяжении двух тысячелетий полна суровых испытаний. Не единожды им приходилось переселяться с мест длительного проживания, выдерживать волны завоевательных походов крупнейших кочевых империй Азии: государств хуннов, сянбийцев, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов, джунгар. Очень часто в этих войнах силы были далеко не равными. Не один раз в своей истории кыргызы терпели поражение. Однако они снова и снова находили в себе силы “восстать из пепла”, возрождали свою государственность, претендовали на высокое место на политической арене Центральной Азии.

И вот на исходе I тысячелетия н.э., в середине IX века, в их истории наступил поистине звездный час. Сокрушив заслоны слабеющего уйгурского государства, кыргызские войска прорвались из-за заснеженных Саянских гор на просторы азиатских степей. В течение нескольких лет им покорились таежные районы Притомья и Приобья, горы и степи Алтая, Прииртышья, Монголии, Забайкалья, оазисы Восточного Туркестана. Кыргызские войска появились в Приалашанье, в Ордосе, в Южной Монголии, вплотную подошли к Великой Китайской стене. На обширных пространствах степной Азии возникло новое мощное кочевое государство—Кыргызский каганат. Этот период “кыргызского великодержавия” был сравнительно недолгим. Он продолжался около восьмидесяти лет. Кыргызы не смогли закрепить свои военные и политические успехи, достигнутые силой оружия, и объединить под своим господством другие кочевые племена и народы. Слишком велика была подвла-

стная территория, слишком многочисленны подвластные племена, слишком большие потери понес относительно немногочисленный кыргызский этнос в длительной кровопролитной войне. Кыргызский каганат распался. Однако, во многом благодаря эпохе великодержавия, кыргызский этнос смог внести значительный вклад в этнокультурное развитие народов Центральной Азии. Именно в этот период часть кыргызов осела на Восточном Тянь-Шане, а этнические группы кыргызов вошли в состав кочевников других районов Центральной Азии.

Эпоха “кыргызского великодержавия” стала и временем расцвета кыргызской государственности, культуры, военного дела. Благодаря хорошей изученности, культура кыргызов на Енисее в периоды раннего и развитого средневековья служит эталоном для исследования других кочевых культур. В настоящее время является весьма актуальной задача выявления границ распространения кыргызской культуры в различные исторические периоды, поиск кыргызских памятников на путях миграций кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. Ждут своего решения вопросы идентификации памятников кыргызов, относящихся к периоду раннего средневековья, на базе которых возможна реконструкция соответствующего этапа этногенеза и культурогенеза кыргызского народа. Применительно к данному этапу целесообразно привлечение для анализа широкого круга источников—этнографических и фольклорных, прежде всего—материалов эпоса “Манас”. Но данная тема требует специального изучения. При разработке актуальных проблем кыргызоведения важна координация усилий ученых Кыргызстана и научных центров других стран, в которых изучаются материалы по истории и культуре кыргызов. Весьма важно, чтобы результаты работы ученых становились достоянием широкого круга читателей, интересующихся историческим прошлым кыргызского народа. Знание истории и культуры народа помогает в осознании современности и исторических перспектив.

Автор книги видел свою задачу в том, чтобы изложить свой подход к решению основных проблем древней и средневековой истории кыргызов, дать свое понимание дискуссионных вопросов и некоторых особенностей их изучения. Насколько это удалось сделать, судить читателю. Хотелось бы надеяться, что полная драматизма историческая судьба кыргызского народа привлечет к себе внимание учащейся молодежи и побудит заняться этой бесконечно интересной, неисчерпаемой темой.

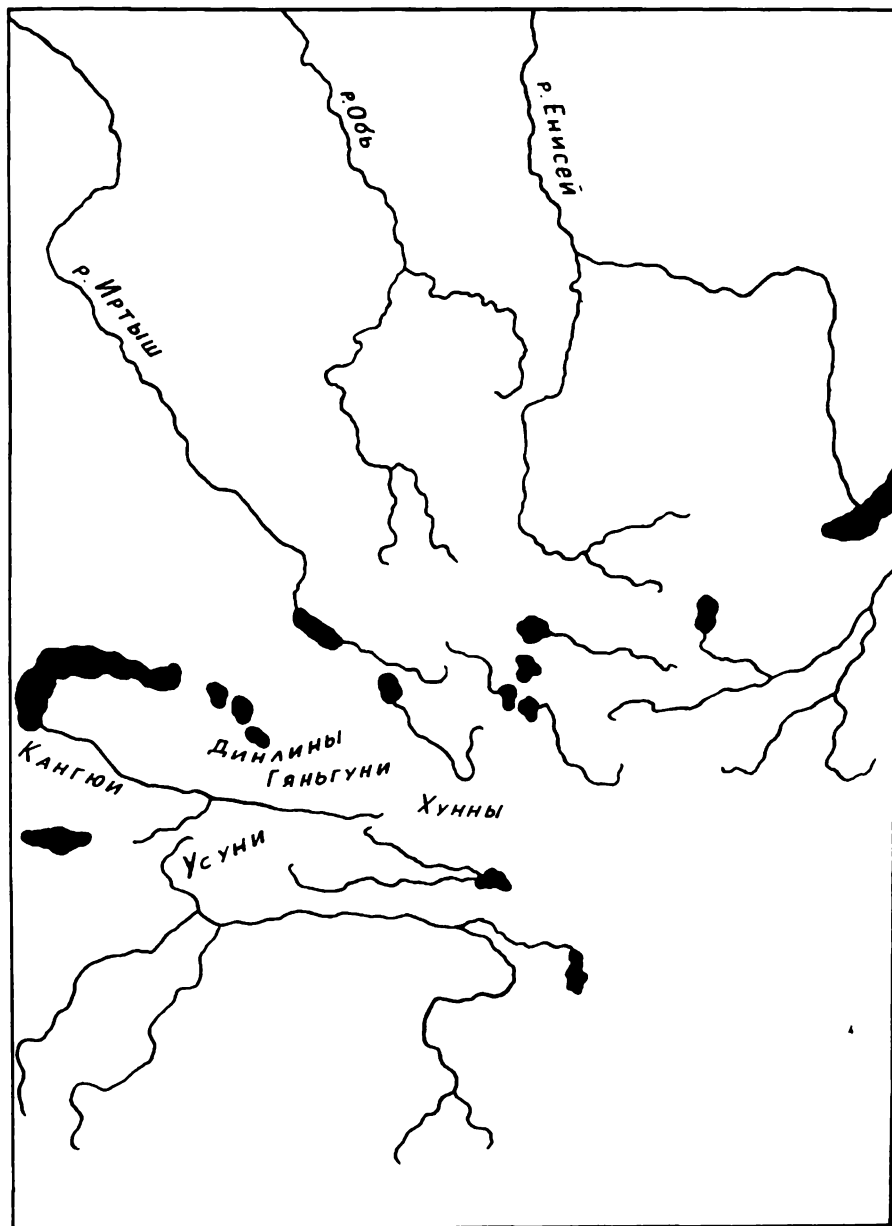


Рис. I. Кыргызы в III в. до н.э.—V в. н.э.

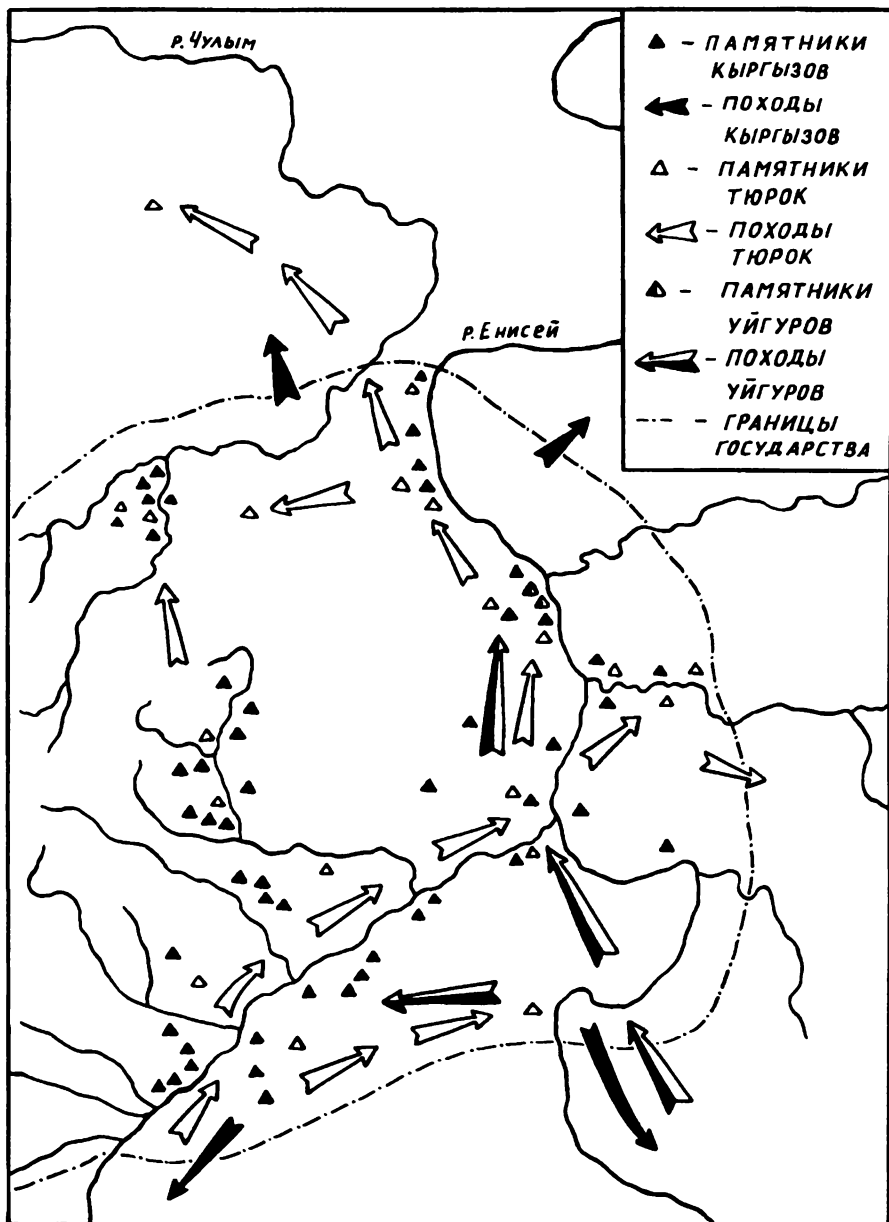


Рис. II. Кыргызы в VI—VIII вв. н.э.

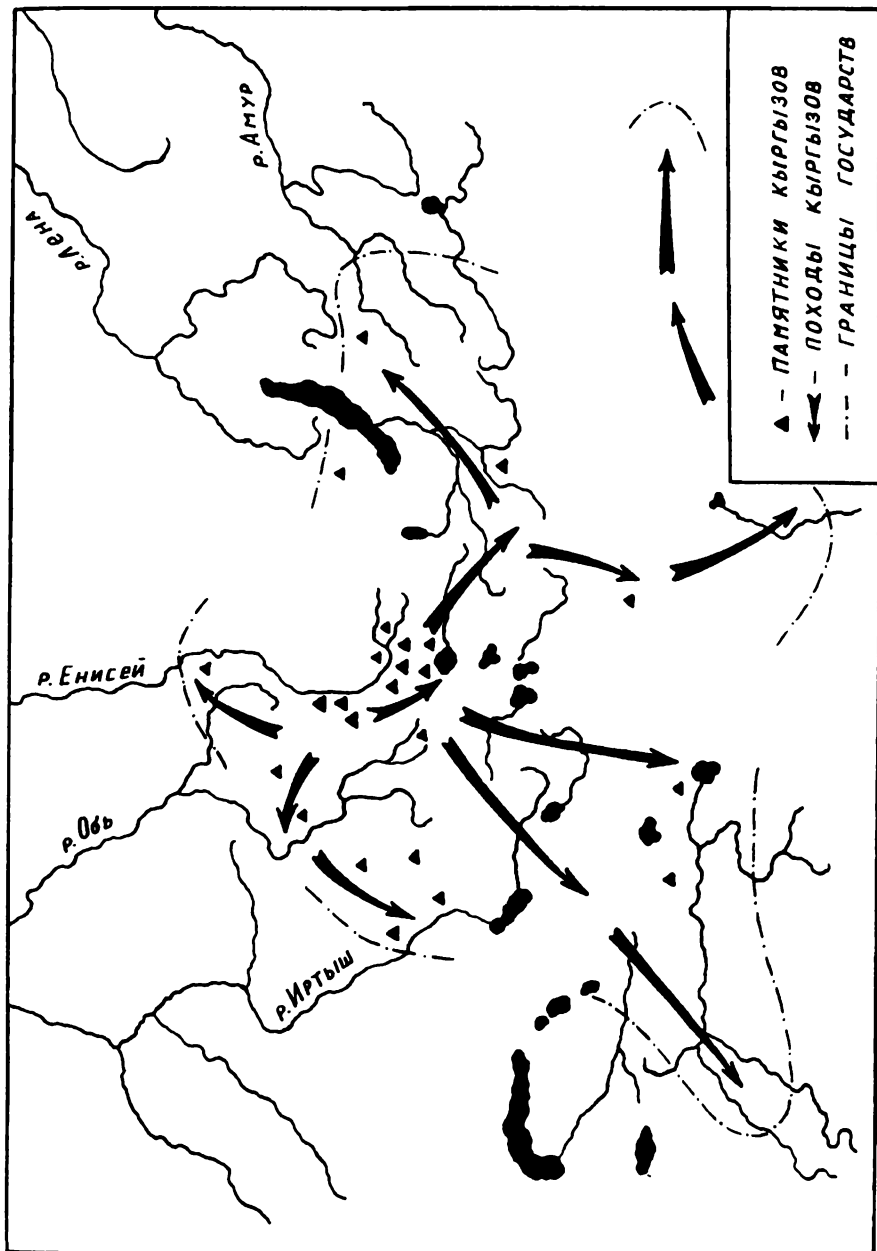


Рис. III. Кыргызы в IX—X вв. н.э.

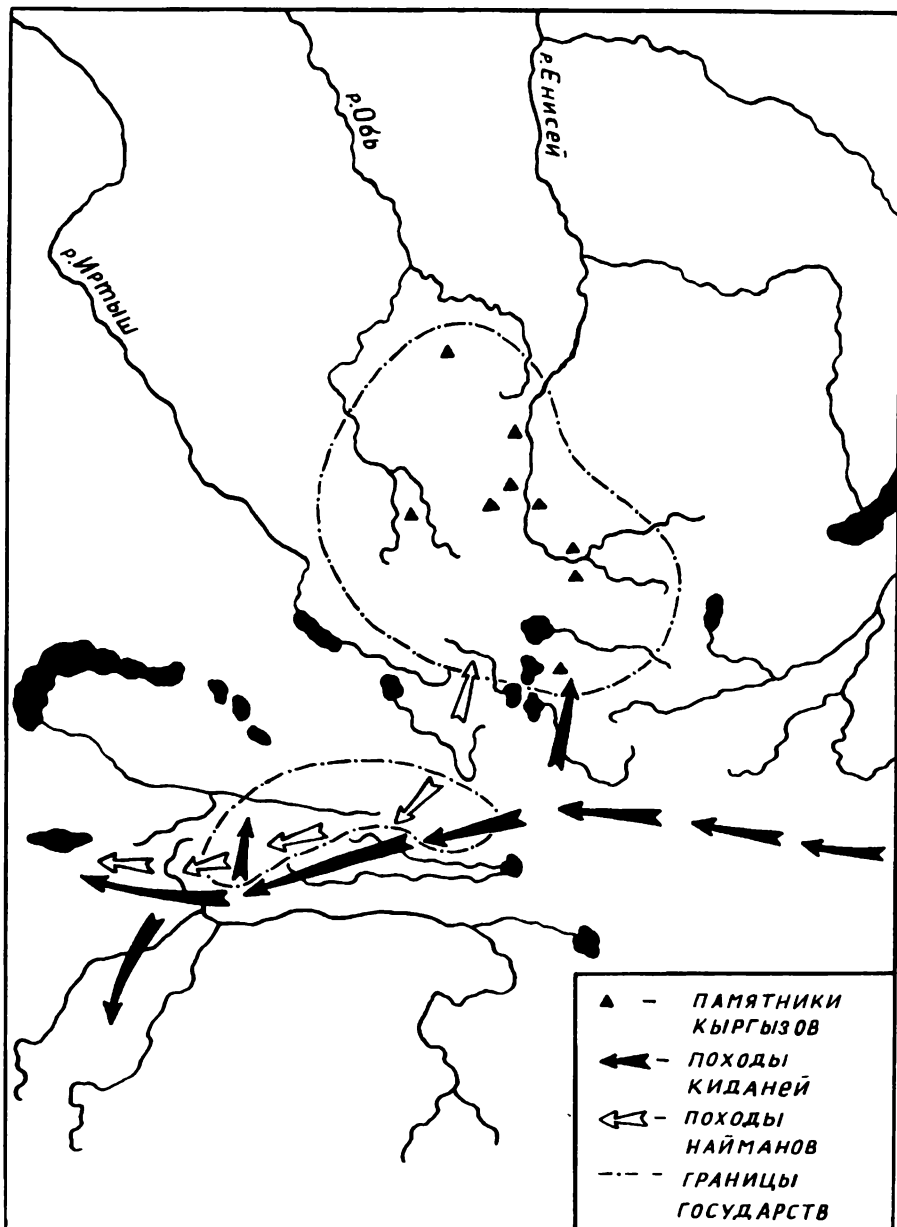


Рис. IV. Кыргызы в XI—XIII вв. н.э.

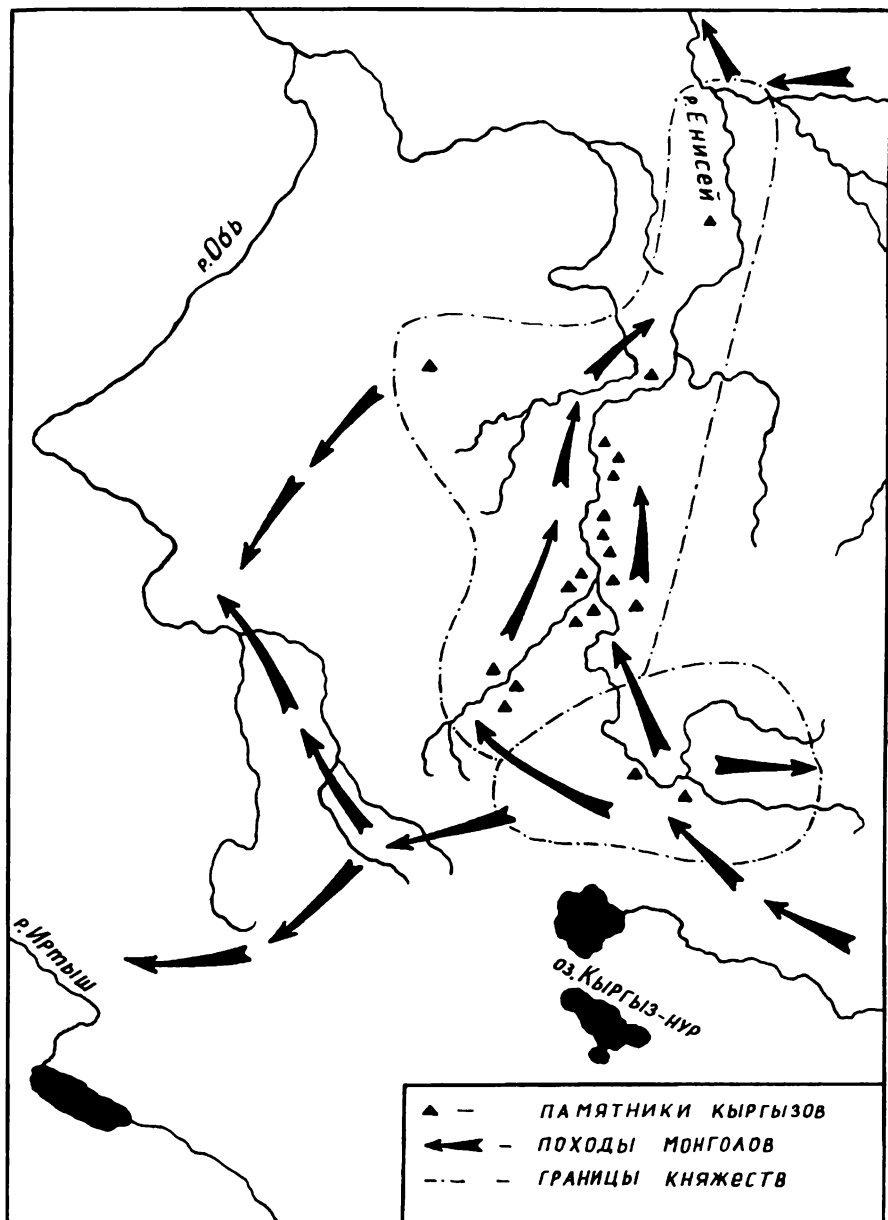


Рис. V. Кыргызы в XIII—XIV вв. н.э.

Эпоха чаа-гас VI - VIII вв н.э.



Рис. VI. Эпоха чаа-гас, VI—VIII вв. н.э.

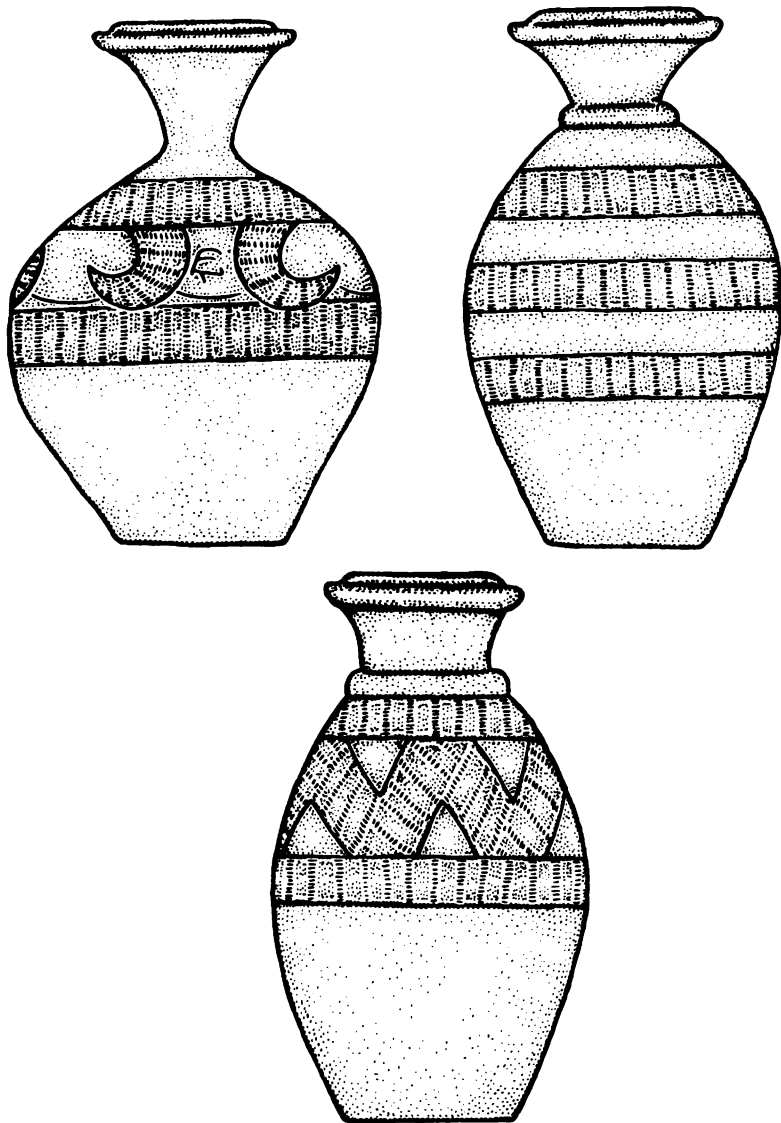


Рис. VII. “Кыргызские вазы”—гончарные сосуды, характерные для кыргызской культуры в VI—X вв. н.э.

IX - X вв н.э.

Эпоха великодержавия

Эпоха

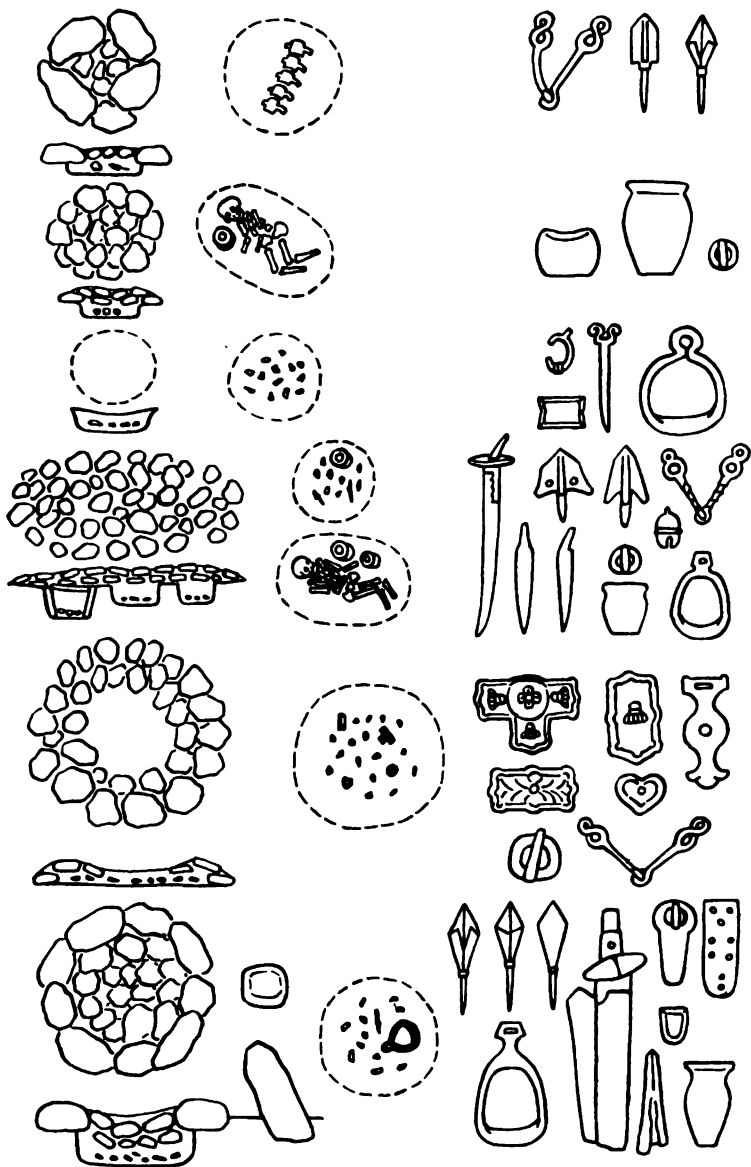


Рис. VIII. Эпоха великодержавия, IX—X вв. н.э.

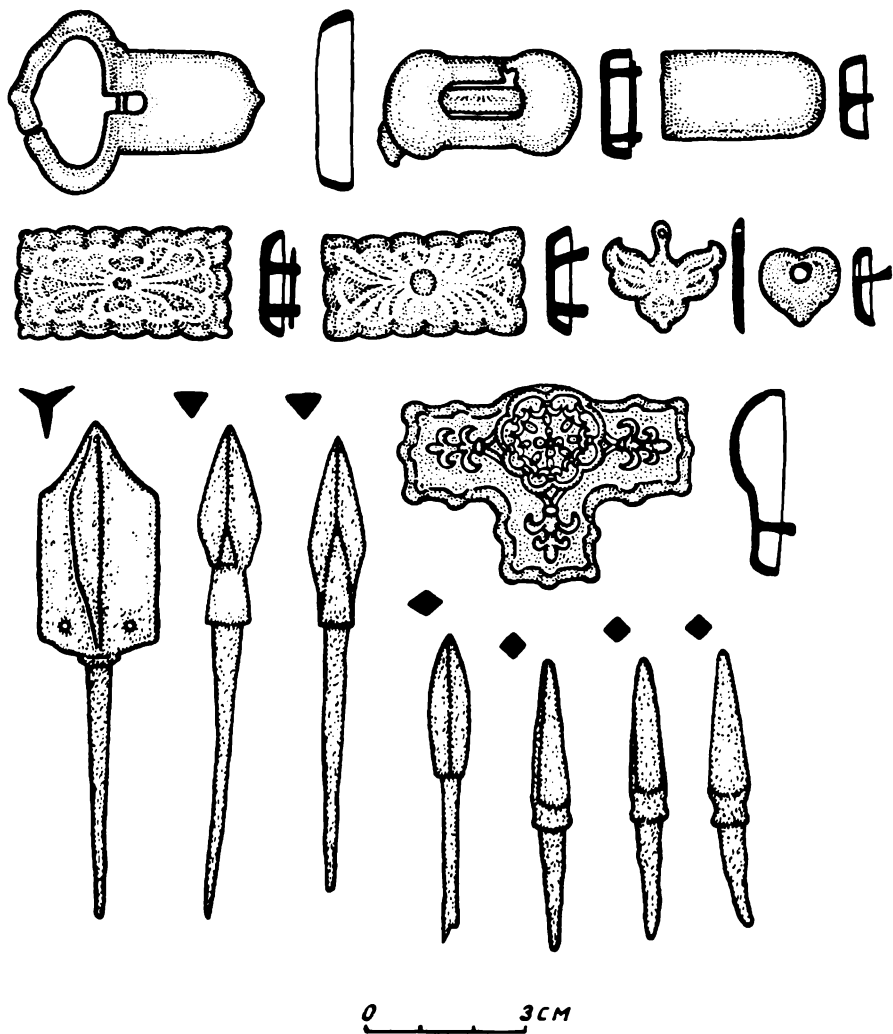


Рис. IX. Предметы торевтики и вооружения, характерные для кыргызской культуры в IX—X вв. н.э., эпоху великодержавия.

Эпоха сууктэр XI - XII вв н.э.

Эпоха сууктэр

Эпоха

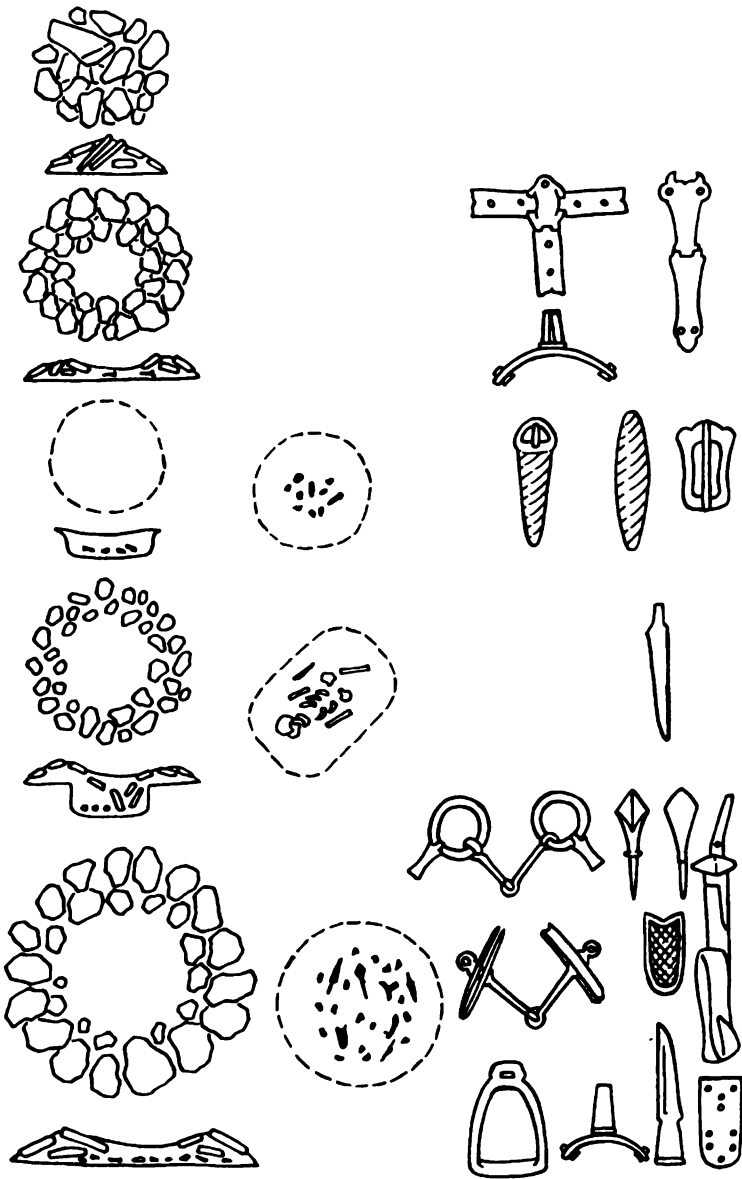


Рис. X. Эпоха сууктэр, XI—XII вв. н.э.

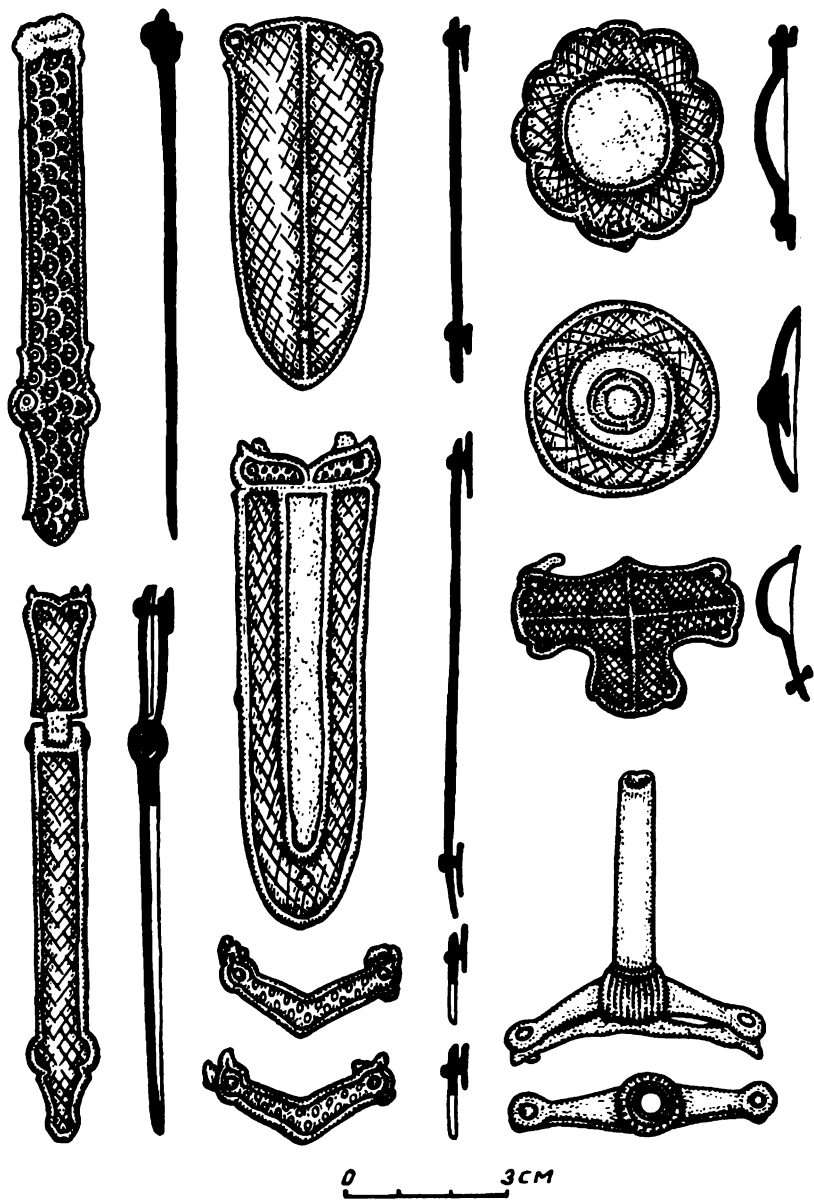


Рис. XI. Предметы торевтики, характерные для кыргызской культуры в XI—XII вв. н.э.

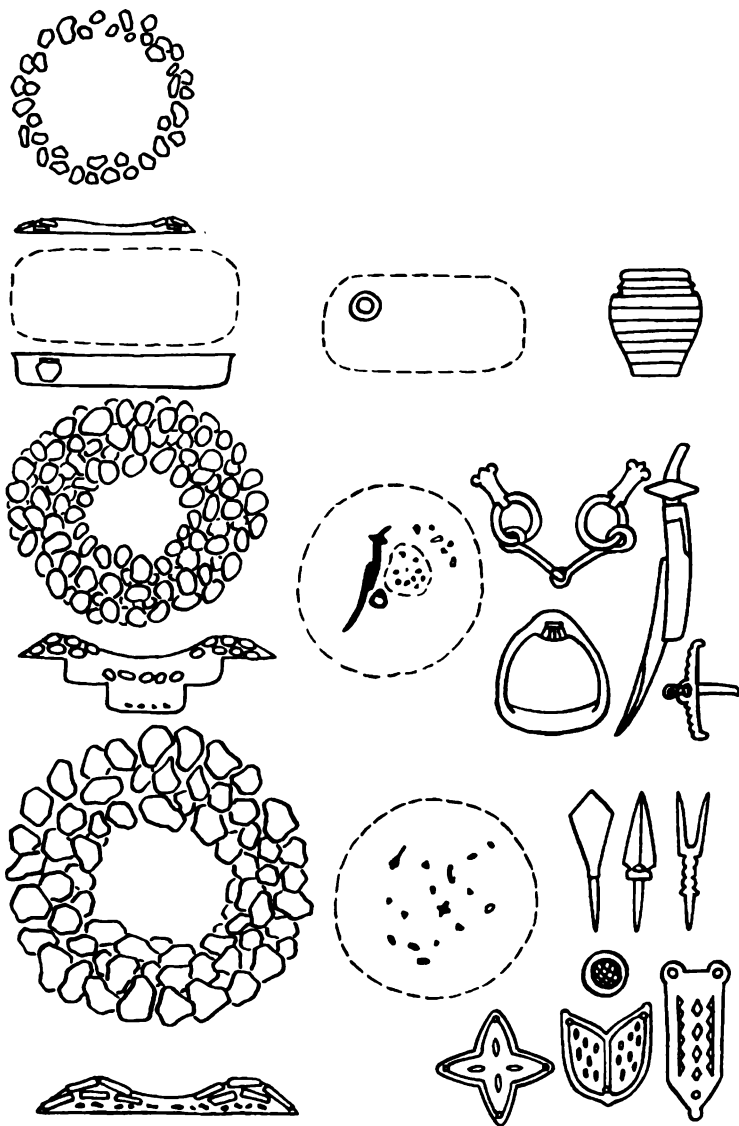


Рис. XII. Монгольская эпоха XIII—XIV вв. н.э.

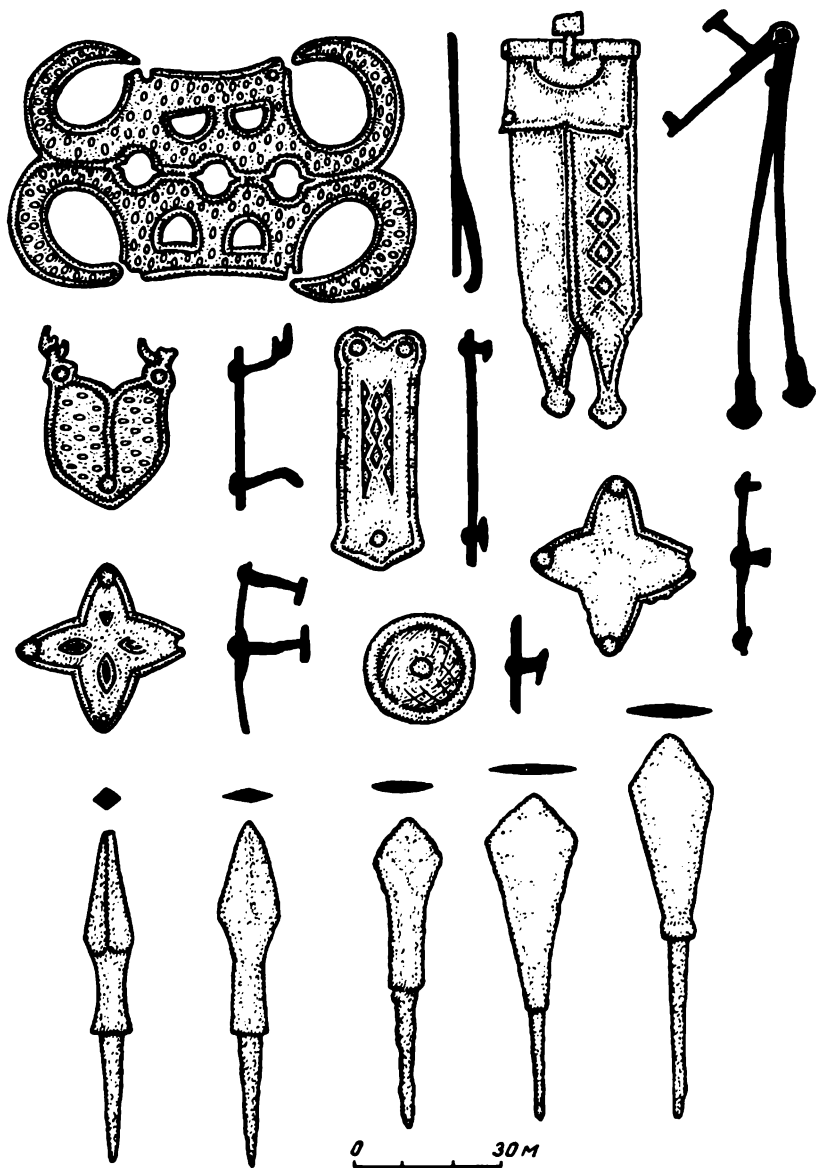


Рис. XIII. Предметы торевтики и вооружения, характерные для кыргызской культуры в XIII—XIV вв. н.э.

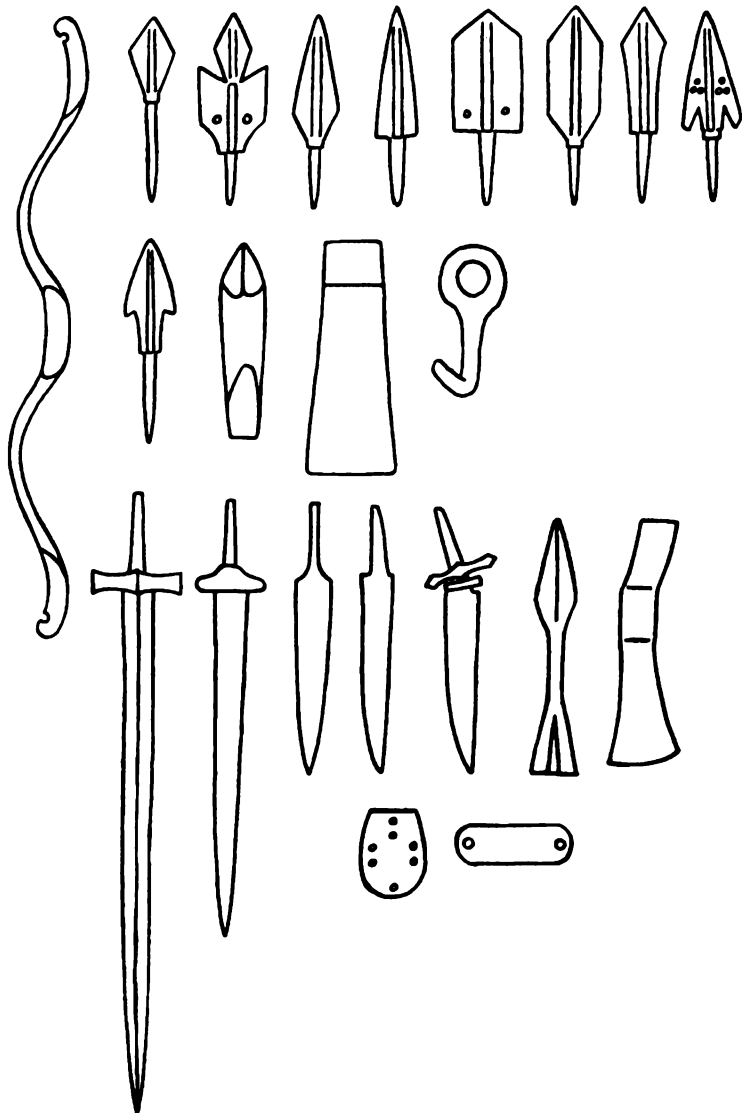


Рис. XIV. Вооружение кыргызов VI—VIII вв. н.э.

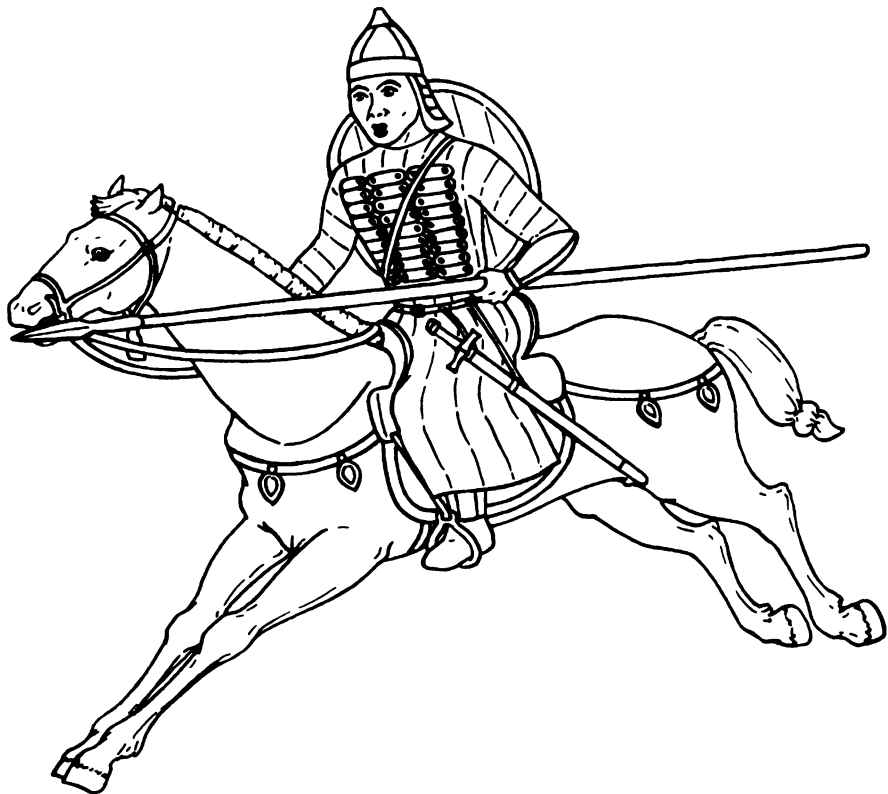


Рис. XV. Реконструкция кыргызского воина VI—VIII вв. н.э.

Эпоха великодержавия IX - X вв н.э.

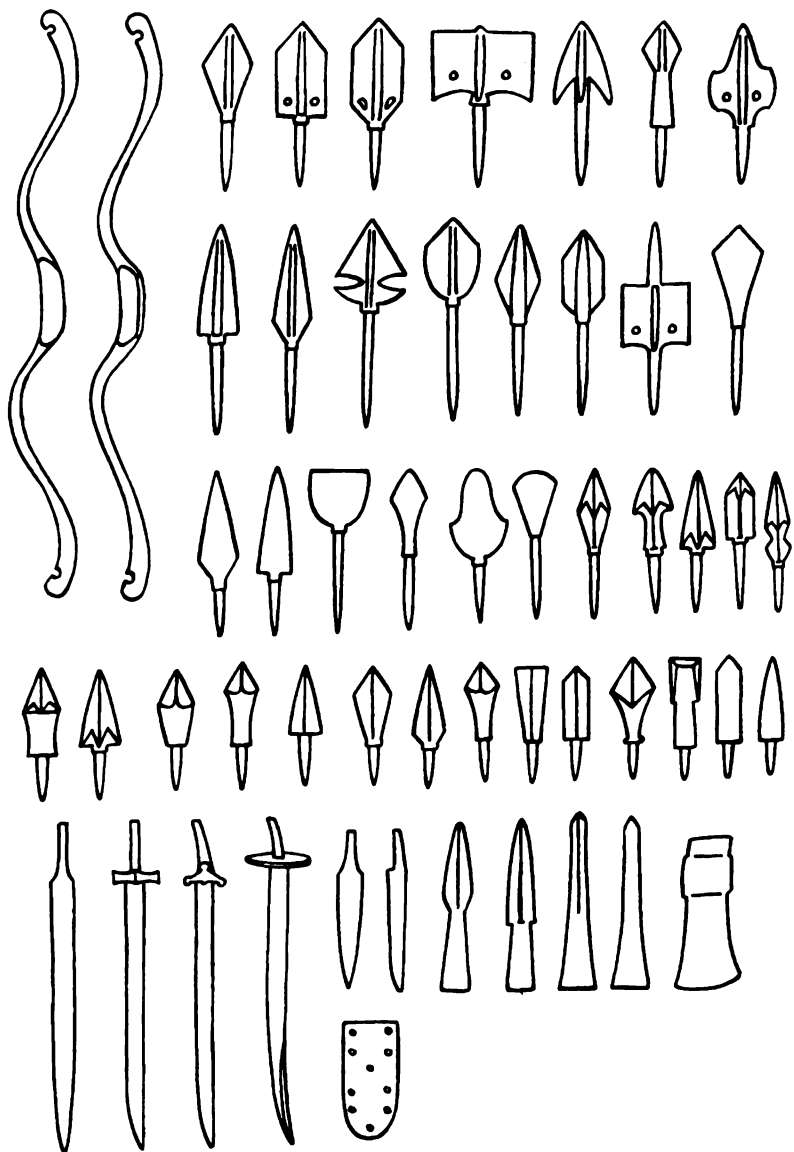


Рис. XVI. Вооружение кыргызов IX—X вв. н.э.

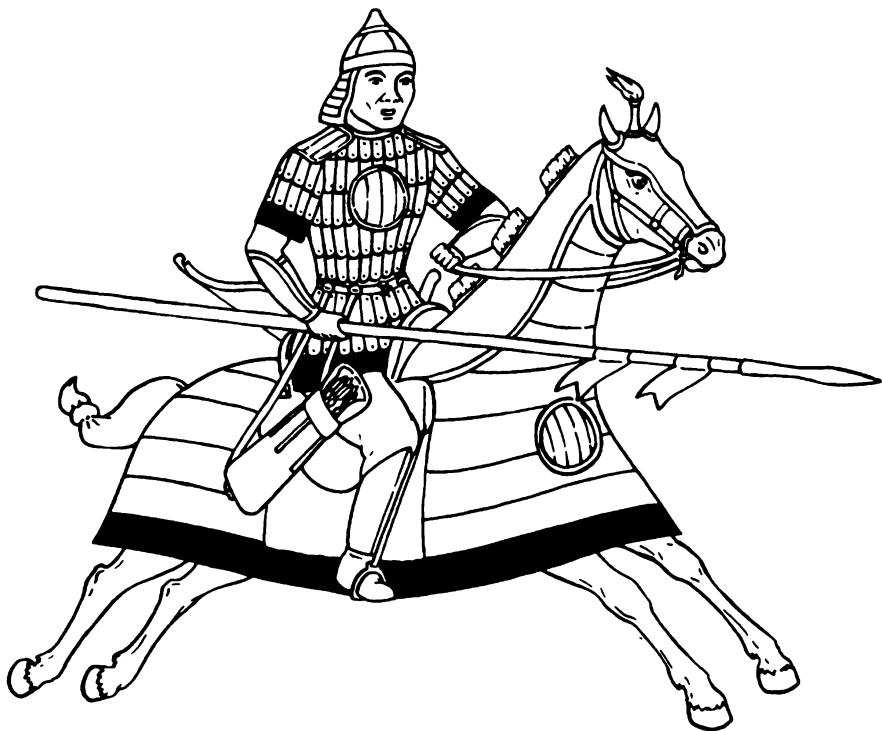


Рис. XVII. Реконструкция кыргызского воина IX—X вв. н.э.

XI - XII вв н.э.

СУУКТЭР

ЭЛОХА

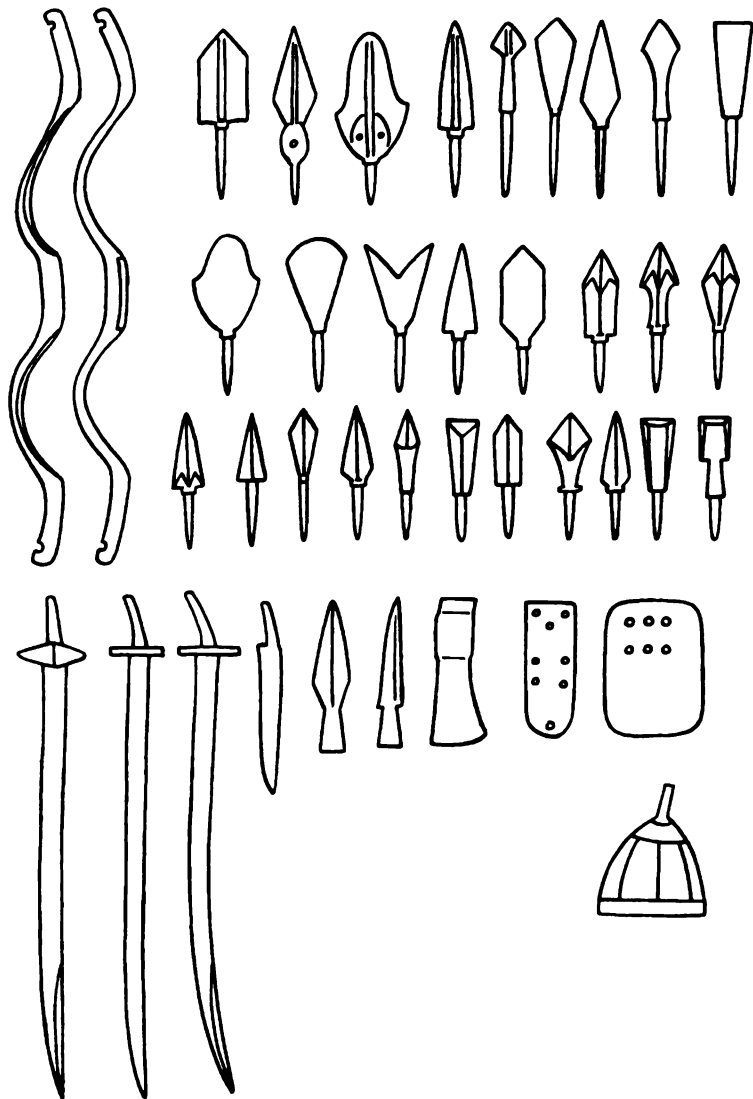


Рис. XVIII. Вооружение кыргызов XI—XII вв. н.э.

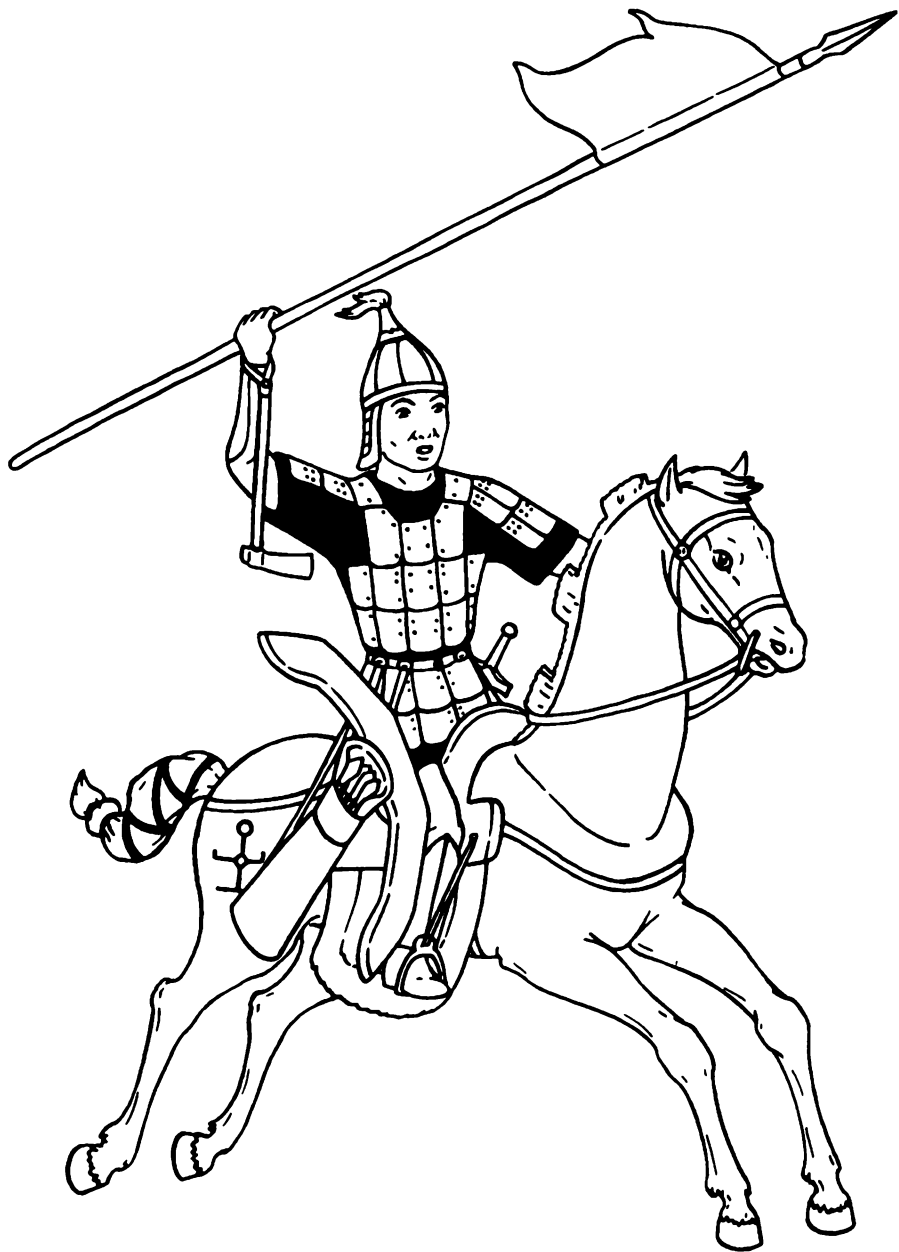


Рис. XIX. Реконструкция кыргызского воина XI—XII вв. н.э.

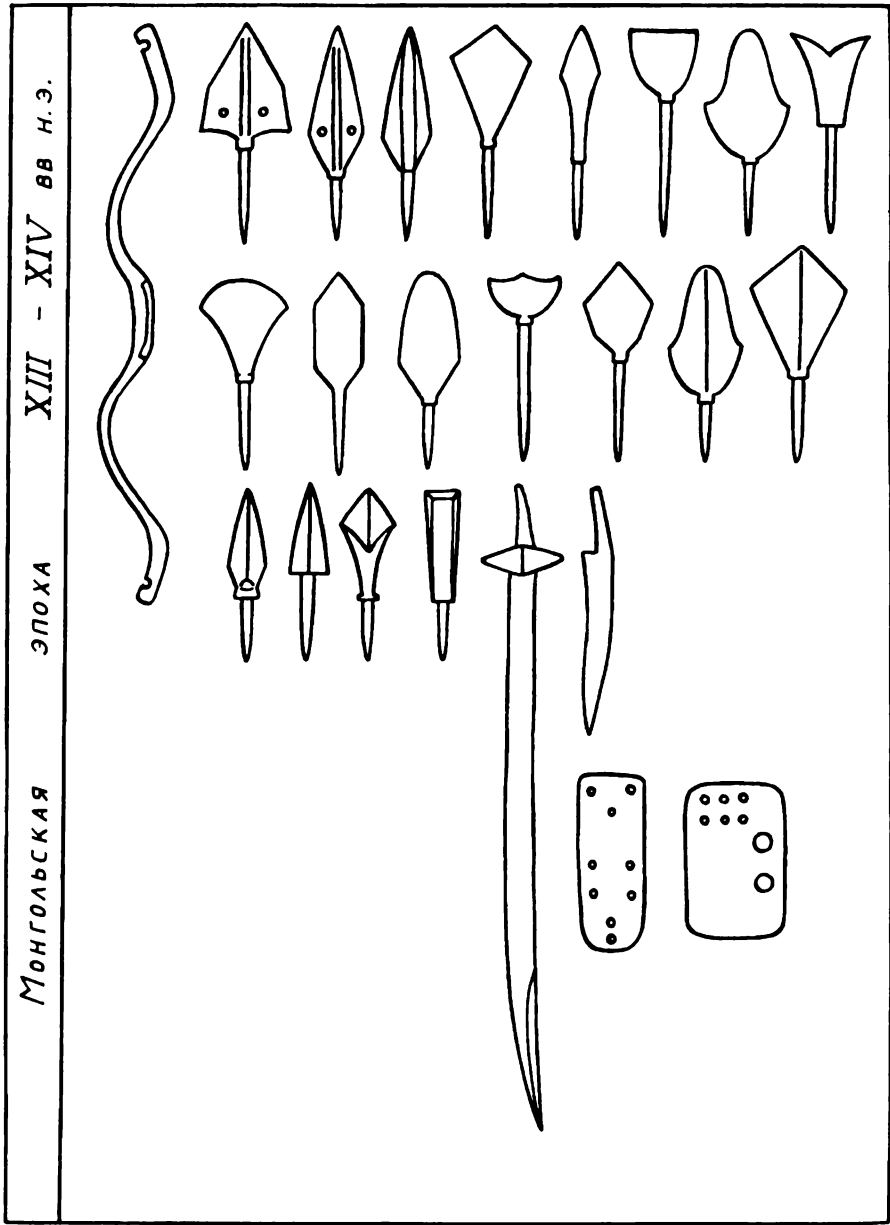


Рис. XX. Вооружение кыргызов XIII—XIV вв. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ I.

1. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия Лаборатории археологических исследований.—Кемерово, 1973.—Вып. VI.—С. 96; Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири.—Новосибирск, 1986.—С. 12.
2. Завитухина М.П. Коллекция Г.Ф.Миллера из Сибири—одно из древнейших археологических собраний России // Сообщения Государственного Эрмитажа.—Л., 1978.—Вып. XIII.—С. 40
3. Вадецкая Э.Б. К истории...—С. 99
4. Там же.—С. 100
5. Там же.—С. 101
6. Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии.—СПб., 1929.—С.28.
7. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени.—СПб., 1834.—С. 132
8. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений.—Алма-Ата, 1985.—Т. 2.—С. 54—65
9. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебур в Горном Алтае // УЗГАНИИ-ЯЛ.—Горно-Алтайск, 1964.—Вып. 6.—С. 43
10. Демин М.А. Первооткрыватели древностей.—Барнаул, 1989.—С. 47.
11. Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век...—С. 45.
12. Вадецкая Э.Б. К истории...—С. 107
13. Schott W. Über die achten Kirgisen // АКРАУ.—Berlin, 1965.—S. 432—461
14. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—СПб., 1851.—Ч. 1.
15. Эйхвальд Э.И. О чудесных копьях // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.—СПб., 1858.—Ч. III.—С. 30—35.
16. Радлов В.В. Сибирские древности.—СПб., 1896.—С. 58—62.
17. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии.—Иркутск, 1929.—С. 20
18. Адрианов А.В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае.—Минусинск, 1902—1924.—С. 41-44, 53-54, 58-61, 68.
19. Клеменц Д. Древности Минусинского музея.—Томск, 1886.—С. 73
20. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа.—Томск, 1889.—С. 15, 17, 20, 21
21. Там же.—С. 35—36.
22. Appelgren-Kivalo H. Alt—altaische Kunstdenkmaler.—Helsingfors, 1931.
23. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии.—Новосибирск, 1978.—С. 45.
24. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина.—СПб., 1894.—Вып. III и IV
25. Козьмин Н.Н. Хакасы.—Иркутск, 1925.—С. 11
26. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.—Л., 1926 —Т. 2. С. 395, 397.
27. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения.—М., 1963.—Т. II. Ч. 1.—С. 489.
28. Там же.—С. 514.
29. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии.—Л., 1929 —Т. IV, вып. 2 —С. 54—58
30. Вадецкая Э.Б. К истории...—С. 138.

31. Там же.—С. 141.
32. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—М., 1951.—С. 612.
33. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 60—67.
34. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов.—МИА.—N 24.—М., 1952.—С. 121; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—МИА.—N 9.—М.—Л., 1949.—С. 314(Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—С. 3.
35. Евтюхова Л.А. Киселев С.В. Чаас-тас у села Колены // Труды ГИМ,—М., 1940.—Вып. XI.—С. 24.
36. Бернштам А.Н. История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // КСИИМК—М.—Л.,—1947.—Вып. XVI,—С. 176—177.
37. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.—МИА.—N 26.—М.—Л.—1952.—С. 88.
38. Там же.—С. 89—91.
39. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.—Фрунзе, 1959.—Т. III.—С. 233.
40. Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан.—1957.—Вып. V.—С. 216; Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1960.—Вып. VIII—С. 58—62.
41. Батманов И.А., Арагчи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика.—Фрунзе. 1962; Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА.—1960.—N 3.—С. 98.
42. Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии.—М., 1972.—С. 260—263; Он же. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время // Проблемы отечественной и всеобщей истории.—Л., 1973.—Вып. 2.—С. 24.
43. История Тувы.—М., 1964.—Т. 1.—С. 145—150.
44. История Сибири.—Л., 1968.—Т. 1—С. 290—303.
45. Кызласов Л.Р., Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев.—М.—Л.,—1953 // ВИ.—1954.—N 7.—С. 151.
46. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов //УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1959.—Вып. VII.—С. 72—92; Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргызы" в письменных источниках VI—XII веков // НАА.—1968.—N 4.—С. 88—97; Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI—XII веков // УЗХНИИЯЛИ—Абакан, 1969.—Вып. XIII.—С. 5—20; Он же. История Тувы в средние века.—М., 1969.
47. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз" // СЭ.—1970.—N 2.—С. 100—120.
48. Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // НАА.—1970.—N 4.—С. 255—259.
49. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири // СЭ.—1971.—N 4.—С. 53—58.
50. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.—М.—Л.,—1952.—С. 7
51. Кюнер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // УЗХНИИЯЛИ—Абакан, 1954.—Вып. II.—С. 121.
52. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.—Абакан, 1957.—С. 278; Он же. О статье Н.В.Кюнера "Восточные урянхайцы по китайским источникам" // УЗТНИИЯЛИ—Кызыл, 1958.—Вып. VI.—С. 199—200.
53. Копков К.Г. "Енисейские кыргызы" и этногенез хакасов // УЗХНИИЯЛИ—Абакан, 1969.—Вып. XIII.—С. 21—38.
54. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами.—Фрунзе, 1961.—С. 17.

55. Караев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII—XV вв. // СЭ.—1966.—N 4.—С. 255—259; Абрамзон С.М. Киргизы // Народы Средней Азии и Казахстана.—М.,—1963.—Т. II.—С. 164—165.
56. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды.—М.,—1955.—Т. III.—ч. II.—С. 176—224.
57. Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII—первой половине XVIII в.—Фрунзе, 1966.—С. 66—68.
58. Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке—Фрунзе, 1968.—С. 129.
59. Потапов Л.П. Происхождение и формирование...—С. 11—69.
60. Копкоев К.Г. Об угоне "Енисейских киргизов" в Джунгарию в начале XVIII века // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1965.—Вып. XI.—С. 65—85.
61. Петров К.И. К этимологии термина "кыргыз" // СЭ.—1964.—N 2.—С. 81—91.
62. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении этнонима "кыргыз" // СЭ.—1964.—N 2.—С. 92—93.
63. Зуев Ю.А. Киргизы-буряты. // СЭ.—1970.—N 4.—С. 74—96.
64. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.—Л., 1971.
65. Длужневская Г.В. Памятники енисейских киргизов за Саянами // Археология Северной Азии.—Новосибирск, 1982.—С. 122—130.
66. Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских киргизов // Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 114—124; Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири.—Л.,—1975.—С. 193—220; Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. // СА.—1978.—N 1.—С. 122.
67. Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая.—Барнаул, 1972.—С. 39—42; Савинов Д.Г. Памятники енисейских киргизов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая.—Горно-Алтайск, 1979.—Вып. 1.—С. 161—169; Алехин Ю.П. Енисейские киргизы на юго-западном Алтае // Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 62—66.
68. Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане.—Алма-Ата, 1972.—С. 56—75; Трифонов Ю.И. Два погребения в могильнике Джаргас // Археология эпохи камня и металла Сибири.—Новосибирск, 1983.—С. 123—130; Коники Б.А. Новые материалы 1 тыс. н.э. из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные явления в западной Сибири.—Томск, 1978.—С. 68—69.
69. Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В. Погребения с сожжением могильников Каменный Мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири.—Абакан, 1984.—С. 91—92.
70. Беликова О.Б. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки.—Новосибирск, 1988.—С. 116—125; Илюшин А.М. погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари // Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 46—52.
71. Ковычев Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его культурные связи.—Новосибирск, 1985.—С. 50—58.
72. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.—Новосибирск, 1986; Он же. Кыргызы на Енисее.—Новосибирск, 1986; Он же. Вооружение енисейских киргизов V—XII вв.—Новосибирск, 1980; Он же. Кыргызы в Монголии // Олон Улсын Монголч Эрдэнтний IV Их Хурал.—Уланбаатар, 1985.—бот 1.—С. 349—353; Он же. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории киргизского народа.—Фрунзе, 1989.—С. 29—40; Он же. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая.—Горно-Алтайск, 1990.—С. 186—195.
73. Афанасьева Е.В., Ельцова С.Л., Скобелев С.Г. Поздние археологические памятники Енисея // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки.—Новосибирск, 1988.—С.138—139.

74. Митько О.А. Средневековое население долины р. Ус // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии.— Бишкек.—1991.—С. 74—76.
75. Готлиб А.И., Бутанаев В.Я. Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях—"све" // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 132—140.
76. Азбелев П.П. Конструкции оград минусинских чаа-тасов как источник по истории енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 5—16.
77. Бутанаев В.Я. Историческая судьба енисейских киргизов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории киргизского народа.—Фрунзе, 1989.—С. 66—77.
78. Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов в XVII—XIX вв.—М., 1990.—С. 16—19.
79. Молдобаев И.Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа.—Фрунзе, 1989.—С. 90—113.
80. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе...—С. 81—82.
81. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов...—С. 206—207.
82. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.—М., 1983.—С. 71—75.
83. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.—М., 1984.—С. 102—106, 142—145.
84. Там же.—С. 162.
85. Там же.—С. 157; Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 204.
86. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 47-52; Он же. Тяюхятская культура древних хакасов (IX-X вв.) // Там же.—С. 54—59; Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири ... —С. 48—67.
87. Тюркология—88.—Фрунзе, 1988.
88. Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии.—Новосибирск, 1990.—С. 5.

К ГЛАВЕ II.

1. История Тувы. М., 1964.—Т. 1.—С. 138; Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // УЗТНИИЯЛИ,—Кызыл, 1960,—Вып. VIII.—С. 215; Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследования первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // УЗТНИИЯЛИ,—Кызыл, 1960.—Вып. VIII.—С. 189; Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. // ТС.—1972.—М., 1973.—С. 339; Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами. // Археология Северной Азии—Новосибирск, 1982.—С. 123; Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. // ТС.—1974.—М., 1978. —С. 253; Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.—Новосибирск, 1982.—С. 206.
2. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI—XII веков. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1969.—Вып. XIII.—С. 14; Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. // СА.—1978.—N 1.—С. 122; Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1979.—С. 81.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА.—М.—Л., 1949.—N 9.—С. 314; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 3; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов. // МИА.—М., 1952.—N 24.—С. 121.
4. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.—М.—Л., 1952.—С. 45, 85; Он же. Памятники древневосточной письменности.—М.—Л., 1951.—С. 38, 39, 67; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.—М.—Л., 1959.—С. 20, 41.

5. Материалы по истории киргизов и Киргизии.—М., 1973.—Вып. 1.—С. 16, 17, 25, 26, 41, 42, 48, 49.
6. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз". // СЭ.—1970.—N 2.—С. 110.
7. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...—С. 20.
8. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.—Абакан, 1957.—С. 26—27.
9. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...—С. 6.
10. Klapproth J. Sur quelques Artiquites trouvees en Siberie // JA—Paris, 1893—Т. III.—P.9; Schott W. Uber die achten Kirgisen // АКРАУ—Berlin, 1865.—С. 432; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Ч. 1.—С. 351; Радлов В.В. Сибирские древности.—СПб., 1896.—С. 58.
11. Клеменц Д. Древности Минусинского округа.—Томск, 1886.—С. 73; Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа.—Томск, 1889.—С. 33.
12. Козьмин Н.Н. Хакасы.—Иркутск, 1925.—С. IX.
13. Рамстед Г. Перевод надписи "Селенгинского камня". // Тр. ТКОПОИРГО.—СПб, 1914.—Т. XV, вып. 1.—С. 43.
14. Козьмин Н.Н. Хакасы.—Иркутск, 1925.—С. VIII.
15. Там же.—С. VII.
16. Там же.—С. II.
17. Бартольд В.В. Киргизы.—Фрунзе, 1927.
18. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. // МЭ.—Л., 1929.—Т. IV, вып. 2.—С. 54.
19. Евтухова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены. // Тр. ГИМ.—М, 1940.—Вып. XI.—С. 24.
20. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов...—С. 121.
21. Киселев С.В. Древняя история...—С. 314; Он же. Древнехакасский эль. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1948.—Вып. 1.—С. 33.
22. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок.—М.—Л., 1946.—С. 165.
23. Малов С.Е. Енисейская письменность...—С. 7.
24. Кюннер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах. // УЗХНИИЯЛИ, Абакан, 1954.—Вып. III.—С. 121.
25. Он же. Восточные урянхайцы по китайским источникам. // УЗТНИИЯЛИ.—Кызыл, 1958.—Вып. VI.—С. 203.
26. Потапов Л.П. Происхождение и формирование...—С. 278.
27. Он же. О статье Н.В. Кюннера "Восточные урянхайцы по китайским источникам". // УЗТНИИЯЛИ.—Кызыл, 1958.—Вып. VI.—С. 199—200.
28. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. // Тр. КАЭЭ.—Фрунзе, 1959.—Т. 3.—С. 111.
29. Он же. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. // ВИ.—1954.—N 7.—С. 151.
30. Он же. К вопросу об этногенезе хакасов. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1959.—Вып. VII.—С. 79—81; Он же. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины.—М., 1960.—С. 189—190.
31. Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI—VII веков. // НАА.—1968.—N 4.—С. 88—97; Он же. Взаимоотношение терминов "хакас" и "кыргыз" в письменных источниках VI—XII веков. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1969.—Вып. XIII.—С. 5—20; Он же. История Тувы в средние века.—М., 1969.—С. 88—93.
32. Он же. Взаимоотношение терминов...—С. 20.
33. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз". // СЭ.—1971.—N 4.—С. 60.
34. Там же.—С. 62.
35. Там же.—С. 60.
36. Он же. Взаимоотношение терминов...—С. 20.
37. Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас. // НАА.—1970.—N 4.—С. 255.
38. Там же.—С. 256—257.

39. Там же.—С. 257—259.
40. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз". // СЭ.—1971.—N 1. — С. 110—120.
41. Там же.—С. 117.
42. Там же.—С. 118.
43. Там же.—С. 118, прим. 34.
44. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири.// СЭ.—1971.—N 4.—С. 53—58.
45. Там же.—С. 58.
46. Там же.—С. 54.
47. Там же.—С. 54.
48. Там же.—С. 56.
49. Там же.—С. 56.
50. Там же.—С. 56—58.
51. Там же.—С. 58.
52. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации.—Кызыл, 1971.
53. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"...—С. 59—60, прим. 7.
54. Там же.—С. 60—61.
55. Там же.—С. 61.
56. Там же.—С. 65.
57. Там же.—С. 66—67.
58. Караев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас". // Кыргыз терминологиясынын маселелери.—Фрунзе, 1972.—С. 122—123.
59. Там же.—С. 126—135.
60. Там же.—С. 136.
61. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...—С. 8, прим. 20.
62. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "кыргыз"...—С. 61, 67.
63. Он же. Роль археологических источников для изучения малых народов Сибири. // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1973.—С.13—14.
64. Он же. Курганы средневековых хакасов. // Первобытная археология Сибири.—Л., 1975.—С. 206.
65. Там же.—С. 206.
66. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 58; Он же. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.) // Там же.—С. 60—61.
67. Он же. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой. // Западная Сибирь в эпоху средневековья.—Томск, 1984.—С. 112—118.
68. Он же. История Южной Сибири в средние века.— М., 1984.—С. 123.
69. Там же.—С. 118.
70. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов. // СА.—1978.—N 9.—С. 140; Он же. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII веке.//СА.—1980.—N 2. —С. 80—86; Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.—М., 1983.—С. 52.
71. Он же. Происхождение Аскизской культуры Южной Сибири. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Южной Сибири и сопредельных территорий.—Омск, 1979. — С. 52.
72. Мэн-да бэй-лу. М., 1975.—С. 128, прим. 110.
73. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...—С. 54.
74. Там же.—С. 53.
75. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 168.
76. Он же. История Южной Сибири...—С. 53.
77. Там же.—С. 55.
78. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа.—Фрунзе, 1963.—С. 37.
79. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...—С. 8.

80. Там же.—С. 8.
81. Там же.—С. 14.
82. Там же.—С. 9.
83. Там же.—С. 10.
84. Там же.—С. 14.
85. Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят. // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов.—Улан-Удэ, 1983.—С. 98.
86. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия "киргиз"...—С. 118.
87. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов...—С. 18—19.
88. Он же. Еще раз о терминах "хакас" и "киргиз"...—С. 65.
89. Боргояков М.И. Об одной рукописи по хакасским глаголам. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1970.—Вып. XIV.—С. 185, прим. 8.
90. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии. // Историческая этнография. Традиции и современность.—Л., 1983.—С. 62.
91. Там же.—С. 69.
92. Сердобов Н.А. О некоторых вопросах...—С. 53—58.

К ГЛАВЕ III.

1. Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее.—Новосибирск, 1986.—С. 31.
2. Там же.—С. 20.
3. Вайнштейн С.И. В.В.Радлов и его труд "Из Сибири" // Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника.—М., 1989.—С. 656.
4. Караев О.К. Ценное учебное пособие // Учитель Кыргызстана.—1987.—20.11.—С. 3.
5. Чороев Т.К. Талаштан тактыкка // Кыргызстан маданияты.—1987.—19.11.—С. 7.
6. Худяков Ю.С. Енисей кыргыздарынын тарыхы // Ала-Тоо.—1989.—N 1.—С. 117—141; Он же. Енисей кыргыздарынын тарыхы // Ала-Тоо.—1990.—N 3. С. 88—102; Он же. Енисей кыргыздарынын тарыхы // Ала-Тоо.—1990.—N 4.—С. 117—127.
7. Худяков Ю.С. Енисей кыргыздарынын тарыхы // Кыргыздар.—Бишкек, 1991.—С. 118—240.
8. Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах "хакас" и "киргиз" // Советская этнография.—1971.—N 4.—С. 56.
9. Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее...—С. 22.
10. Там же.—С. 29.
11. Там же.—С. 30.
12. Кызласов Л.Р. Этнонимы "хаас" и "хасха" в хакасском языке // Маргулановские чтения.—Алма-Ата, 1989.—С. 260—263.
13. Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1959 — Вып. VIII.—С.80; Он же. История Тувы в средние века.—М., 1969.—С. 90—91.
14. Яхонтов С.Е. Этнонимы "киргиз", "хаас", "чик" в китайских исторических сочинениях // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии.—Бишкек, 1991.—С. 124—125.
15. Мэн-да бэй-лу.—М., 1975.—С. 128, прим. 110.
16. Яхонтов С.Е. Этнонимы "киргиз", "хаас", "чик"...—С. 124.
17. Там же.—С. 125.
18. Там же.—С. 125.
19. Там же.—С. 125.
20. Кызласов Л.Р. Этнонимы "хасс" и "хасха"...—С. 260.
21. Там же.—С. 260.
22. Там же.—С. 260.
23. Доможаков Н.Г. О некоторых особенностях сагайского и хаасского (качинского) диалектов // ЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1956.—Вып. IV.—С. 65.
24. Боргояков М.И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1959.—Вып. VII.—С. 137.
25. Там же.—С. 137.

26. Кызласов Л.Р. Этнонимы "хаас" и "хасха"...—С. 261.
27. Там же.—С. 262.
28. Там же.—С. 263.
29. Там же.—С. 261—262.
30. Там же.—С. 263.
31. Там же.—С. 263.
32. Там же.—С. 263.
33. Там же.—С. 261.
34. Там же.—С. 263.
35. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 166—168.
36. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Ч. 1.—С. 354.
37. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.—Абакан, 1957.—С. 175—180.
38. Там же.—С. 179.
39. Кызласов Л.Р. Этнонимы "хаас" и "хасха"...—С. 263.
40. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 136—137.
41. Караев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас" // Кыргыз терминологиясынын маселелери.—Фрунзе, 1972.—С. 133.
42. Кызласов Л.Р. Этнонимы "хаас" и "хасха"...—С. 263.

К ГЛАВЕ IV.

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Ч. 1.—С. 50.
2. Бартольд В.В. Киргизы // Соч.—М., 1963.—Т. 2. Ч. 1.—С. 477.
3. Там же.—С. 477.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 73, 351.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—МИА.—М.—Л., 1949.—N 9.—С. 267.
6. Там же.—С. 268.
7. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины.—М., 1960.—С. 161—162.
8. Там же.—С. 162.
9. Там же.
10. Там же.
11. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия.—Л., 1927.—Вып. 2.—С. 66—67.
12. Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы // Вестник Московского университета.—Сер. ист., фил.—1958.—N 4.—С. 96—97.
13. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С. 163.
14. Там же.—С. 164.
15. Там же.—С. 165.
16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 154.
17. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С. 166—168.
18. Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // СЭ.—1966.—N 1.—С. 109.
19. Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1961.—С. 368—369.
20. Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири.—Улан-Удэ, 1964.—С. 306—307.
21. Там же.—С. 307.
22. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура.—Новосибирск, 1979.—С. 66.
23. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка.—МИА.—М.—Л., 1956.—N 48.—С. 99.
24. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.—Л., 1984.—С. 14.

25. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре. // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1981.—С. 97.
26. Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири.—Л., 1968.—Т. 1.—С. 187.
27. Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири.—Л., 1975.—С. 150—151; Она же. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.—Новосибирск, 1979.—С. 88—89.
28. Кузьмин Н.Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры евразийских степей.—Л., 1983.—С. 73; Он же. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири.—Л., 1988.—С. 56.
29. Худяков Ю.С. Ранний железный век Южной Сибири. Методические указания к курсу "Археология Сибири".—Новосибирск, 1986.—С. 11—14; Он же. Некоторые черты погребальной обрядности тесинских племен (по раскопкам могильника Ник-Хая-Пурун) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре.—Новосибирск, 1987.—С. 137—139; Он же. Тесинские курганы в долине р. Табат // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1989.—С. 105—110.
30. Мартинов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Конец скифской эпохи в Южной Сибири. Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции.—Кемерово, 1979.—С. 33—35.
31. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры Евразийских степей.—Л., 1983.—С. 39.
32. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С. 163—165.
33. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры // Археологический сборник.—Л., 1971.—Вып. 13.—С. 96—99.
34. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С.27, 162.
35. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири...—С. 14—17.
36. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С. 162.
37. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. "Дворец Ли Лина", или конец одной легенды // СЭ.—1976.—N 3.—С. 146.
38. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири...—С. 14—17.
39. Там же.—С. 17.
40. Там же.—С. 17.
41. Савинов Д.Г. Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграция? // Смены культур и миграции в Западной Сибири.—Томск, 1987.—С. 40.
42. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири...—С. 12—13.
43. Там же.—С. 13.
44. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.—М., 1984.—С. 9, 15—22.
45. Худяков Ю.С. Ранний железный век...—С. 26—28.
46. Худяков Ю.С. Динлины Центральной Азии // Проблемы археологии степной Евразии.—Кемерово, 1987.—Ч. II.—С. 142.
47. Худяков Ю.С. Кыргызы Центральной Азии // Вопросы этнической истории кыргызского народа.—Фрунзе, 1989.—С. 30—31.
48. Там же.—С. 31.
49. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э.—VII в. н.э.—М., 1989.—С. 62.
50. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.—Л., 1986.—С. 146.
51. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 50.
52. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну.—М., 1973.—Вып. 2.—С. 116.
53. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 82.
54. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии...—С. 61.
55. Там же.—С. 62.
56. Там же.—С. 61.
57. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 126.

58. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.—М., 1984.—С. 75.
59. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха...—С. 165, 193.
60. Там же.—С. 165.
61. Супруненко Г.П. Некоторые источники по истории древних кыргызов // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 237—238.
62. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов...—С. 65.
63. Там же.—С. 139.
64. Супруненко Г.П. Некоторые источники...—С. 239.
65. Там же.—С. 239.
66. Там же.—С. 239.
67. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 188.
68. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов...—С. 48.
69. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 350—351.
70. Там же.—С. 353.
71. Там же.—С. 351.
72. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.—М., 1961.—С. 55.
73. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 351.
74. Кюнер Н.В. Китайские известия...—С. 60.
75. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 351.
76. Кюнер Н.В. Китайские известия...—С. 58.
77. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов...—С. 402.
78. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 353; Кюнер Н.В. Китайские известия...—С. 60.
79. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов...—С. 402.
80. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.—М., 1988.—С. 156—189.
81. Там же.—С. 236.
82. Синьцзян гудай минцзу вэньу (Материальная культура древних народов Синьцзяна)—Пекин, 1985.—Рис. 173.
83. Худяков Ю.С. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту "Шелковый путь" на территории КНР // Изв. СОАН СССР. сер. история, филология и философия,—1991.—Вып. 1.—С. 72.
84. Восточный Туркестан...—С. 223-264.
85. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия.—М., 1984.—С. 110-117.
86. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 222.

К ГЛАВЕ V.

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.—Ч. 1.—С. 222.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки.—М.: Наука, 1967.—С. 58.
3. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 354.
4. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 240—241.
5. Там же.—С. 241.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951.—С. 38.
7. Гумилев Л.Н. Указ. соч.—С. 298.
8. Малов С.Е. Указ. соч.—С. 67.
9. Там же.—С. 39.
10. Супруненко Г.П. Указ. соч. — С. 241—242.
11. Рамстедт Г.И. Перевод надписи "Селенгинского камня" // Труды Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества.—СПб., 1914.—Т. 15, вып. 1.—С. 43-44.
12. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 355.

13. Худяков Ю.С. Бао-И или Кутлуг? // Бахрушинские чтения. 1978 г.—Новосибирск, 1978.—С. 131.

К ГЛАВЕ VI.

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л.: Изд-во АН СССР. 1950.—Ч. 1.—С. 355.
2. Там же.—С. 355.
3. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.—Л.: Гос. Рус. Геогр. Общ-во, 1926.—Т. II.—С. 347.
4. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 355.
5. Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч.—С. 348.
6. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 334.
7. Там же.—С. 356.
8. Там же.—С. 334.
9. Там же.—С. 356.
10. Там же.—С. 356.
11. Там же.—С. 356.
12. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв.—Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974.—С. 27.
13. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX—XII вв.—Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983.—С. 101.
14. Там же.—С. 101.
15. Там же.—С. 107—108.
16. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 243.
17. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840—848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.—Новосибирск, 1975.—С. 72.
18. Там же.—С. 75.
19. Там же.—С. 76.
20. Там же.—С. 77.
21. Там же.—С. 79—80.
22. Там же.—С. 80.
23. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 356.
24. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли вэй-гун Хойчан Ипине Цзи" // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. на-ук.—Фрунзе, 1963.—Т. V, вып. 1.—С. 72.
25. Там же.—С. 73—75.
26. Там же.—С. 75—76.
27. Там же.—С. 77—78.
28. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры...—С. 77.
29. Малявкин А.Г. Материалы...—С. 30. прим. 25, 31, 52, 53.
30. Бичурин Н.Я. Указ. соч.—С. 357.
31. Там же.—С. 357.
32. Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1951.—Вып. 2.—С. 12.
33. Малявкин А.Г. Уйгурские государства...—С. 177.

К ГЛАВЕ VII.

1. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.—М.: Наука, 1984.—С. 213.
2. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.—Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974.—С. 67.
3. Материалы по истории киргизов и Киргизии.—М., Наука, 1973.—Вып. 1.—С. 41.

4. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью.—СПб., 1897.—С. 110.
5. Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1951.—Вып. II.—С. 12.
6. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.—Алма-Ата, 1980.—С. 47.
7. Ахинжанов С.М. Этнонимы "кимак" и "кипчак" // Археология эпохи камня и металла Сибири.—Новосибирск, 1983.—С. 115.
8. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.—М.: Высшая школа, 1984.—С. 80.
9. Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни гэсэриады.—М.: Изд-во АН СССР, 1957.—С. 62, 70.
10. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-Асар ва ал-малик ал-каххар.—М.: Наука, 1971.—С. 104.
11. Бартольд В.В. Отчет о поездке...—С. 111.
12. Е. Лун-ли. История государства киданей.—М.: Наука, 1979.—С. 221—224.
13. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—Т. 1, кн. 2.—С. 78—79.
14. Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана.—Иркутск, 1937.—Т. 1.—С. 246—247.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—Т. 1, кн. 1.—С. 135—137.
16. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—С. 68.
17. Рашид ад-Дин. Указ соч.—Т. 1, кн. 2.—С. 112, 250.

К ГЛАВЕ VIII.

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—Т. 1, кн. 1.—С. 150.
2. Там же.—С. 150.
3. Он же. Сборник летописей.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—Т. 1, кн. 2.—С. 151.
4. Он же. Указ. соч.—Т. 1, кн. 1.—С. 102.
5. Он же. Указ. соч.—Т. 1, кн. 2.—С. 112.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.—М.—Л., 1941.—С. 207.
7. Там же.—С. 174—175.
8. Рашид ад-Дин. Указ. соч.—Т. 1, кн. 1.—С. 150.
9. Там же.—С. 122.
10. Там же.—С. 171.
11. Козин С.А. Указ. соч.—С. 240.
12. Рашид ад-Дин. Указ. соч.—Т. 1, кн. 1.—С. 151.
13. Там же.—С. 151.
14. Там же.—С. 123.
15. Там же.—С. 102.
16. Он же. Указ. соч.—Т. 2.—С. 201.
17. Там же.—С. 161.
18. Кычанов Е.И. Сведения в "Юань-ши" о переселениях киргизов в XIII веке // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук.—Фрунзе, 1963.—Т. V.—Вып. 1.—С. 59.
19. Там же.—С. 61.
20. Рашид ад-Дин. Указ. соч.—Т. II.—С. 100.
21. Козин С.А. Указ. соч.—С. 114.
22. Кычанов Е.И. Указ. соч.—С. 64.
23. Там же.—С. 61.

24. Там же.—С. 62.
25. Рашид ад-Дин. Указ.соч.—Т. II.—С. 205.

К ГЛАВЕ IX.

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.—М.—Л., 1929.—Т. IV, вып. 2.—С. 51—54.
2. Там же.—С. 54, табл. II, V, I, 2, VI.
3. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—МИА.—М.—Л.,—1949.—N 9.—С. 317—319.
4. Там же.—С. 318—319.
5. Там же.—С. 261.
6. Там же.—С. 264.
7. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 6.
8. Там же.—С. 7—8, 27.
9. Кызласов Л.Р. Сырский чаа-тас. // СА.—1955.—Вып. XXIV.—С. 253.
10. Там же.—С. 254.
11. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины.—М., 1960.—С. 151.
12. Там же.—С. 156.
13. Кызласов Л.Р. Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии.—Абакан, 1980.—С. 110.
14. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. // АСГЭ.—1971.—Вып. 13.—С. 94—106.
15. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.—Новосибирск, 1979.—С. 157.
16. Мартынова Г.С. Погребения с "кыргызскими вазами" в курганах Михайловского могильника // ИЛАИ.—Кемерово, 1976.—Вып. VII.—С. 60—80.
17. Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири.—Л., 1975.—С. 173—183; Она же. Поминальные камни таштыкских могильников. // КСИА.—М., 1971.—Вып. 128.—С. 34; Кызласов Л.Р. Поминальные памятники таштыкской эпохи.// СА.—1975.—N 2.—С. 30—47.
18. Комплекс археологических памятников...—С. 142—144.
19. Там же.—С. 157—159. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия.—Новосибирск, 1980.—С. 198—202.
20. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1981.—С. 95—100; Кызласов Л.Р. Поминальные памятники...—С. 46—47; Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) // СА.—1973.—N 4.—Рис. 2, 21; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.—Л., 1984.—С. 40—43; Кызласов Л.Р. Древнетюркская культура чаа-тас VI—IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 48.
21. Баранов Л.Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа. // Первобытная археология Сибири.—Л., 1975.—С. 162—165.
22. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...—С. 122—128.
23. Там же.—С. 142—144.
24. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв...—С. 198.
25. Там же.—С. 199—200. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.—Новосибирск. 1982.—С. 58.

26. Он же. Типология погребений VI—XII вв...—С. 201; Он же. Погребения по обряду трупоположения IV—XIV вв. в Минусинской котловине // Историческая этнография. Традиции и современность.—Л., 1983.—С. 142; Он же. Эволюция погребального обряда хакасов // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири.—Новосибирск, 1983.—С. 17.
27. Комплекс археологических памятников...—Рис. 55, 69, 72, 76, 77, 79, 83, 84; Худяков Ю.С. Раскопки чаа-таса Тепсей XI в. // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1977.—Рис. 5.
28. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур...—С. 54.
29. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока—Новосибирск, 1979.—С. 205.
30. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири...—С. 318.
31. Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н. э. —VI в.н.э.) // Краеведческий сборник.—Абакан, 1956.—N 1.—С. 87—92.
32. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее...—С. 205—206; Он же. Уйгуры на Среднем Енисее.—Изв.СОАН СССР. Сер. ист., филолог., философ.—1985.—N 14.—Вып. 3.—С. 59.

К ГЛАВЕ X.

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.—М.—Л., 1929.—Т. IV, вып. 2.—С. 54—55.
2. Там же.—С. 55.
3. Там же.—С. 58.
4. Там же.—С. 55, 58.
5. Евтюхова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. // Тр. ГИМ.—М., 1938.—Вып. VIII.—С. 111, 120, 122.
6. Она же. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 15, 53, 60, 66, 67.
7. Там же.—С. 66.
8. Там же.—С. 46, 71.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—МИА.—М.—Л., 1949.—N 9.—С. 336, 342.
10. Там же.—С. 325, 329, 331.
11. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района.—Красноярск, 1929.—С. 48; Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края.—Красноярск, 1939.—С.52.
12. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов.—МИА.—М., 1952.—N 24.—С. 136.
13. Кызласов Л.Р. Сырский чаа-тас. // СА.—1955.—Вып. XXIV.—С. 256.
14. Он же. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1960.—Вып. VIII.—С. 62.
15. Вайнштейн С.И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири. // УЗТНИИЯЛИ.—Кызыл, 1957.—Вып. V.—С. 219; Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ. // УЗТНИИЯЛИ.—Кызыл, 1960.—Вып. VIII.—С. 189; Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии.—М., 1972.—С. 260.
16. Там же.—С. 261; Грач А.Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА.—1969.—Вып. 118.—С. 53, прим. 35.
17. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.); Автореф. канд.дисс.—Л., 1974.—С. 8, 9.
18. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов. // Первобытная археология Сибири.—Л., 1975.—С. 193; Он же. древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 46; Он же. Тюхтятская культура древних хакасов (XI—X).—Там же.—С. 54.

19. Кызласов И.Л.; Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. // СА.—1978.—N 1.—С. 122.
20. Он же. Аскизская культура Южной Сибири: Автореф. канд. дисс.—М., 1977.—С. 15, 16.
21. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас...—С. 48.
22. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1979.—С. 100, 115, 119.
23. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.—Новосибирск, С. 5.
24. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX—X вв.) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.—Омск, 1979.—С. 49.
25. Она же. Памятники енисейских кыргызов в Туве (XI—X вв.): Автореф. канд. дисс. —Л., 1985.—С. 12—16.
26. Она же. К определению названия археологической культуры енисейских кыргызов VI—XII вв. н.э. // Проблемы археологии и этнографии. Тезисы докладов региональной конференции.—Иркутск, 1982.—С. 117—118.
27. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия.—Новосибирск, 1980.—С. 198—201, 202—204.
28. Он же. К вопросу о культурных связях Забайкалья и Южной Сибири в эпоху средневековья. // Древнее Забайкалье и его культурные связи.—Новосибирск, 1985.—С. 68.
29. Он же. Кыргызы на Табате.—Новосибирск, 1982.—С. 4.
30. Подольский М.Л., Тетерин Ю.В. Раскопки раннеагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО, 1978.—М., 1979.—С. 267.
31. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее...—С. 205.
32. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами. // Археология Северной Азии.—Новосибирск, 1982.—123.
33. Савинов Д.Г. О памятниках "часовенногорского типа" в Южной Сибири. // Проблемы археологии и этнографии.—Л., 1977.—Вып. 1.—С. 91.
34. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. // Нумизматика и эпиграфика.—М.: 1984.—Вып. XIV.—С. 84.
35. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.—Абакан, 1957.—С. 161.
36. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 26.
37. Он же. Типология погребений V—XII вв...—С. 198—201.
38. Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Средневековые памятники в зоне Есинской оросительной системы. // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.—Новосибирск, 1985.—С. 214, прим. 10.
39. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 14.
40. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв.—С. 200.
41. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...—С. 158.
42. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв...—С. 202.
43. Он же. Кыргызы на Табате...—С. 27—34.
44. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии...—С. 93—100.
45. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—С.75—79.
46. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас...—С. 50—51.
47. Длужневская Г.В., Варламов О.В. Раскопки "крепости Омая".—// Археология юга Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1984.—С. 129.
48. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—С. 93.
49. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Т. 1.—С. 351.
50. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—Рис. 4, 67, 69, 70, 71, 72, 85.
51. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.—Новосибирск, 1980.—С. 133.
52. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—С. 6.
53. Там же.—С. 58.

54. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей...—Рис. 86.
55. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 32, рис. 29, 30.
56. Он же. Кок-тюрки на Среднем Енисее...—С. 205.
57. Там же.—С. 206.
58. Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее. // Изв.СОАН СССР. Сер.ист.филолог.,философ.—1985, N 14, вып. 3.—С. 55—59.
59. Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов. // КСИИМК, М.—Л., 1947.— Вып. XVI.—С. 94—96.
60. Бартольд В.В. Киргизы. // Сочинения.—М., 1963.—Т. II, ч. I.—С. 489,
61. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.—Новосибирск, 1974.—С. 30.
62. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв...—С. 202.
63. Он же. Типология и хронология средневековых памятников Табата. // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык.—Новосибирск, 1985.—С. 93.
64. Он же. Типология погребений VI—XII вв.—С. 203.
65. Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск. // СА.—1973.—N 2.—Рис. 2.
66. Он же. Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края. // Археология Северной Азии.—Новосибирск, 1982.—С. 131.
67. Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В. Погребения с сожжением могильника Каменный мыс. // Вопросы древней истории Южной Сибири.—Абакан, 1984.—С. 31, 91, 92.
68. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами. // Археология Северной Азии.—Новосибирск, 1982.—С. 126—128.
69. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв...—С. 202.
70. Там же.—С. 202.
71. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 63—69.
72. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура...—С. 57.
73. Там же.—С. 55.
74. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов...—С. 134—135.
75. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура...—С. 56.
76. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. // Нумизматика и эпиграфика.—М., 1984.—Т. XIV.—С. 96—98.
77. Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв...—С.204.
78. Он же. Кыргызы на Табате...—С. 117.
79. Он же. Типология погребений V—XII вв.—С. 204.
80. Он же. Типология и хронология средневековых памятников Табата...—С. 96—98.
81. Он же. Кыргызы на Табате...—С. 74—78.
82. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 202.
83. Там же.—С. 203.
84. Там же.—С. 206—207.
85. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов...—Рис. 14.
86. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов...—С. 136—137.
87. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X—IV вв.—М., 1983.—С. 42—44.
88. Он же. Курганы средневековых хакасов.—С. 125.
89. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 182.
90. Там же.—С. 184—203.
91. Кызласов И.Л. Аскизская культура...—С. 67.
92. Худяков Ю.С. Типология и хронология...—С. 98.
93. Кызласов И.Л. Аскизская культура...—С. 64.
94. Там же.—С. 75.
95. Там же.—С. 64.
96. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 196—202.

К ГЛАВЕ XI.

1. Радлов В.В. Сибирские древности.—СПб., 1896.—С. 58.
2. Там же.—С. 58.
3. Клеменц Д. Древности Минусинского музея.—Томск, 1886.—С. 64.
4. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа.—Томск, 1889.—С. 36.
5. Козьмин Н.Н. Хакасы.—Иркутск, 1925.—С. 7.
6. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.—Л., 1926, т. 2.—С. 355.
7. Там же.—С. 356.
8. Бартольд В.В. Киргизы.—Сочинения.—М., 1963.—Т. 2. Ч. 1.—С. 489—495.
9. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. // МЭ.—1929.—Т. 4, вып. 2.—С. 55.
10. Левашова В.П. Ремесло в древнехакасском государстве. // ЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1948.—Вып. 1.—С. 43.
11. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 85—86.
12. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—М., 1951.—С. 568.
13. Там же.—С. 573.
14. История Киргизи.—Фрунзе, 1956.—Т. 1.—С. 117.
15. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени. // Тюркологический сборник.—М., 1966.—С. 192; Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии.—Фрунзе, 1968.—С. 93; Древняя Сибирь.—Л., 1976.—С. 130; Потапов Л.П. Эльтеберы енисейских рунических надписей. // Тюркологический сборник.—М., 1972.—С. 145; История Красноярского края.—Красноярск, 1967.—С. 15; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды.—М., 1967.—С. 82; Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. // Тюркологический сборник.—М., 1972.—С. 299; Сердобов Н.А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. // СЭ.—1971.—N 4.—С. 54.
16. Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. // УЗХНИИЯЛИ.—Абакан, 1960. — вып. 8. — С. 68; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. —М., 1969.—С. 118.
17. Там же.—С. 116.
18. Там же.—С. 118.
19. Там же.—С. 118.
20. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья.—М., 1981.—С. 52.
21. Там же.—С. 52.
22. Там же.—С. 52.
23. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.—М., 1984.—С. 105.
24. Там же.—С. 124.
25. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства.—М., 1970.—С. 66.
26. Савинов Д.Г. о длительности пребывания енисейских кыргызов в Центральной Азии // Вестн. ЛГУ, 1978.—Вып. 3, N 14.—С. 39.
27. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.—Новосибирск, 1982.—С. 210—214; Худяков Ю.С. К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху средневековья. // Этнография народов Сибири.—Новосибирск, 1984.—С. 18—24.
28. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Ч. 1.—С. 351—352.
29. Там же.—С. 351.
30. Материалы по истории киргизов и Киргизии.—М., 1973.—Вып. 1.—С. 41.
31. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.—М., 1961.—С. 56—57.

32. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли Вэй-Гун Хойчан Ипинь Цзи". // Изв. АН Кирг. ССР, 1963, Сер. обществ.наук.—Т. 5, вып. 1.—С. 70—71, 75, 77.
33. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 118.
34. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.—М.—Л., 1952.—С. 19, 49, 74, 75, 77, 83, 85.
35. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—С. 78.
36. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате...—С. 38—47, 58.
37. Худяков Ю.С. Раскопки чаа-таса Тепсей XI в 1977 году. // Западная Сибирь в эпоху средневековья.—Томск, 1984.—С. 55.
38. Евтюхова Л.А. Археологические памятники...—Рис. 26, 104, 105.
39. Там же.—С. 73.
40. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа.—Новосибирск, 1979;—С. 93—115.
41. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...—С. 111.
42. Карцов В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища. // Тр.Секции археологии РАНИОН.— М., 1929.—Т.4.—С. 42.
43. Материалы по истории киргизов...—С. 42.
44. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследование замка в дельте Уйбата. // АО 1976 года.—М., 1977.—С. 213—214.
45. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 352.
46. Материалы по истории киргизов...—С. 42.
47. Малов С.Е. Енисейская письменность...—С. 83.
48. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...—С. 105.
49. Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас...—С. 52.
50. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 102—109.
51. Киселев С.В. Древние города Монголии. // СА.—1957, N 2.—С. 95.
52. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.—Абакан, 1957.—С. 18.
53. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...—С. 102—105.
54. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков...—С. 34.
55. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири...—С. 125.
56. Ураи-Кехальми К. К вопросу об образовании кочевых государств //Урало-Алтаистика: Археология, этнография, язык.—Новосибирск, 1985.—С. 129.
57. Федоров В.И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения. // МИА.—М., 1952.—N 24.—С. 142.
58. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 352.
59. Там же.—С. 354-356.
60. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 241—242.
61. Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. // Нумизматика и эпиграфика.—М., 1984.—Вып. XIV.—С. 96—99.

К ГЛАВЕ XII.

1. Кожин П.М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии.—Новосибирск, 1987.—С. 121.
2. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая.—М., 1968.
3. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй.—М.: Наука, 1983.—С. 125—128.
4. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, N 9.—С. 269—272.
5. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия.—М., 1984.—С. 117—119.

6. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков.—М.: Изд-во Наука, 1979.—С. 101—102; Мокрынин В.П. По следам прошлого.—Фрунзе: Кыргызстан, 1986.—С. 79—83.
7. Уманский А.П. Погребение эпохи "великого переселения народов" на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири.—Новосибирск, 1978.—С. 133—163.
8. Арсланова Ф.Х. Курганы "с усам" Восточного Казахстана // Древности Казахстана.—Алма-Ата, 1975.—С. 124—129; Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири.—Новосибирск, 1985.—С. 32—35; Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века.—М.: Изд-во МГУ, 1969.—С. 72—76.
9. Варламов О.Б. О датировке "уйгурских" погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов.—Кемерово, 1987.—Ч. II.—С. 181—183.
10. Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.—Новосибирск, 1975.—С. 156—162.
11. Худяков Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории киргизского народа.—Фрунзе, 1989.—С. 31.
12. Гумилев Л.Н. Древние тюрки.—М.: Наука, 1967.—С. 60—69.
13. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VI—XIII вв.)—М.: Наука, 1984.—С. 41—43.
14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки...—С. 53—58.
15. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 48.
16. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока.—М., 1971.—Вып. X.—С. 143—144.
17. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.—Алма-Ата, 1980.—С. 5—13.
18. Худяков Ю.С., Цзэвэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии.—Новосибирск, 1982.—С. 93.
19. Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // Советская археология.—1959.—N 3.—С. 165—166.
20. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения. 1984 год.—Новосибирск, 1985.—С. 245—249.
21. Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // История и культура Бурятии.—Улан-Удэ, 1976.—С. 36—43.
22. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.—Ч. I.—С. 352.
23. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 241—242.
24. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 108—109; Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты...—С. 157—160, 162—163; Он же. Привозные зеркала Минусинской котловины.—М.: Наука, 1975.
25. Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры.—М.—Л., 1947.—Вып. XVI.—С. 95—96.
26. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1979.—С. 206.
27. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.—Новосибирск: Наука, 1980.—С. 162.
28. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века "Ли Вэй-Гун Хойчан Ипинь Цзи" // Известия АН Кирг. ССР, Серия обществ. наук.—Фрунзе, 1963.—Т. V.—Вып. 1.—С. 70—78.
29. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.—Новосибирск: Наука, 1974.—С. 37.
30. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С. 352—355.

31. Там же.—С. 352.
32. Худуд ал-Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии.—М., 1973.—Вып. 1.—С. 41.
33. Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири.—Новосибирск, 1987.—С. 70—72.
34. Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее.—Новосибирск: Изд-во НГУ, 1986.—С. 59.
35. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 169—171; Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX—XII вв.—Новосибирск: Наука, 1983.—С. 240—251.
36. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 160—161.

К ГЛАВЕ XIII.

1. Клеменц Д. Древности Минусинского музея.—Томск, 1986.—С. 152—166.
2. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района.—Красноярск, 1929.—С. 48—50.
3. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии.—Л., 1929.—Т. IV, вып. 2.—С. 28—61.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1951.—Ч. 1.—С. 350—357; Бартольд В.В. Киргизы. —Фрунзе, 1927.
5. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 103—107.
6. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате.—Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1982.—С. 214—221.
7. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.—Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1980.—С. 176.
8. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.—Новосибирск: Наука. Сиб. Отделение, 1986.—С. 206—226.

К ГЛАВЕ XIV.

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена.—СПб, 1951.—II, ч.1.—С. 445, прим. 5.
2. Огородников В.И. Очерк истории Сибири.—Иркутск, 1920.—Ч.1.—С. 169.
3. Бартольд В.В. Киргизы // Соч.—М., 1963. —Т.II. Ч.1.—С. 496.
4. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок.—М.—Л., 1946.—С. 162—163.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.—М., 1951.—С. 615, 616.
6. Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы Востоковедения.—1959.—N 5.—С. 167—168.
7. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник.—Л., 1978.—Вып. 26.—С. 83.
8. Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник.—М., 1973.—С. 315.
9. Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением из могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКАЭЭ.—М.—Л., 1966.—Т.2.—С. 129, прим. 78.
10. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения. 1984 год.—Новосибирск, 1985.—С.248—249; Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник.—М., 1990.—С. 66, 102, 105, 112; Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакасии // Историко-культурные связи народов Южной Сибири.—Абакан, 1988.—С. 188—191.
11. Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа.—Л., 1974.—Вып. XXXIX.—С. 41.

12. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века.—М., 1969.—С. 127—153.
13. Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур.—Новосибирск, 1983.—С. 144—153.
14. Грач А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока.—М., 1980.—Вып.22.—С. 107—108.
15. Воробьева-Десятковская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока.—М., 1980.—Вып. 22.—С. 131.
16. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая.—М., 1974.—С. 242—246.
17. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.—М.—Л., 1950.—Ч. 1.—С. 353.
18. Майнагашев С.Д. Жертвоприношение небу у Бельтыров // Сборник МАЭ.—Пг., 1916.—Т.3.—С.94.
19. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С. 128.
20. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С.353.
21. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири.—Новосибирск, 1978.—С. 20.
22. Кызласов Л.П. История Тувы... С. 128.
23. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник.—Л., 1975.—С. 72—80.
24. Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // Сборник МАЭ.—Пг., 1917.—Т.5.—С. 6—7.
25. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Атлас.—Томск, 1886.—Табл. VIII, 2—7, 15, 26, 28; IX, 3; XI, 8.
26. Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков // Тюркологический сборник.—М., 1978.—Табл. 8, 9, 12, 13, 31—35.
27. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С.128.
28. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй...—С.162.
29. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.—М.—Л., 1952.—Т.1, кн. 1.—С.150.
30. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.—М.—Л., 1951.—С. 38.
31. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков.—М., 1952.—С.26.
32. Там же.—С.66.
33. Там же.—С.62.
34. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск, 1979.—С.206.
35. Малов С.Е. Енисейская письменность...—С.53.
36. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй...—С.163.
37. Длужневская Г.В. Еще раз о "Кудыргинском валуне" (в вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник.—М., 1978.—Рис. 1—4.
38. Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX—начало XX в.—Новосибирск, 1987.—Рис. 9.
39. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе...—С.35.
40. Бичурин Н.Я. Собрание сведений...—С.353.
41. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.—М., 1961.—С.60.
42. Материалы по истории киргизов и Киргизии.—М., 1973.—Вып.1.—С.41.
43. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С.195, прим. 89.
44. Там же.—С.195, прим. 89.
45. Худяков Ю.С. Кыргызские могильники как объекты палеодемографического исследования // Историческая демография Сибири.—Новосибирск, 1992.—С. 44—46, 48, 51, 53—55.

46. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.—Алма-Ата,1980.—С.9.
47. Малов С.Е. Енисейская письменность...—С.11.
48. Там же.—С. 17.
49. Там же.—С.80.
50. Григорьев В.В. Об арабском путешественнике Абу Дулафе и странствовании его по Средней Азии.—СПб, 1872.—С. 34.
51. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С.128.
52. Малов С.Е. Енисейская письменность...—С.85.
53. Там же.—С.14.
54. Там же.—С.14.
55. Худяков Ю.С. Шаманизм...—С.71.
56. Там же.—С.72.
57. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте...—С.248-249.
58. Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах...—С.188—191.
59. Кызласов Л.Р. История Тувы...—С.127.
60. Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало...—С.47.
61. Грач А.Д. Древнекыргызские курганы...—С.120.
62. Там же.—С.121.

К ГЛАВЕ XV.

1. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена.—СПб.,1750.—Кн. 1.—С. 12—19.
2. Фишер И.Э. Сибирская история.—СПб., 1774.
3. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений в пяти томах.—Алма-Ата: Гл.ред. Казахской советской энциклопедии, 1985.—Т.II.—С.59.
4. Там же.—С. 65.
5. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии.—Иркутск, 1929.—С. 20.
6. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина.—1896.—Вып. III—IV.—С. 298.
7. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения.—М.: Изд-во Восточной литературы, 1963.—Т. II. Ч. 1.—С. 509—510.
8. Грум-Гржимайло Г.Е. Реферат // Известия государственного географического общества.—Л., 1934.—Т.66.—Вып. 1.—С.180.
9. Бернштам А.Н. История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Краткие сообщения института истории материальной культуры.—М.—Л., 1947.—Вып. XVI.—С. 176.
10. Там же.—С.176.
11. Там же.—С.177.
12. Там же.—С.177.
13. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.—Фрунзе, 1959.—Т. III.—С. 104—116.
14. Алексеев В.П. Хакасы, енисейские киргизы, киргизы // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.—М., 1956.—Т.1.—С.114-115.
15. Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.—Фрунзе, 1959.—Т. III.—С.31—48.
16. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз.ССР, 1963.—С. 47-95, 130—145.
17. Там же.—С. 50, 122.

18. Кызласов Л.Р. К истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV веках // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.—Абакан, 1965.—Вып. XI.—С.60.
19. Там же.—С.61.
20. Там же.—С.62, прим. 3.
21. Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968.—С.30—93.
22. Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // Народы Азии и Африки.—1970.—N 4.—С. 256—259; Караев О. Еще раз о терминах "кыргыз" и "хакас" // Кыргыз терминологиясынын маслелери.—Фрунзе, 1972.—С. 130—133.
23. История Киргизской ССР.—Фрунзе: Кыргызстан, 1968.—Т.1.—С. 143—157, 229—235.
24. Там же.—С. 121—125, 159.
25. История Киргизской ССР.—Фрунзе: Кыргызстан, 1984.—Т.1.—С.50.
26. Там же.—С.242—243.
27. Там же.—С.429—431.
28. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88.—Фрунзе: ИЛИМ, 1988.—С. 42—43.
29. Там же.—С.43.
30. Петров К.И. Указ.соч.—С. 119—120.
31. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы и исследования по археологии СССР.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—N 26.—С.83—84.
32. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.—N 9.—С. 342; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).—Абакан, 1948.—С. 60—66; Левашов В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР.—М.: Изд-во АН СССР, 1952.—N 24.—С. 135—136.
33. Кызласов Л.Р. Указ.соч.—С.62.
34. Там же.—С.62, прим. 3.
35. Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Указ.соч.—С. 42—43.
36. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX—XII вв.—Новосибирск: Наука, 1983.—С. 177.
37. Караев О. Земля тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах.—Фрунзе, ИЛИМ, 1973.—С.6—48.
38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.—Т.1, кн.1.—С.135—137.
39. История Киргизской ССР.—Фрунзе: Кыргызстан, 1984.—Т.1.—С.491.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Глава I. Водоворот проблем	6
Глава II. Дискуссия об этнониме "кыргыз"	17
Глава III. Продолжение дискуссии	36
Глава IV. Древние кыргызы в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э.	42
Глава V. Борьба за Саяно-Алтай в VI—VIII вв. Кыргызы, тюрки, уйгуры. Кыргызы и кыштымы.	51
Глава VI. Эпоха "кыргызского великодержавия". Кыргызы на просторах Азии	59
Глава VII. Саяно-Алтай в начале II тыс. н.э. Кыргызы, кыштымы, уйгуры.....	69
Глава VIII. Монгольское завоевание Саяно-Алтая. Кыргызы в составе монгольской империи	73
Глава IX. Происхождение кыргызской культуры	82
Глава X. Эволюция кыргызской культуры.....	88
Глава XI. Культурно-хозяйственный тип этноса енисейских кыргызов	104
Глава XII. Торговые и культурные связи енисейских кыргызов	112
Глава XIII. Военное дело кыргызов.....	116

Глава XIV. Религиозные системы кыргызов.....	125
Глава XV. Енисей и Тянь-Шань.....	133
Заключение.....	141
Рисунки I — XX.....	143 — 162
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I.....	163
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II.....	166
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III.....	169
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV.....	170
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V.....	172
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VI.....	173
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VII.....	173
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VIII.....	174
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IX.....	175
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ X.....	176
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XI.....	179
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XII.....	180
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XIII.....	182
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XIV.....	182
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XV.....	184

Юлий Сергеевич Худяков

КЫРГЫЗЫ НА ПРОСТОРАХ АЗИИ

Редактор М.Н.Федоров
Корректор Л.М.Челнокова

Подписано в печать 18.08.95 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано ПП Камекс-Детай ЛТД. Бишкек. Проспект Мира 48.

ОПЕЧАТКИ К КНИГЕ
Ю.ХУДЯКОВА "КЫРГЫЗЫ НА ПРОСТОРАХ АЗИИ"

	НАПИСАНО	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ
1. Стр. 30	"О осоздании"	"О создании"
2. Стр. 41	"хасутов"	"хаасутов"
3. Стр. 42	"хастар"	"хаастар"
4. Стр. 52	"Хемарху"	"Земарху"
5. Стр. 99	"XI-X"	"XI-XII"
6. Стр. 100	"тупоположения"	"труположения"
7. Стр. 112	"природно-географический"	"природно-географический"
8. Стр. 122	"длмнный"	"длинный"
9. Стр. 127	"XI в."	"IX в."
10. Стр. 137	"кыргызов Енисея"	"кыргызов с Енисея"
11. Стр. 169	"хасс"	"хаас"

Подписано в печать 18.08.95 г. Формат 60x84 1/16.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано ПП Камекс-Детай ЛТД. Бишкек. Проспект Мира 48.